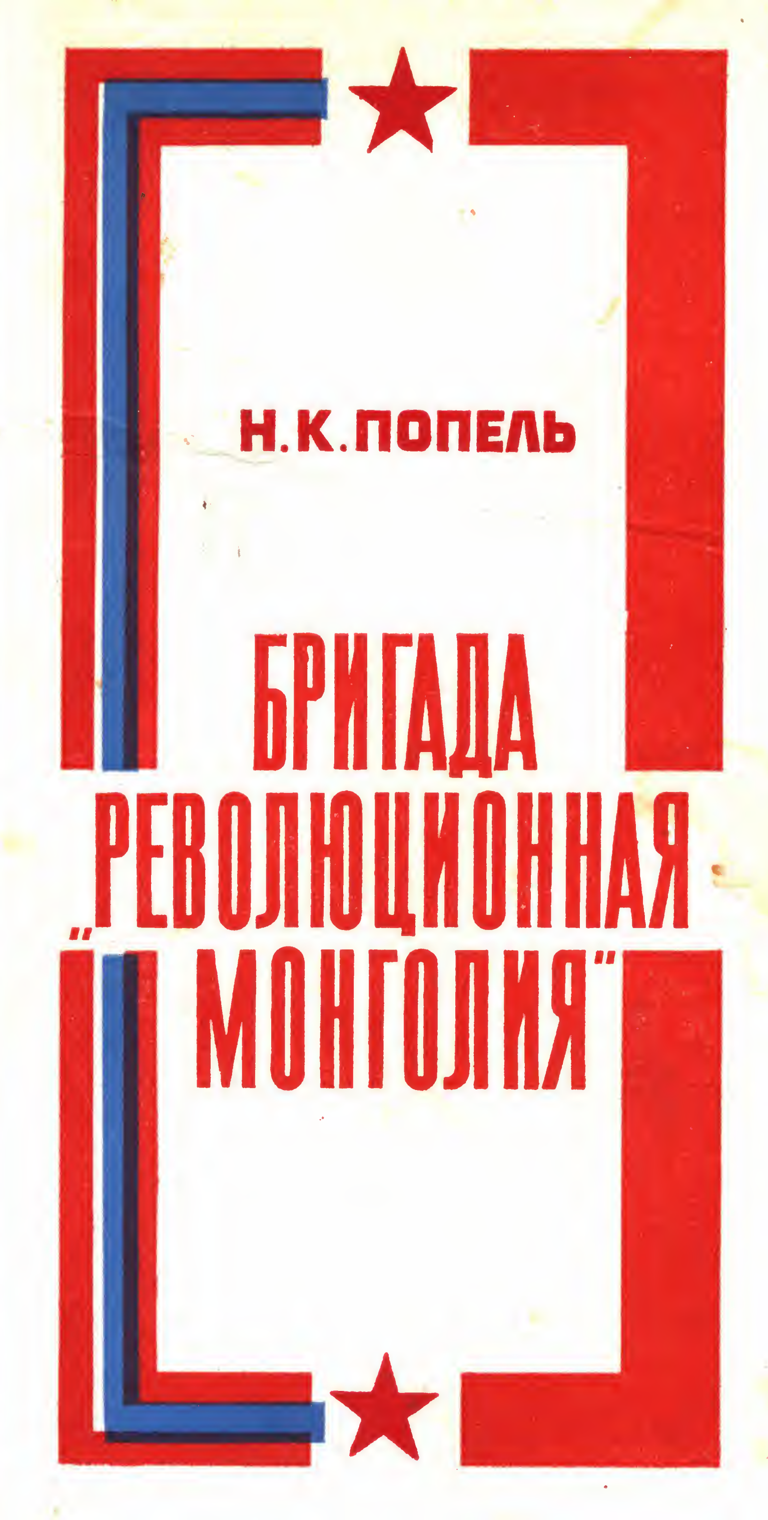

Н. К. ПОПЕЛЬ
БРИГАДА „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОНГОЛИЯ"

Н. К. ПОПЕЛЬ

БРИГАДА „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОНГОЛИЯ"

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1977

При написании книги о воинах-танкистах бригады «Революционная Монголия» были использованы документальные материалы личного архива.

Выражаю глубокую благодарность боевым товарищам и монгольским друзьям, всем, кто помогал мне ценными советами и замечаниями в работе над книгой.

Попель Н. К.

П 57 Бригада «Революционная Монголия». М., ДОСААФ, 1977.

176 с. с ил.

Автор — генерал-лейтенант в отставке Николай Кириллович Попель — рассказывает о подвигах и героизме солдат, сержантов и офицеров 44-й гвардейской танковой бригады «Революционная Монголия» в Великой Отечественной войне, о братской интернациональной дружбе советского и монгольского народов.

Книга рассчитана на массового читателя.

П $\frac{70302-068}{072(02)-77}$ 34—77 9(С)27

НАЧАЛО ПУТИ

Лето военного сорок первого года. Там, на Западе, душное, жаркое, оно гремело стальными грозами. Горький дым пожарищ затягивал далекий горизонт.

А на другом конце страны жители одного из городков Приморского края понятия не имели о воздушных тревогах, бомбежках. Внешне жизнь не утратила размеренного и спокойного ритма. И все же она изменилась. Суровей, жестче стали лица. Люди шли в военкоматы, осаждали партийные и комсомольские организации, записывались в Красную Армию добровольцами. Война вошла в каждый дом, в каждую семью — никто не остался равнодушным, все стремились жить так, чтобы хоть чем-то помочь тем, кто сражался сейчас на фронте, помочь Родине в трудный час.

В городе появилось много военных, по улицам сновали штабные «эмки», связные мотоциклисты, с полигона за городской чертой доносился глухой гул танковых двигателей. Так начиналось формирование новой дивизии.

Создавалась она на базе двух бригад, прославившихся в боях на Хасане и Халхин-Голе.

Формирование дивизии было поручено полковнику Андрею Лаврентьевичу Гетману. Его заместителем стал тоже боевой командир Платон Юрьевич Михайлов. Еще в империалистическую он ушел добровольцем на фронт, служил в пехоте. За храбрость получил два солдатских «Георгия». На Хасане Михайлов водил в атаку бойцов, дрался с исключительным мужеством и отвагой. Недаром имя его гремело по Дальневосточному фронту!

В дивизию пришли опытные, знающие командиры: полковой комиссар Ефим Викторович Безносов стал комиссаром дивизии, полковник Михаил Трофимович Леонов — начальником штаба. Леонов, отличный танкист, ранее командовал ротой, батальоном, окончил академию бронетанковых войск, возглавлял штаб бригады, сражавшейся впоследствии на Халхин-Голе.

Не менее опытными были и командиры танковых полков. Майор И. Д. Меньшов воевал в гражданскую, дрался с басмачами, с японскими самураями на сопке Заозерной, был награжден орденом Красного Знамени, медалью «XX лет РККА» и Почетной грамотой Совета Министров Узбекской ССР. Максим Клементьевич Скуба, участник хасанских боев, страстно любил спорт, умел увлечь подчиненных. Отличный стрелок, он не раз на стрельбах занимал первые места.

Энергичный военачальник, прекрасный штабист, полковник Гетман легко ориентировался в сложных организационных вопросах, возникающих в процессе формирования. Времени мало, а нужно сколотить костяк дивизии, укомплектовать ее личным составом, познакомиться с людьми, проверить способности каждого. В мирные дни формирование танковой дивизии заняло бы многие месяцы, теперь следовало уложиться в предельно сжатые сроки.

Комдив ездил по частям, знакомился с людьми, техникой, заслушивал доклады тыловых служб. Танковая дивизия — это большое хозяйство, десятки проблем: снабжение горючим, продовольствием, боеприпасами. Одному, разумеется, не объять необъятное; помогали боевые соратники, решительные и инициативные.

С первых же дней большую работу развернул политотдел дивизии, возглавляемый старшим батальонным

комиссаром В. М. Шалуновым. Это был на редкость интересный человек, коммунист, профессиональный политработник, он отдавал армии весь свой жизненный опыт. Простой в обращении, чуткий, он любил поговорить с людьми по душам и находил простые и понятные слова, навсегда завоевывал сердца тех, кто с ним когда-либо встречался.

В политотделе сосредоточивались донесения, сводки, докладные записки о комплектовании. Но Шалунов не довольствовался одними бумагами, проверял «бумажный поток», беседуя с бойцами и командирами, постоянно бывал в ротах, батальонах, полках. Закаленный и обстрелянный воин, впоследствии, когда дивизия втянулась в бои, он личным примером вдохновлял бойцов.

Комиссары дивизии, несмотря на разницу в возрасте и биографии, чем-то походили друг на друга. Умелые воспитатели, они жили объединенные одной целью, одной задачей — сделать дивизию боеспособной. Комиссаров и политработников роднила общность интересов.

Осень на Дальнем Востоке ясная, сухая. Ласковое солнце, прозрачный воздух, жужжание пчел. В редкие минуты короткого отдыха танкисты купались в чистых прохладных озерах, играли в волейбол, натянув сетку между деревцами и, казалось, над их головами всегда будет мирное, розовеющее от вечерней зорьки небо.

А война уже грохотала в Подмосковье. Враг, не считаясь с потерями, рвался к столице. День ото дня сводки становились все тревожнее, и всякий раз, прочитав их, танкисты засыпали командиров одними и теми же вопросами: когда пойдем на фронт? Каждому хотелось поскорее отправиться на запад, туда, где бьются с фашистами их братья, друзья.

Формирование дивизии продолжалось. Прибывала боевая техника: танки, бронемашины, минометы, артиллерия. Из военных училищ приезжали молодые лейтенанты в новеньком, с иголочки, обмундировании; из запасных полков и военкоматов — башенные стрелки, радисты, механики-водители, шоферы. Приезжали и добровольцы, чей возраст отнюдь не всегда соответствовал призывному — семнадцатилетние юнцы с комсомоль-

скими путевками, коммунисты — посланцы горкомов партии. Люди мирных профессий: учителя, инженеры, рабочие, артисты.

Дивизия в основном укомплектовывалась дальневосточниками, а среди них немало рыбаков, колхозников, лесничих, работников заповедников, звероловов, рабочих леспромхозов — здоровых, жизнерадостных, закаленных и выносливых. Им не впервой ночевать в лесу под открытым небом, в любую погоду совершать дальние переходы; они умели под проливным дождем разжечь костер, приготовить пищу, перевязать рану — эти навыки на войне нужны. Дальневосточники стали хорошими воинами.

Но значительная часть пополнения не прошла суровой жизненной школы, не участвовала в боях. Этим людям предстояло в короткий срок научиться военному делу — на полигонах, танкодромах, стрельбищах. Танкисты учились с особой настойчивостью: от башенных стрелков зависела жизнь экипажа бронированной машины, а исход танковой дуэли решали хладнокровие, мужество и мастерство наводчика. Много труда положили и механики-водители. Танк должен пройти везде: в лесистой и горной местности, болотистыми низинами. От водителей требовалось незаурядное мастерство.

Напряженно работали и политработники. На полигонах и танкодромах парторги и комсорги, агитаторы подразделений читали бойцам сводки Совинформбюро, беседовали с ними о событиях на фронтах, международном положении. Они также выпускали боевые листки, в которых рассказывалось о результатах тактических занятий и стрельб.

Боевая учеба сплачивала красноармейцев и командиров, позволяла им лучше узнать друг друга, укрепляла монолитность подразделений. С каждым днем они добивались новых успехов, действовали дружнее, слаженнее.

В эти дни командира дивизии можно было встретить на учебных полях у танкистов, артиллеристов, стрелков, саперов. Полковник Гетман не только проверял, требовал и приказывал, он был педагогом, наставником, воспитателем. Нередко, показывая бойцам тот или иной маневр, ложился за пулемет, отбивал строевой шаг, садился за рычаги танка, учил стрелков вести огонь на ходу, терпе-

ливо разъяснял каждому его ошибки, настойчиво добивался их устранения.

— Мы не знаем, куда командование направит дивизию: на север или на юг, в степи или в горы,— говорил комдив,— но бои нам предстоят тяжелые, враг опытен, силен, коварен. Основной наш противник — танки. В первую очередь нужно научиться противостоять им, уничтожать их на любой местности — равнинной или лесистой, горной или холмистой. Надо уметь истреблять врага огнем танковых пушек, а также гранатами, бутылками с горючей смесью. Каждый танкист, если потребуется, должен действовать как пехотинец — из окопа и укрытия. Надо преодолеть танкобоязнь; умелый, хладнокровный боец сильнее танка.

Комдив внушал это командирам полков, батальонов, рот, на коротких привалах — бойцам, подтверждал рассказ простыми, доходчивыми примерами. Даже самым, казалось бы, примитивным оружием — бутылкой с горючей смесью, можно остановить и уничтожить врага. Атакующий танк не так страшен, как поначалу кажется. Подпусти его, ляг на дно окопа, пропусти через себя и вдогонку на корму кидай бутылку. Главное — победи свой страх, заставь себя не бояться. И думай. Думай, как лучше нанести удар.

На тактических занятиях пришлось изрядно попотеть. Нагруженные скатками, вещмешками, бойцы совершали длительные марши, броски, днем и ночью учились отражать танковые атаки, окапываться под огнем. Нередко в районе занятий появлялся Гетман. Комдив указывал командирам и политработникам на важность личного примера. Заметив ошибку, он терпеливо объяснял бойцу, как надо действовать.

— Разве это окоп? Вырыл на полметра и думаешь укроет он тебя, спасет от вражеских танков? Ничего подобного. Ленивых на передовой смерть быстро находит. Необходимо отрывать окоп глубокий, полного профиля. В таком можно отсидеться при артобстреле или бомбежке и от танка укрыться. Смотри!

Комдив прыгнул в соседний окоп, затаился. Когда танк с ревом пронесся над ним, выглянул и швырнул на корму учебную гранату.

— Вот как надо! Рой глубже, товарищ боец, иначе пропадешь.

Однажды Гетман появился в роте Петра Орехова, поздоровался с командиром, подозвал двух красноармейцев.

— Гранаты и бутылки с горючей смесью у вас есть? Бросать умеете? А ну-ка, посмотрю...

Пришлось ротному пережить неприятные минуты. Бойцы обращались с гранатами неуверенно, чувствовалось, что кидают впервые. К бутылкам с КС многие относились скептически, разные о них ходили слухи: от малейшего толчка разбиваются, вспыхивают. Командир дивизии положил этому конец.

— У вас в руках оружие,— неторопливо внушал бойцам Гетман.— Такой бутылкой можно сжечь танк. Однако обращаться с ней нужно осторожно, вещь хрупкая, ронять не советую. Лучше носить бутылку не на поясе, а в вещмешке...

Напряженная обстановка на фронтах до минимума сократила сроки формирования. К середине октября 112-я танковая дивизия была готова к отправке на фронт.

На дивизионной партийной конференции с докладом о задачах коммунистов выступил А. Л. Гетман. Коммунисты утвердили план специальных мероприятий на период следования к фронту. 20 октября началась погрузка. К площадкам на станции подходили танки, громко перекликались артиллеристы, затаскивая на платформы орудия. Политработники обходили вагоны, рассказывали о делах на фронте.

В штабном вагоне командиры склонились у приемника. Слова диктора тяжким грузом ложились на сердце.

«В целях обеспечения обороны города Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

Ввести с 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...»

Танкисты напряженно ловили каждое слово. Каждый чувствовал огромную ответственность за судьбу своей Родины. В эшелонах, в вагонах возникали митинги, бойцы клялись защитить родную Москву.

И вот последний паровозный свисток: 112-я танковая дивизия двинулась в далекий путь на запад.

Потянулись забайкальские сопки, тайга, мосты, пере-

кинувшиеся через бурные речки. Эшелоны иногда простаивали на полустанках.

Томясь от вынужденного безделья, танкисты выскакивали из теплушек, охапками таскали багряные ветки рябины.

Каждое утро с нетерпением ждали газет. С тревогой вчитывались в скупые строки официальных сообщений, в которых то и дело мелькали названия подмосковных поселков и городков, направлений — истринского, тульского.

2 ноября газеты опубликовали обращение защитников Ханко. На митингах и собраниях танкисты клялись сражаться с фашистами так же мужественно и стойко, как бьются с врагом героические защитники Ханко. В ответ на обращение танкисты направили защитникам Ханко письмо, подписанное представителями всех частей и подразделений.

«Ни шагу назад! Стоять насмерть! Будем беспощадно истреблять врага на нашей священной земле, драться до последней капли крови, отстоим Москву, не пропустим к древним стенам Кремля гитлеровских разбойников.

Мы клянемся матери-Родине, клянемся всему советскому народу, что будем биться с врагом не щадя сил своих и самой жизни. Клянемся отстоять Москву!»

Наконец позади остались Сибирь, рубеж Азии и Европы. Замедлился бег эшелонов, а танкисты рвались туда, где продолжалось сражение: по Волоколамскому шоссе еще лязгали отполированными траками гусениц вражеские танки, украшенные драконами, ягуарами и иными устрашающими символами.

Утром 4 ноября на перегоне Рязань — Москва эшелон штаба и управления дивизии обстреляли фашистские самолеты. Загорелся подбитый вагон — четверо ранены, двое убиты. Останавливаться нельзя, тела павших везли с собой.

7 ноября танкисты узнали о параде, состоявшемся на

Красной площади. Эта весть произвела на бойцов огромное впечатление. Москва борется! Москва живет! Москва выстоит!

Вечером в тот же день закончилась разгрузка двух десятков эшелонов дивизии в районе Подольска. Части сосредоточились в Лопасне. Комдив Гетман и начальник политотдела Шалунов отбыли в штаб Западного фронта для доклада командующему фронтом генералу армии Георгию Константиновичу Жукову и члену Военного совета фронта Николаю Александровичу Булганину. Гетмана и Шалунова выслушали с большим вниманием. Жуков обрадовался:

— Очень, очень кстати. Вовремя. Полнокровная дивизия!

— Так точно, товарищ генерал! Шесть тысяч бойцов. Двести тридцать танков, орудий полковой артиллерии и противотанковых — сто стволов, два боекомплекта боеприпасов, продовольствия на десять суток.

— Отлично! Вы богатые, у вас больше половины танков, которыми располагает фронт.

— Танки танкам рознь,— негромко заметил Шалунов.— У нас немало легких — Т-26, БТ-7. Броня у них противопульная, машины эти предназначены главным образом для подавления пулеметных гнезд противника.

— Солома! — усмехнулся начальник политуправления фронта, дивизионный комиссар Лестев.— Горят, как свечи.

— Посмотрели бы вы на эти «свечи» на Хасане да Халхин-Голе! Танкисты японцам таких чертей всыпали, что самураи мчались без оглядки, бросали все, даже ботинки... Конечно, броня тонковата... Но мы приноровились, выработали свою тактику: стараемся не подставлять под огонь борта. Мы на этих «соломенных» еще дадим фашистам перцу! — горячился Гетман.— Мы это докажем в первом же бою!

Комдив охарактеризовал командиров частей и комиссаров. Когда назвал фамилию командира разведывательного батальона, командующий фронтом оживился:

— Какой Пальцев? Александр Васильевич? Я же с ним вместе служил. Это бесстрашный, опытный командир. Помнится, рассказывал мне, что остался круглым сиротой, когда шесть годков исполнилось. Беспризорничал,

воспитывался в приюте, а когда вырос, увлекся цирком, стал артистом. Даже школу циркового искусства окончил!

Позже, в армии, сказалась привязанность к коням, стал кавалеристом, служил инструктором конного дела в моем полку. Лихой рубака! С коня пересел на танк, командовал разведывательным батальоном в 23-й танковой бригаде. Я сам вручал ему орден Ленина и медаль «XX лет РККА». Побольше бы таких командиров... Передайте ему мой сердечный привет.

Жуков расспросил Шалунова о работе политотдела, побарабанил пальцами по столу.

— А как комиссары? Свои Пожарские есть?

Комиссара Пожарского, героя хасанских боев, Жуков хорошо знал по Дальнему Востоку. Во время штурма сопки Заозерной Пожарский шел впереди атакующих и первым ворвался в траншею противника, водрузил знамя на вершине сопки и погиб как герой.

— Будут и у нас, товарищ генерал.

— Хорошо. Не забывайте о роли комиссаров в бою. Они должны увлекать бойцов, вдохновлять, звать на подвиг, напутствовать партийным словом!

— Здесь, под Москвой, комиссар облечен особой ролью,— добавил Булганин.— Он не только боец, командир, но еще и воспитатель, представитель партии, организатор масс. Множество забот возложено на него: дела боевые, довольствие всех видов. Зима идет суровая. Комиссар обязан быть примером, образцом во всем.

Командование дивизии ознакомили с обстановкой на фронте. Противник готовит второе наступление на Москву, необходимо сорвать планы Гитлера, наносить контрудары. Жуков рассказал, что при штабе фронта создается подвижная конно-механизированная группа в составе конного корпуса генерала Белова и 112-й танковой дивизии.

— Зайдите к начальнику штаба, получите приказ и немедленно приступайте к исполнению!

Жуков, прощаясь, пожелал Гетману и Шалунову боевых успехов.

Возвращались молча. Машина катила с потушенными фарами, где-то на горизонте полыхало зарево, оттуда наплывал далекий гул.

Гетман задумался. До сих пор ему приходилось сражаться в горной местности, в пустынях. Здесь же другая обстановка, иные задачи. Танки должны действовать в заснеженных полях, заметенных метелями густых лесах. Стоят морозы, в промерзшей машине холод пробирает до костей. А дороги перерезаны противником, заминированы, перекрыты завалами.

Главное сейчас — разведка!

Ночью в лесу состоялось короткое совещание. На пеньках, наломанных еловых ветках расселись разведчики. Командир батальона майор Пальцев и комиссар Гребенков рассказали о предстоящих боях. Заскрипел снег, послышались шаги, подошли командир дивизии и комиссар.

— Как дела? Не замерзли?

— Ничего, товарищ полковник, скоро согреемся.

Разведчики народ веселый, разбитной, за словом в карман не полезут. Люди не унывают, это хорошо.

— Сядем рядком, поговорим ладком, товарищи. Есть у нас такая поговорка: «Порядок в танковых войсках». Хорошие слова, но чтобы у нас действительно был порядок всегда и везде, чтобы слова эти не расходились с делом, требуется многое. Командование поставило нашей дивизии ответственную задачу, если мы ее решим, отбросим противника, всыплем ему как следует, Москва нам спасибо скажет, москвичи поблагодарят в первую очередь вас — вы первыми вступите в бой. Вам предстоит сложная работа. Как вы знаете, разведчики должны прежде всех видеть врага, узнавать его планы и намерения. Враг силен и коварен, не забывайте об этом. Действуйте смело, но осмотрительно.

Потом коротко сказал комиссар.

— Вы коммунисты и комсомольцы. Уходя в разведку, вы оставляете партийные и комсомольские билеты, но всегда вам следует помнить о долге перед партией, перед Родиной.

Разведчики уходили в ночь. Долго шли лесом. Добрались до одинокого домика лесника. Где-то поблизости проходила передовая, сплошного фронта здесь не было.

Поразмыслив, разведчики поняли, что находятся в тылу противника.

Рассветало. Бойцы затаились в кустах. Не напрасно остановились здесь — заметили красный провод полевого телефона. Тонкой нитью тянулся он, огибая дом, и исчезал в сосняке. Разведчик финкой перерезал провод, оставалось терпеливо ждать.

Зимний лес в предрассветную рань неприветлив. Бойцы мерзли, лежа за кустами на снегу. Но вот в белесом тумане замаячили люди. Их было много. Очевидно, немцы заподозрили, что им устроена ловушка, и послали связиста с усиленной охраной.

Когда гитлеровцы поравнялись с разведчиками, те открыли огонь, затем довершили дело рукопашной, гитлеровцы были уничтожены, один взят в плен.

Успех разведчиков Пальцева окрылил воинов-дальневосточников. В тот же день о нем знала вся дивизия. А вскоре боевое крещение получил 124-й танковый полк.

БОИ ПОД ТУЛОЙ

Перед дивизией полковника Гетмана стояла трудная задача. Гитлеровцы, развертывая наступление на Москву, намеревались охватить город бронированными клешнями. 112-й танковой дивизии предстояло одну такую клешню отсечь.

На командном пункте тревожно. Радист непрерывно вызывал разведбат, но рация разведчиков не отвечала. А «сверху» запрашивали обстановку. Гетман поторапливал радиста, нервничал.

— Где я им возьму обстановку? Сам ничего не знаю. Радист, что там у тебя?

— Связи нет, молчат.

Гетман мрачно ходил по избе. Начальник штаба, подполковник Леонов старался не глядеть на комдива. Сутки он не отрывался от карты и телефона, охрип, сорвал голос. Теперь он считал себя виноватым — связь должна быть в любых условиях. Ведь все он предусмотрел: сигналы, позывные, время докладов. Леонов готов был выслушать какие угодно упреки, лишь бы заработала связь...

— Все! Дольше ждать нельзя!

Комдив уехал в передовой отряд полковника Меньшова — 124-й танковый полк, усиленный мотострелковым батальоном и батареей противотанковой артиллерии. Разъехались в части и офицеры штаба.

Только здесь уяснил Гетман всю сложность обстановки.

Преодолев минные поля и завесу артиллерийского огня, танки вошли в лес. Гудели мачтовые сосны, роняя с мохнатых ветвей снег, деревья раскачивались, рассеивая снежную пыль. Лес поглотил наступающих, разъединил их. Углубляясь в чащу, танки исчезали за деревьями, тонули в густом ельнике, утрачивали визуальную связь. На многих машинах не было раций. Ориентироваться в лесу трудно, просеки похожи одна на другую, легко заплутаться. Судя по карте, на опушке должна быть деревня, а вместо нее открывается безжизненное снежное поле. Окрестные села немцы разрушили, избы разобрали на блиндажи, остальное сожгли. Снег покрыл пепелища, лишь кое-где торчат закопченные печные трубы.

Полк с трудом прорвался через лес и сразу же попал под огонь артиллерийских и минометных батарей. Рассредоточившись, танки пошли вперед. Не остановила их и ожесточенная штурмовка с воздуха. Вместе с подоспевшей пехотой танкисты атаковали деревню Горки с востока, выбили гитлеровцев и снова наткнулись на лес.

— Срочно пробивать дорогу! — приказал командир дивизии.— Немцев надо отвлечь. Если пронюхают о наших намерениях, постараются помешать.

— Обманем, товарищ полковник. Пошумим на ложном направлении.

«Пошумели» основательно. Мощные тракторы со снятыми глушителями сновали по лесу, саперы взрывчаткой подрывали деревья, визжали пилы, падали срезанные сосны. А на другом участке днем и ночью бойцы пробивали дорогу для дивизии.

Хитрость удалась. Немцы нещадно молотили лес, подбили два трактора, сожгли грузовик, а тем временем дорога была закончена, танки вырвались на оперативный простор.

Трехдневные бои особых результатов не принесли. Штаб фронта изменил приказ. Нужна тщательная разведка, без нее рассчитывать на успех невозможно. Гетману предложили выделить подвижные группы для разведывательных рейдов на широком фронте: от шоссе Чехов — Серпухов до Рязани. В каждую группу выделялись танки, оснащенные рациями.

Гитлеровцы рвались к Туле. Фронт уже проходил на ее окраинах. Славный русский рабочий город стал бойцом. Все население встало на его защиту. Ополченцы стойко отбивали атаки. Редели их ряды. Но вовремя подоспевшие части Красной Армии помогли отбросить врага.

Тогда немцы избрали другое направление — через Венев, Каширу. Однако и здесь немецко-фашистские войска натолкнулись на железный заслон. 112-я танковая дивизия нанесла группировке противника контрудар, перешла в наступление и, прикрывая дорогу Серпухов — Тула, вышла на линию Шепилово, Железня.

Фашистское командование спешно подтягивало резервы. В бой были брошены пехотные и танковые части. Не считаясь с потерями, немцы продолжали рваться к Туле. Они пытались окружить город, но дивизия Гетмана и тульские ополченцы вынудили их перейти к обороне.

Бои под Москвой были первым испытанием для танкистов-дальневосточников. Они сражались мужественно, стойко. Отличились многие механики-водители и командиры танков. Лучшим механиком-водителем Гетман назвал сержанта Токарева.

Его танк получил серьезное повреждение. В мирное время машину бы сразу отправили в ремонт. Но экипаж решил не выходить из боя. Комсомолец Токарев с большим трудом завел двигатель. Мотор неоднократно глох, но водитель умудрялся снова запускать его. После боя с гитлеровцами Токарев отвел машину в тыл и с помощью ремонтников устранил повреждения.

Красноармеец Беликов шел в разведку. Пробравшись через заснеженный лес, увидел в поле фашистские танки, скрытно выдвигавшиеся во фланг мотострелкового полка. Как быть? Бежать с этим известием назад? Танки приближались, уже виден черно-белый крест на борту головной машины. Беликов пополз навстречу врагу.

Глубокий снег, кустарник скрывали бойца, немцы его не заметили. Оказавшись на расстоянии броска гранаты, Беликов метнул связку под гусеницу. Взрыв! Звон разлетевшихся траков. Танк беспомощно завертелся на месте.

Экипаж попытался исправить повреждение, за кормой машины мелькнул танкист в черном комбинезоне, рядом виднелась голова второго. Хотите гусеницу отремонтировать? Не выйдет, фрицы! Беликов вскинул автомат, фа-

шист рухнул в снег, другой бросился бежать и упал. Но в танке находился третий. Как хотелось выкурить его оттуда! Жаль, нечем.

Головной танк перекрыл путь остальным. Фашисты открыли беспорядочный огонь по лесу, но артиллеристы старшего лейтенанта Гуреева выкатили по снежной целине орудия на опушку и ударили по танкам прямой наводкой. Атака врага захлебнулась.

В итоге недельных боев дивизия Гетмана и группа генерала Белова освободили семь населенных пунктов, сорвали наступление 13-го корпуса немцев и удержали Серпухов — важный пункт обороны южнее Москвы.

Дивизию полковника Гетмана перебросили под Каширу.

Город готовился к обороне. Возводились инженерные сооружения, устанавливались надолбы, противотанковые ежи. Тысячи горожан и эвакуированных — школьники, женщины, старики — в жестокий мороз и метели рыли глубокий противотанковый ров, долбили ломами мерзлую землю, работали день и ночь. Улицы города ощетинились баррикадами.

В городе развернулись госпитали, тыловые службы фронта.

112-я танковая дивизия, совершив стокилометровый марш, с ходу вступила в бой с танками противника. Немцы прорвались к окраинам Каширы, попытались форсировать речку Мутенку. Путь гитлеровцам преградили зенитчики 352-го отдельного зенитного артдивизиона майора Смирнова.

В сумерках передовой отряд 112-й дивизии вступил в Каширу. В тот же вечер в городской комитет партии позвонил Верховный Главнокомандующий. Выслушав подробный доклад о положении в городе, Сталин приказал отстаивать Каширу любой ценой.

— Имейте в виду,— добавил Сталин.— Позади вас не только Москва, но и Ока.

Полковник Гетман понял смысл этих слов. Положение складывалось тяжелое. Позади дивизии широкая водная преграда, впереди — сильный противник, который наверняка попытается сбросить обороняющихся в реку. Защитники Каширы, не дожидаясь этого, решили атаковать

врага. Однако сперва следовало разобраться в обстановке. Разведчики пешком и на танках ушли на задание.

Погода стояла подходящая: мороз, пурга, снег по пояс. Не обошлось без приключений. Танк, с автоматчиками на заиндевелой броне, немало поплутав по заснеженному полю, заехал на окраину деревни Пятницы, не предполагая, что там немцы. У крайней избы прохаживалась толстенная баба, закутанная в шаль, в непомерно больших валенках. За плечом у «бабы» торчал карабин. Часового мгновенно скрутили, основательно помяв при этом. В штабе пленный быстро разговорился, рассказал, что у них плохо с горючим. Несколько цистерн прибыли на станцию Мордвес, но доставка горючего затруднена снежными заносами. Организовали было расчистку дорог, но их тотчас заметает метель.

Начальник штаба дивизии Леонов решил проверить показания пленного и послал в Мордвес сильный разведывательный отряд. Танкисты сбили вражеские заслоны, прорвались к станции. На путях стояли серебристые цистерны.

Башенный стрелок развернул орудие. Снаряд пронзил цистерну, разорвался вдали. Затарахтели крупнокалиберные пулеметы танков; цистерны, простроченные очередями, вспыхнули, заметалась перепуганная охрана. Раздался взрыв, другой. Через несколько минут на путях горели огромные костры...

Под Каширой плечом к плечу с дальневосточниками сражалась 173-я стрелковая дивизия (бывшая 21-я дивизия народного ополчения Киевского района Москвы).

Многие наши пехотинцы действовали в бою смело, уверенно. При отражении очередной контратаки противника наводчик противотанкового ружья Солопов быстро занял удобную позицию, маскируясь за убитой лошадью. Немецкие танки приближались, за ними мелькали автоматчики. Бронебойщик прицелился. Танк шел прямо на него, затем отвернул, очевидно, механик-водитель решил объехать холм, у которого лежала конская туша. Когда танк подставил борт, Солопов прижал приклад к плечу, выстрелил, и тяжелая бронебойная пуля поразила вражескую машину.

Боец сдвинул ушанку на затылок. Жарко! Радовался

недолго, к нему устремился другой танк. Солопов перезарядил ружье. Выстрел. Пуля, чиркнув по лобовой броне, высекла синюю искру. Второй. И тот же результат. Танк увеличил скорость. Подхватив ружье, боец начал отползать. Через минуту, лязгая гусеницами, машина накрыла убитую лошадь.

Танк развернулся. Пулемет бил длинными очередями по залегшей пехоте. Теперь он весь на виду, выгодно подставляет корму. Солопов выстрелил, и танк вспыхнул костром. По снежному полю прокатилось «ура», пехота поднялась в атаку.

За этот подвиг Солопов был награжден орденом Красной Звезды.

1313-й стрелковый полк захватил господствующую над местностью высоту. Успеху боя способствовала тщательная разведка позиций противника. Разведчики — бывшие студенты театрального училища имени Вахтангова Сеня Варин, Петр Маслов и Николай Ванечкин — ночью пробрались на высотку, пересчитали вкопанные танки, нанесли на карту пулеметные гнезда.

Не примирившись с потерей высоты, гитлеровцы пустили вперед пехоту в сопровождении танков. Появились «юнкерсы». Волна за волной заходили фашистские бомбардировщики на высоту, ударила артиллерия.

В конце концов гитлеровцам удалось потеснить наших пехотинцев, один пулемет достался противнику. Комсомолец казах Керей Джуманьягов вызвался отбить его. Он скрытно подполз к немецкому окопу и гранатой уничтожил расчет, перетащил пулемет в свою траншею. Вскоре пулемет уже строчил по фашистам.

Комдив приказал немедленно отбить высоту. Сосредоточенные на другом берегу Оки орудия и гвардейские минометы накрыли ее огнем. Ополченцы, кавалеристы и танкисты соединенными силами атаковали немцев. Не выдержав, фашисты бежали.

Бойцы преследовали врага. К исходу дня наши части завязали бои на окраинах сильно укрепленных деревень Пятница и Верзилово. Вечером разведчик Кириченко в маскировочном халате пробрался к деревне Пятнице. Изредка останавливался, напряженно всматривался: не хватает напороться на немцев!

Фашистские пулеметчики, засевшие в крайнем доме, простреливали засыпанную снегом луговину. Светящиеся

трассы тянулись в сторону нашей обороны. Все ясно, гитлеровцы стреляют наобум, огонь не прицельный. «Спасибо, помогли»,— разведчик усмехнулся и уверенно пополз вперед. Наконец добрался до кирпичного сарая и здесь лицом к лицу столкнулся с фашистами.

Вскинув автомат, он дал длинную очередь. Гитлеровцы попадали, уцелевшие юркнули за сарай. Храбрец уложил семь фашистов, но и сам был тяжело ранен. Подоспевшие товарищи перевязали раненого, отправили в медсанбат.

На рассвете взвод мотострелковой роты лейтенанта Адрианова завязал бой с превосходящими силами противника. Связь прервалась, и командир не получил приказа об отходе. Спасти товарищей вызвался младший сержант Гончаров. Пришлось бежать под огнем по полю, изрытому воронками.

Гончаров мчался от воронки к воронке, падал, переползал, чтобы сбить с толку вражеских снайперов, поднимался, бежал дальше. Пулей сбило ушанку, осколками порвало маскировочный халат. Но он все же добрался до окопов и передал пехотинцам приказ о смене позиций.

Взвод начал отходить, но немцы заметили движение и прижали огнем бойцов к земле. И снова пришел на помощь Гончаров. Меткими очередями из автомата он сдержал наседающих гитлеровцев. Тогда они сосредоточили на храбреце весь огонь. А когда попытались приблизиться, тот швырнул одну за другой гранаты. Немцы залегли. Гончаров воспользовался заминкой и догнал своих...

К ночи атаки гитлеровцев ослабли. Потеряв надежду захватить город, фашисты подвергли Каширу варварской бомбардировке. Разрывы тяжелых фугасных бомб вызвали большие разрушения, пожары, черный дым тянулся к морозному небу. Фашистские летчики сбрасывали вперемежку с обычными бомбы замедленного действия.

Каширцы самоотверженно боролись с огнем. Пожарным командам помогали саперы генерала Баранова и полковника Гетмана, рабочие, железнодорожники, инженеры и техники ГРЭС.

Положение города и оперативной группы генерала

Баранова, в которую входила дивизия Гетмана, ухудшалось. Противник вновь усилил нажим.

На совещании было решено атаковать противника силами 112-й танковой и 173-й дивизий.

Атаке предшествовал огневой удар «катюш». Земля в буквальном смысле загорелась под ногами захватчиков. На восточной окраине деревни Пятницы разведка отметила скопление фашистских танков и пехоты. «Катюши» метким залпом накрыли и этот участок.

Наши бронетранспортеры проникли в деревню Верзилово. На головном находился пулеметчик Жарков. Немцы, укрывшись за домами, яростно отстреливались. Трассирующие пули расцвечивали ночное небо.

Командир роты автоматчиков лейтенант Ефремов крикнул Жаркову:

— Выдвигай вперед пулемет! Немцы напирают.

Жарков покатил свой «максим» по широкой деревенской улице. Послышались крики, топот. Жарков быстро заправил ленту и лег за наводчика. Фашистская пехота приближалась. Гитлеровцы были совсем близко, когда ударила длинная очередь. Вторая. Вражеская пехота залегла. Жаркова заметили, вокруг засвистели пули.

Но отважный пулеметчик не терялся, засекал вспышки автоматов и бил по ним короткими очередями. Поспешно менял ленту и снова стрелял. В ночном бою гитлеровцы потерпели поражение и отступили.

Командира дивизии беспокоил правый фланг, где сражались стрелковые полки. На этом участке немцы могли перерезать железную и шоссейную дороги Тула — Москва и выйти к Серпухову.

Дивизия готовилась к переправе через Оку. Но и без того ненадежный тонкий лед был взломан беспрестанными бомбежками. Даже пехоте не перебраться, что же делать с танками, артиллерией? Полковник Гетман приказал использовать для переправы полуразрушенный железнодорожный мост.

На другом берегу в деревне Иваньково комдив пришел на узел связи. Телефон оказался исправным. А что если позвонить в деревни, занятые врагом?

— А ну-ка, девушка,— сказал Гетман телефонистке.— Принимай боевое задание.

Разъяснив, что требуется, комдив с помощью телефонистки быстро и без помех соединялся с окрестными населенными пунктами и спрашивал, есть ли в селе немцы, сколько их, какое у них вооружение, много ли танков? К немалому удивлению, комдив получил довольно подробные сведения; впоследствии все они полностью подтвердились. На сельских пунктах связи работали советские патриоты. Несмотря на огромный риск, они с радостью соглашались хоть чем-то помочь родной Красной Армии и буквально под носом у немцев передавали ценную информацию. Некоторые специально просили повторить вызов через час, а в это время бегали по селу, высматривали, пересчитывали фашистские танки и орудия. Эти сведения и донесения разведки позволили штабу иметь довольно четкое представление о противнике.

Получив необходимые данные о противнике, командование дивизии отдало приказ о наступлении. Танкисты-дальневосточники удачно сочетали оборону с контратаками, использовали засады. Несколько танков батальона капитана Шамова замаскировали на опушке леса. К капитану подбежал взволнованный наблюдатель.

— Товарищ командир! На подходе танки противника!

— Много?

— Семь штук!

— Не стрелять! Подпустим.

Шамов огляделся: наши танки замаскированы на совесть, со стороны и не заметишь. Молодцы ребята, постарались. Сейчас преподнесем фашистам сюрприз. Гитлеровцы не чувствовали опасности, маскировка сыграла хорошую службу.

С первых же выстрелов подбили два вражеских танка. Остальные фашистские машины поспешили отойти, гитлеровцы, видимо, посчитали, что в лесу спрятано много противотанковых орудий русских.

Не менее удачно действовали танкисты старшего лейтенанта Орехова. Они подбили танк и бронетранспортер.

Мужественно сражались и артиллеристы. Вели огонь с открытых позиций, выкатывая орудия на прямую наводку.

Несколько часов вел дуэль с гитлеровскими танками боец Сибиков. Немцы засекли его орудие. Снаряд разорвался поблизости, ранило наводчика, но артиллерист

продолжал стрелять. Перед его позицией, заваленной стреляными гильзами, дымилось пять вражеских машин. Сибиков за этот бой был награжден орденом Красной Звезды.

Потерпев неудачу, немцы решили перегруппироваться. Танки скрылись за холмом. Артиллеристам стало не по себе: что если немцы обходят?

Разведчик Гутов побежал к холму. Успешно преодолев поле, добрался до высотки, пополз к вершине, выглянул. Вражеские танки, один за другим, втягивались в узкую лощину. Экипажи пытались замаскировать машины, забрасывали их снегом, обтягивали белыми полотнищами. Гутов скатился с холма.

— Товарищ командир! Хитрят они, маскируются!

— Ничего, мы их сейчас... демаскируем.

Загремели орудия, лощина утонула в дыму. Командир артполка майор Лифшиц был награжден за этот бой орденом Ленина.

Помогали танкистам и зенитчики. На каширском направлении фашистское командование бросило против танков пикирующие бомбардировщики. Бойцы противовоздушной обороны зорко наблюдали за небом, встречали «юнкерсов» плотным заградительным огнем. Более десятка сбитых бомбардировщиков записали в те дни зенитчики 112-й танковой дивизии на свой боевой счет.

Гитлеровцы, собрав сильный кулак, предприняли попытку прорваться к деревне Богословское. Навстречу врагу устремились тридцатьчетверки. Командующий оперативной группой генерал Белов, обеспокоенный продвижением неожиданно появившейся колонны противника и настойчивым стремлением его выйти к Оке, отдал приказ всем своим соединениям идти на помощь танкистам. Но танкисты Гетмана, не дожидаясь подхода подкрепления, сами перешли в наступление и после ожесточенного боя освободили Шепилово, а позднее Железню.

Удар 112-й танковой дивизии во фланг каширской группировке Гудериана сорвал планы гитлеровцев. Полковник Гетман доносил:

«Ступино. Белову.

22.30. Продолжаю вести бой за овладение Павловским, Нефедьевым. Противник — до полка, с танками. Дороги минированы, подорвалась одна машина. Ищу обход справа.

Комдив Гетман, комиссар Безносов.»

Однако взять деревню Нефедьево не удалось. Противник подбросил подкрепление: пятнадцать танков с автоматчиками на броне.

Но отступать нельзя! Шесть тридцатьчетверок и батарея противотанковых орудий повернули навстречу врагу.

В упорном жестоком бою обе стороны понесли потери. Три наших танка и два орудия были подбиты. Гитлеровцы потеряли четыре машины. Десантники, сметенные с брони огнем танковых пулеметов, бежали в лес.

Утром главными силами дивизии враг был отброшен и отступил на Венев. Пятницкая группировка немцев прекратила существование; на всем южном крыле Западного фронта противник отходил, бросая оружие, оставляя склады боеприпасов, искореженную технику.

ВПЕРЕДИ — КАЛУГА

Потерпев неудачу под Каширой, немцы спешно проводили перегруппировку. Их передовые части неожиданно вышли в тылы 112-й танковой дивизии.

Гитлеровцы прорвались к штабу. Начальник штаба Леонов организовал круговую оборону. Офицеры служб, бойцы роты управления, порученцы, связисты, шоферы, хозяйственники расхватали винтовки. Загремели залпы, загрохотали гранаты — штабные дрались лихо. Гитлеровцы попятились, потом снова полезли вперед.

Неравный бой продолжался до вечера. Патроны, гранаты были на исходе. В ход пошло личное оружие командиров.

Гитлеровцы были уже на расстоянии броска гранаты, часть их заходила с фланга: штабникам грозило окружение. Внезапно из белесого сумрака прорвались облепленные снегом родные Т-26. Рота старшего лейтенанта Рыбалко вихрем промчалась сквозь вражеские цепи, поливая огнем оторопевших фашистов, круша гусеницами вражеские пулеметные гнезда.

В первых числах декабря положение на фронте в районе Тулы ухудшилось: немцам удалось прорвать оборону 50-й армии.

На помощь тулякам в числе других соединений была выдвинута дивизия Гетмана. Танкисты совершили сорокакилометровый марш и в указанное время вышли на исходные рубежи.

В те дни в Ставке Верховного Главнокомандования готовились к решающему удару по противнику.

6 декабря 1941 года войска Западного фронта перешли в наступление. Настало время поработать и танкистам-дальневосточникам. 112-я танковая дивизия пове-

ла наступление на Ревякино — сильный опорный пункт противника. Краснозвездные танки крушили лесные завалы, пробивали дорогу пехоте. Экипажи подрывали надолбы, вкопанные рельсы.

Танк механика-водителя Мажегова прорвался через вражеские траншеи, раздавил пулеметное гнездо, опрокинул тяжелый грузовик, помчался к деревне. На окраине, в траншеях, засела немецкая пехота, а неподалеку объявилась артиллерийская батарея. Вражеские орудия тотчас открыли огонь. Мажегов развернул танк и, поливая гитлеровцев из пулемета, ринулся на батарею, с ходу таранил орудие, вдавил его в снег, повернул ко второму и в этот момент в корму ударил снаряд. Машина вспыхнула, как стог соломы.

На несколько секунд Мажегов потерял сознание. Когда пришел в себя, услышал стоны раненых товарищей, провел рукой по лицу: кровь! Кривясь от боли, он вытащил друзей из горящей машины, передал их санитарам, а сам вскоре пересел в другой танк и снова пошел в бой.

Самоотверженно действовали в наступлении и артиллеристы. Огневой взвод младшего политрука Шидловского атаковали вражеские танки. Немцы подбили одно орудие, артиллеристы присоединились ко второму расчету. Головная машина, натужно ревя, приближалась, танковая пушка изрыгала пламя. Наводчик схватился за грудь и упал навзничь, ударившись о станину. К панораме встал Шидловский.

Выстрел! Танк словно налетел на невидимую стену. Задымил.

— Беглый, огонь!

Артиллеристы в упор расстреливали танки. Герои подбили четыре машины, немцы не выдержали и повернули назад.

В результате трехдневного боя танкисты совместно со стрелками 340-й дивизии разгромили руднево-ревякинскую группировку и отбросили гитлеровцев от Тулы. Город русских умельцев-оружейников, город-труженик, город-боец выстоял.

Танкисты Гетмана снова оказались неподалеку от городов Венев и Мордвес. Еще несколько дней назад уходили они отсюда под напором фашистских танков. Теперь

же положение изменилось. Сейчас воины дальневосточники выбивали врага из укрытий, уничтожали очаги сопротивления, живую силу, технику, захватывали пленных.

9 декабря Венев встречал своих освободителей.

Первыми ворвались в город разведчики 1315-го стрелкового полка: лейтенант Савенок, сержант Мисанов и младший политрук Какин. Не удивительно, что именно эти трое были первыми. Две недели назад они дрались здесь в полном окружении, отбиваясь от наседающих фашистов, прорвались и вышли к своим. Теперь они шли в передовой штурмовой группе.

Дивизия Гетмана устремилась к Ясной Поляне. Утром 11 декабря у деревни Михалково завязался бой. Немцы оказывали упорное сопротивление. Не дожидаясь завершения боев за село, командир дивизии направил мотострелковый полк в обход на Струково.

Пехотинцы скрытно подобрались к селу. Ефрейтор Шелковников, идущий впереди, приложил палец к губам: на окраине деревни сновали немецкие солдаты, поодаль стояли два офицера.

— Оставайтесь здесь. В случае чего — прикроете.

Шелковников побежал к ближайшему дому и бросил из-за угла гранату. Взрыв разметал фашистов, уцелевшие обратились в бегство. Шелковников скосил их меткой очередью.

Бойцы кинулись на штурм села. Фашисты, укрывшись в домах, отстреливались. С чердака вдоль деревни бил ручной пулемет, из подворотни ему вторил станковый.

Приходилось драться за каждый дом. Заместитель политрука Рулько своим пулеметом метко подавлял огневые точки врага. Гранатой поджег сарай, откуда строчил вражеский пулеметчик, и буквально выкурил немца. В конце деревни расположилась противотанковая батарея. Не видя подходящей цели, немцы били по наступающей советской пехоте. Однако «цель» вскоре появилась и совсем не с той стороны, откуда ее ждали. Танк Т-26 сержанта Юдина одним из первых ворвался в деревню с тыла, расстрелял фашистских артиллеристов, опрокинул и искорежил пушки, обстрелял чердак, где засели гитлеровцы, и уничтожил пулемет.

На рассвете над сельсоветом взвился красный флаг.

Танкисты и стрелки только что подошедшей 217-й дивизии завязали бой за Горюшино, откуда немцы вели

сильный минометный огонь. Полковник Гетман решил частью сил обойти деревню и направил в тыл противника танки и автоматчиков. Однако обстановка изменилась. Почувствовав ослабление, немцы неожиданно контратаковали и, прорвавшись к Струкову, отрезали наш заслон в деревне.

Танкисты полковника Скубы и мотострелки поспешили на выручку. Помощник командира пулеметной роты старший лейтенант Левашенко поднялся во весь рост.

— Вперед, ребята! Ура!

Не выдержав удара, немцы стали поспешно отходить на юг, стремясь оторваться от преследования.

Погода в те дни стояла неустойчивая. Пришла оттепель со всеми неприятными последствиями. Дороги развезло, колесные машины застревали в грязи, перемешанной с раскисшим снегом. Пехота стала отставать, и только танки упорно пробивались вперед. 14 декабря они вошли в Ясную Поляну.

Танкисты с волнением оглядывали толстовскую усадьбу. Страшная картина! Дом великого писателя разграблен. С варварской тупостью гитлеровская солдатня разбивала бесценные вазы, домашнюю утварь. Перед бегством гитлеровцы подожгли усадьбу, но бойцы и пришедшие на помощь местные жители сумели погасить пожар. Стремительная атака и самоотверженные действия танкистов спасли музей от полного разрушения.

Между флангами армии Гудериана образовался широкий разрыв. Советское командование решило использовать эту брешь для глубокого прорыва в тыл врага. Подвижной группе генерал-майора Попова предстояло совершить стремительный бросок к Оке, форсировать реку и завязать бой за Калугу.

Основной ударной силой подвижной группы стала 112-я танковая дивизия. Марш по тылам противника начался в ночь на 16 декабря. Войска двигались по сильно пересеченной местности. Гололед и снежные заносы затрудняли движение, путь пробивал тяжелый танк КВ.

Гитлеровцы всполошились. Генерал Гальдер записал в своем дневнике:

«14 декабря... Тяжелая обстановка сложилась в районе западнее Тулы. Разрыв фронта здесь не ликвидирован.

15 декабря... Серьезный разговор с главкомом по вопросам, связанным с обстановкой. Главком выглядит очень удрученным. Он не видит больше никаких средств, с помощью которых можно было бы вывести армию из нынешнего тяжелого положения.

20 декабря... В районе разрыва фронта западнее Тулы противник прорвался в наш тыл и оттуда... вышел в район южнее Калуги... Мрачное положение на участке южнее Калуги.»

Пытаясь сдержать наши войска, немцы бросили в бой авиацию. Вражеские бомбардировщики повисли над дорогами. Но противостоять нажиму советских частей противник не смог.

21 декабря подвижная группа вышла к Калуге и завязала бои за переправы через Оку. Но противник преподнес нам сюрприз: тылы дивизии в Алексеевке и Зябках подверглись атаке. До батальона немецкой пехоты, усиленной минометами, ворвалось в села. Создалась угроза расчленения дивизии, срыва снабжения. Нужно было принимать экстренные меры.

Коммунисты, начальник тыла дивизии Пуховец и его помощник старший лейтенант Калинин быстро собрали солдат тыловых подразделений. Калинин с шестьюдесятью бойцами зашел в тыл колонне противника и внезапным ударом обратил немцев в бегство. Преследуя врага, отряд Калинина ворвался в Зябки, очистил село, освободив окруженных тыловиков, вместе с ними продолжал преследование.

Командир артполка майор Лифшиц приказал выкатить орудия на открытые позиции. Первой открыла огонь батарея лейтенанта Чеботарева. Осколки буквально скосили вражеские цепи.

Попытка врага отрезать тылы 112-й танковой дивизии от ее главных сил потерпела провал. Снабжение войск боеприпасами и продовольствием было восстановлено.

На подступах к Калуге завязались упорные бои. Единственный мост через Оку, полуразрушенный бомбардировкой, простреливался противником. Форсировать реку

по льду также не представлялось возможным. Сизый лед, изъеденный полыньями, прогибался под тяжестью человека, а как переправлять танки?

И все же бойцы нашли выход. На подручных средствах форсировали Оку и захватили небольшой плацдарм.

Первым переправился через реку батальон капитана Трефилова. Бой распался на отдельные схватки. В тяжелом положении оказался командный пункт 112-го мотострелкового полка. Осколками снаряда тяжело ранило командира роты Пыбкина. Красноармеец Осьминкин прикрыл командира пулеметным огнем. Немцы бежали к нему, падали, скошенные короткими очередями, пулеметчик стрелял не переставая. Фашисты подбегали совсем близко, но всякий раз откатывались под ливнем пуль. Победил в неравном поединке советский солдат. Раненого командира вынесли с поля боя.

Командир батареи лейтенант Миневцев также одним из первых под огнем противника переправился через реку. Бойцы установили орудия на окраине города и прямой наводкой выбивали фашистов из домов и подвалов, прокладывая дорогу пехоте.

На перекрестке улиц стоял дзот, оттуда бил пулемет, не позволяя приблизиться. Дзот удачно прикрывала кирпичная ограда. Тогда вперед вырвалась бронемашина. Водитель Трубчанов направил броневик прямо на дзот. Пули защелкали по броне, но водитель не отвернул. Не сбавляя скорости, подъехал к дзоту и метнул из люка гранату. Вражеская огневая точка замолчала.

На улицах появились танки, противник подтянул артиллерию и минометы. Фашистская авиация наносила удары по наступающим. Используя численное превосходство, враг оттеснил части 112-й танковой дивизии, но утром мотострелковый полк снова перешел в наступление и уже к полудню захватил три квартала. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, стремясь эвакуировать из города многочисленные склады продовольствия и военного снаряжения. Ломая сопротивление врага, наши части продвигались вперед, ведя бой за каждый дом древнего города.

Разведчик ефрейтор Антропов проходными дворами проник на улицу, занятую гитлеровцами, и вошел в угловой дом. Услышав на лестничной клетке немецкую речь,

затаился и вскоре заметил двух автоматчиков. Не долго думая, Антропов метнул в них гранату.

Младший сержант Ильин заменил раненого командира взвода и вывел бойцов в расположение вражеской артиллерийской батареи. Ильин выглянул из подвала, где укрылись бойцы: в палисаднике стояло замаскированное тяжелое орудие, вокруг суетился расчет. Рядом пыхтел тягач, гитлеровцы собирались оттянуть орудие в тыл.

— Приготовить гранаты! Автоматчикам зайти с фланга!

Перебив расчет, бойцы подорвали пушку и тягач.

Ильин увлек бойцов за собой, и снова жаркая схватка с вражескими минометчиками. Уничтожена минометная батарея, более двух взводов гитлеровцев.

Наводчик орудия третьей батареи Власов в уличных боях истребил более десяти автоматчиков и вывел из строя миномет противника. Расчеты противотанковых орудий под командованием младшего политрука Кочанова уничтожили несколько вражеских огневых точек, две минометные батареи и истребили десятки вражеских солдат и офицеров, укрывшихся в разрушенных домах.

Но самые опасные и ответственные задания по разгрому вражеских опорных пунктов возлагались на роту тяжелых танков 131-го танкового батальона старшего лейтенанта Гусаковского. Только в одной деревне Некрасово тяжелые танки уничтожили более двухсот гитлеровцев. Отважно действовал командир танкового взвода лейтенант Игонин. Раненый, он не покинул танк и вел огонь до тех пор, пока не выбил засевших на окраине гитлеровцев.

В течение недели продолжались упорные бои в Калуге. Бойцы отвоевывали дом за домом. Исход борьбы с противником решила совместная атака 112-й танковой, 154-й стрелковой дивизий и других соединений 50-й армии. На рассвете войска штурмом овладели вокзалом, который гитлеровцы превратили в своеобразную крепость. Вскоре весь город был освобожден от оккупантов.

В боевом донесении командира дивизии Гетмана говорилось:

«1. Части 112-й танковой дивизии задачу по овладению Калугой выполнили.

2. 112-й мотострелковый полк к 8.00 30 декабря занял западное кольцо железной дороги.

3. Решение командира дивизии: 112-й мотострелковый полк расположить в обороне на северо-западной окраине Калуги. Остальные части и штабы — в районе Сенной площади.

4. Мост через Оку восстановлен».

На окраинах еще раздавались выстрелы, а танкисты Гетмана уже помогали жителям гасить пожары, саперы очищали подвалы и чердаки от мин, растаскивали завалы на перекрестках, разбирали развалины. Врачи и фельдшера оказывали помощь пострадавшим и больным, раздавали лекарства. Подошли полевые кухни с горячей пищей.

Родина высоко оценила боевые заслуги 112-й танковой дивизии, наградив ее орденом Красного Знамени.

Вскоре после Нового года дивизию переформировали в танковую бригаду с сохранением ее номера, номеров полков, ставших батальонами. Переформировывались на ходу, бои не прекращались.

Бригада преследовала противника, продвигалась в направлении Утешево — Зубово — Юхнов, овладела городом Зубово, освободила десятки населенных пунктов.

В последних боях отличились мотострелки. Комсомолец Сорокин отправился в разведку. Скрытно пробравшись к окраине городка, уточнил систему вражеской обороны, расположение минометных батарей. На обратном пути Сорокин попал под огонь минометов. По нему била та самая батарея, которую он нанес на карту. Боец утешался тем, что жить батареям осталось недолго. Сорокин благополучно вернулся к своим, а вскоре минометные батареи немцев подавила наша артиллерия.

Сержант Москаленко обслуживал линию, связывающую артдивизион с командным пунктом. Провод лежал открыто, осколки то и дело его перебивали. Приходилось на виду у немцев исправлять повреждение. Гитлеровцы устроили за смелым связистом настоящую охоту, но он ловко обманывал немцев, укрываясь за буграми, нырял в овраги, прятался в густом кустарнике. Много раз Москаленко выходил на линию, устранял обрывы, обеспечивал

устойчивую связь. Это позволяло артиллеристам вести по врагу непрерывный огонь. Батареи не замолкали.

Близился День Красной Армии. К празднику бригада получила замечательный подарок. Родина прислала новые танки — грозные тридцатьчетверки. Эти машины обладали прекрасными боевыми качествами. Новенькие, прямо с завода, танки пошли в бой.

Танк младшего политрука Пряникова первым вырвался на шоссе и атаковал вражеский заслон. Механик-водитель Ананьев объезжал воронки, башенный стрелок Ткаченко закладывал в казенник орудия снаряд за снарядом. Вдруг радист услышал тревожный сигнал:

— Воздух! Самолеты противника!

И тотчас же на их машину спикировал «юнкерс». Сверху танк хорошо виден, зенитчиков поблизости нет, и немцы бомбили, словно на учениях.

Механик-водитель, искусно маневрируя, уходил из-под ударов. Фашисты сбросили на одинокий танк девять бомб. Потеряв надежду на прямое попадание, гитлеровцы пустились на хитрость и пикировали с таким расчетом, чтобы бомба легла впереди мчащегося на полной скорости танка.

Это им удалось. Взрыв! И перед танком возникла глубокая воронка. Объехать, затормозить уже поздно. Танк завалился в воронку и, хотя повреждений не получил, оказался в ловушке.

К нему с хохотом подбежали немцы.

— Рус, капут!

— Сдавайс!

В ответ они услышали некие непонятные слова, но по тону, каким они были произнесены, догадались о смысле сказанного. Гитлеровцы рассвирепели. Кто-то на ломаном русском языке крикнул, постучав по броне:

— Если не сдадитесь, мы сожжем танк. А вылезете — вам будет дарована жизнь.

В танке ни шороха. Русские советуются? Отлично, поймут, что выхода у них нет. Сейчас откроется люк, и танкисты выйдут с поднятыми руками. Гитлеровцы не ошиблись, люк действительно открылся, послышалось пение «Интернационала» и наружу полетели гранаты. Осколки скосили врагов, тех, кто был ближе, другие яростно завопили. Люк захлопнулся, экипаж приготовился к последнему бою. Тогда немцы подвезли проти-

вотанковое орудие, навели его на неподвижный танк и ударили почти в упор. Первый снаряд срикошетил, скользнув по башне. Второй влепился в сырую глину воронки. Гитлеровцы повозились у орудия, скорректировали огонь. Пушка грохнула, снаряд ударил в башню.

Экипаж мужественно выдерживал осаду. Оглушительные разрывы снарядов сотрясали машину, едкий запах сгоревшей взрывчатки просачивался в щели, танкисты задыхались. Выстрел! В танк ударил новый снаряд, и машина вспыхнула.

Убит Прямиков, окровавленный Ткаченко выскочил из танка. Его скосила автоматная очередь. Но и умирая, он сражался: отвлек фашистов, и третьему члену экипажа — Ананьеву удалось выбраться из горевшей машины. Он и рассказал об этом трагическом поединке.

В последних боях отважно действовали ремонтники. Бойцы старшего лейтенанта Синицына под огнем ремонтировали поврежденные танки. Если же это не удавалось сделать, брали машину на буксир и уводили в безопасное место. Ремонтники помогли вернуть в строй немало боевых машин.

Грандиозная Московская битва закончилась полным провалом гитлеровского плана «молниеносной войны». Это было первое крупное поражение фашистской Германии во второй мировой войне. Для советских людей переход Красной Армии в наступление имел не только военное, но и глубокое морально-политическое значение.

В боях под Москвой закалилась и окрепла 112-я Краснознаменная танковая бригада.

ВМЕСТЕ С БРАТСКИМ НАРОДОМ

В один из январских дней 1943 года небольшая станция Наро-Фоминск стала свидетельницей необычной торжественной церемонии: 112-й танковой бригаде присваивалось почетное наименование «Революционная Монголия». Одновременно делегация братской страны, возглавляемая маршалом Чойбалсаном, передавала советским воинам новые боевые машины.

Основы дружественных, равноправных отношений между народами Советской России и Монголии были заложены В. И. Лениным и выдающимся сыном монгольского народа, народным героем Сухэ-Батором. В ноябре 1921 года в Москву прибыли посланцы далекой страны. Монгольскую делегацию принял Владимир Ильич Ленин. Эта встреча имела величайшее значение для развития монгольской революции. Ленин подчеркнул, что единственно правильным путем для трудящихся Монголии является борьба за государственную и хозяйственную независимость страны в союзе с рабочими и крестьянами Советской России.

5 ноября 1921 года между правительством РСФСР и монгольским народным правительством было подписано соглашение об установлении взаимовыгодных добрососедских отношений. Оно явилось для Монголии первым равноправным международным соглашением. Впервые для маленькой страны, народ которой изнывал под гнетом феодалов и иноземных купцов, постоянно испытывал нажим иностранного капитала, появилась возможность вести переговоры на равной, доброжелательной основе, заключать соглашения, которые не ставили ее в положение зависимого государства.

С первых же дней наша страна пришла на помощь монгольскому народу. После разгрома белогвардейских банд советские войска по просьбе правительства Монголии должны были оставаться на ее территории вплоть до 1926 года. Однако правительство СССР поставило вопрос о выводе частей Красной Армии с территории Монгольской Народной Республики.

«Правительство СССР считает,— говорилось в ноте советского правительства от 24.I.1925 г.,— что пребывание советских войск в пределах Монгольской Народной Республики уже не вызывается необходимостью.»

Правительство МНР в ответ на эту ноту поблагодарило нашу страну и выразило твердую уверенность в том, что Советский Союз, Красная Армия придут на помощь, если этого потребует обстановка.

Дальнейшие события показали, что монгольский народ не ошибся в выборе, встретив в лице СССР настоящего бескорыстного друга. Подтвердилось предвидение В. И. Ленина, что империалистические державы будут пытаться захватить Монголию и превратить ее в плацдарм для нападения на соседние страны. После захвата Маньчжурии в 1931 году японский империализм взял курс на претворение в жизнь пресловутого меморандума Танака, в котором подчеркивалось: «Чтобы завоевать Китай, мы должны завоевать сначала Маньчжурию и Монголию...»

В конце 1934 года в связи с возросшей опасностью, вызванной агрессивными действиями милитаристской Японии, правительство МНР поставило перед Советским Союзом вопрос о помощи в случае нападения на МНР империалистических государств. 27 ноября того же года было заключено соглашение, предусматривающее «взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей страны на МНР и СССР».

Между тем японские милитаристы всячески нагнетали обстановку на границе, пускались на всевозможные провокации. Народно-революционная партия и правительство МНР были вынуждены принять ряд мер по укреплению обороноспособности страны, одной из которых явилось решение Президиума ЦК МНРП от 23 ян-

варя 1936 года обратиться к советскому правительству с просьбой об оказании военной помощи.

Выполняя свои обязательства, советское правительство по просьбе правительства МНР направило в Монголию части Красной Армии.

Испробовав прочность границ МНР и получив достойный отпор от советско-монгольских войск, японцы были вынуждены обратиться к советскому правительству с просьбой о прекращении военных действий.

Позднее советско-монгольское боевое содружество, скрепленное пролитой кровью красноармейцев и монгольских цириков в районе Халхин-Гола, стало еще более прочным.

Победа на Халхин-Голе имела большое военно-политическое значение. Она оказала решительное влияние на политику Японии в начале Отечественной войны. Японское правительство так и не рискнуло развязать агрессию на Дальнем Востоке против нашей страны и дружественной нам Монголии.

Высоко оценивая помощь СССР в деле защиты национальной независимости МНР Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал в докладе на сессии Великого народного хурала 7 июня 1957 года подчеркнул:

«Если учитывать все (речь идет о помощи Советского Союза.— Н. П.), то это составит не сотни миллионов, а многие миллиарды тугриков безвозмездной помощи. Вполне понятно, что ни в какую сумму, ни в какие миллиарды нельзя оценить те многие тысячи жизней советских людей, которые были отданы за свободу и независимость нашего народа».

Монгольский народ никогда не забудет советских солдат, офицеров и генералов, которые помогли ему отстоять свою независимость. Летчики и танкисты, пехотинцы и артиллеристы, дравшиеся на заросших камышом берегах Халхин-Гола, отмечены специальным Почетным знаком. Его носят советские и монгольские воины, теперь уже ветераны исторического сражения. По постановлению правительства МНР на берегу этой реки сооружен памятник. Его открытие состоялось в августе 1954 года. На мраморе величественного монумента на русском и монгольском языках высечены слова:

«Вечная слава воинам — героям Советской Армии и мужественным цирикам монгольской Народно-Революционной Армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов, против империалистических агрессоров».

В памятное июньское воскресенье, когда на нашу страну двинулись гитлеровские полчища, в Улан-Баторе состоялось объединенное заседание Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого хурала и Совета Министров МНР, которое определило отношение Монгольской Народной Республики к этой войне. «Весь народ нашей свободной и независимой республики,— говорилось в решении этого заседания,— связанный узами кровной, нерушимой дружбы с советским народом, с глубочайшим презрением заклеймит этот изменнический акт со стороны фашистской Германии, ответит всемерным усилением дружбы советского и монгольского народов, будет верен обязательствам, принятым на себя по договору о взаимной помощи, заключенным между МНР и СССР 12 марта 1936 года.»

В телеграмме правительства МНР советскому правительству говорилось: «Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции нам дороги так же, как и завоевания нашей собственной национально-демократической революции. Наш народ готов рука об руку с советским народом грудью стать на защиту священных границ великой социалистической державы — отечества трудящихся, светоча подлинной свободы всех угнетенных и эксплуатируемых народов мира».

С первых же дней войны монгольский народ стремился оказать всемерную помощь и содействие советским братьям в их борьбе с фашистской агрессией. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний, посвященных борьбе советского народа с фашистскими захватчиками. Правительство МНР и ЦК МНРП опубликовали обращение ко всем аратам, рабочим, интеллигенции, в котором разъясняли варварские цели фашистов и призывали монгольских трудящихся к борьбе против зарвавшихся агрессоров.

Трудящиеся МНР хорошо знали, что германский фашизм — смертельный враг не только советского и монгольского народов, но и народов всего мира. В ноябре

1941 года состоялся пленум ЦК МНРП, который отметил, что справедливая Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии — это война за свободу всего человечества, за свободу и независимость МНР. В решении пленума подчеркивалось, что одной из главных задач МНР является всемерная помощь народам СССР, мужественно борющимся с фашистской Германией, ибо без победы над гитлеризмом, угрожающим порабощением народам всего мира, невозможно дальнейшее свободное и успешное развитие МНР.

Красная Армия мужественно сражалась на фронте, а в МНР по всей стране развернулась гигантская кампания по оказанию помощи и поддержки советскому народу. По решению ЦК МНРП и правительства МНР создавалась специальная комиссия, на которую возлагалась работа по оказанию помощи Красной Армии. В фонд помощи СССР начали потоком поступать деньги, ценности, продукты. По всей стране собирали средства в этот фонд: простые люди — рабочие, скотоводы, пастухи в кочевьях, собирали теплые вещи, готовили подарки бойцам. Трудящиеся МНР провозгласили лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Рабочие и служащие уланбаторского комбината, коллективы кустарно-промысловых артелей трудились в выходные дни и сверхурочно, выполняя правительственные заказы на пошив теплых вещей, других изделий для фронтовиков. Специальной комиссии во главе с заместителем премьер-министра Лубсаном поручили организовать на местах охотничьи бригады для заготовки мяса джейранов и кабанов для Красной Армии. Эти бригады существовали и в последующие годы. Охотники систематически перевыполняли планы заготовки мяса.

Женщины Монгольской Народной Республики встали на трудовую вахту рядом с мужчинами. Во многих районах страны были организованы кружки, где женщины обучались вязанию. Женщины изготовили для советских воинов десятки тысяч свитеров, теплых курток, перчаток, носков. Многие добровольно становились донорами.

К 24-й годовщине Октября трудящиеся МНР отправили в Советский Союз первый эшелон подарков: продукты питания, полушубки, солдатские ремни, шерстяные свитера, одеяла, меховые жилеты, перчатки и рукавицы. Эшелон сопровождала делегация трудящихся во

главе с заместителем премьер-министра Лубсаном и секретарем ЦК МНРП Янжимой. Она побывала в частях и подразделениях Западного фронта и была принята командованием.

Большую помощь монгольские друзья оказали нашим кавалерийским частям, пополняя их конский состав. Свыше десяти тысяч степных скакунов получили наши конники. Внушительными были и денежные суммы, вносимые в фонд Красной Армии. Только к июню 1942 года монгольские друзья собрали 7,7 млн. тугриков, в том числе отправили в СССР на 6,9 млн. тугриков различных подарков.

В одном из обращений правительства МНР и ЦК МНРП к населению страны говорилось:

«В эти суровые дни мы все должны тесно сплотиться вокруг своей Народно-революционной партии и народного правительства. Должны сделать все зависящее от нас для того, чтобы оказать всевозможную помощь Красной Армии, советскому народу во имя победы над фашистской чумой. Вы должны помнить, что каждый ваш индивидуальный подарок, самоотверженный труд каждого из вас явится ценным вкладом в общее дело ускорения разгрома фашистских полчищ.»

Помощь монгольских друзей в дни Великой Отечественной войны принимала различные формы. В январе 1942 года сессия Малого хурала, выражая волю всего монгольского народа, постановила:

«1. Приобрести танковую колонну имени Революционной Монголии, которую преподнести в качестве подарка доблестной Красной Армии Советского Союза.

2. Поручить правительству провести необходимую массовую работу среди аратов, рабочих и служащих по разъяснению настоящего решения и организовать сбор средств на танковую колонну имени Революционной Монголии».

К февралю 1942 года во Внешторгбанк СССР поступило из МНР на постройку танков: тугриков — 2,5 млн., американских долларов — 100 тыс., золота — 300 кг, что составляло в советской волюте — 3,8 млн. рублей.

На эти средства была приобретена танковая колонна в количестве тридцати двух танков Т-34 и двадцати од-

ного танка Т-70 и передана монгольской правительственной делагацией 112-й Краснознаменной танковой бригаде 12 января 1943 года.

Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал в своем докладе на собрании партийного актива Улан-Батора 6 октября 1942 года, определяя актуальнейшую задачу партии, подчеркнул:

«Надо понять и разъяснить каждому трудящемуся МНР, что только разгром гитлеризма спасет нашу страну от угрозы военного нападения, от всех тех ужасов, которые переживают сейчас народы воюющих стран, что все, что можем, мы должны отдать ради достижения этой цели, без чего никакое минутное благополучие не будет прочным».

Монгольский народ с напряженным вниманием следил за положением на фронтах, восхищаясь мужеством, стойкостью и героизмом советских людей. В дни войны блестяще продемонстрировали свою жизнеспособность и плодотворность интернациональная боевая дружба и тесное братское сотрудничество между двумя странами, представлявшими в то время мир социализма на всей планете.

Верная принципам марксизма-ленинизма, Монгольская Народно-революционная партия неустанно воспитывала свой народ в духе преданности идеям пролетарского интернационализма, делала все для того, чтобы внести свой посильный вклад в дело разгрома фашистской Германии. В начале 1942 года маршал Х. Чойбалсан в письме на имя Верховного Главнокомандующего писал:

«Со всей страны поступают многочисленные заявления и письма, в особенности от бывших партизан, ветеранов революции, о своем желании пойти на фронт, чтобы с оружием в руках драться с фашистами. Но, не имея возможности поехать на фронт, наш народ свое искреннее желание помогать Красной Армии проявляет в отправке ей подарков».

В монгольских газетах ежедневно отражалось пополнение фонда помощи СССР. Ветеран народной революции, знатный арат Пунцах, который побывал в составе делегации в конце 1942 года на Западном фронте, пообещал Военному совету фронта прислать отборных лошадей. Возвратившись на родину, патриот сообщил тор-

говому представителю СССР в МНР А. Н. Финогенову, что вместе с другими аратами своего сомона он просит принять в подарок войскам Западного фронта пятьдесят четыре коня. Кроме того, араты просили передать Г. К. Жукову Красное знамя и письмо-наказ, в котором выражали теплые братские чувства к своим друзьям — бойцам и командирам Красной Армии и просили их крепче бить фашистов.

А население МНР продолжало отдавать в фонд помощи свои сбережения. Рабочий промкооперации Улан-Батора Доржпалан внес 4 тыс. тугриков. Старая женщина, бывшая учительница из Улан-Батора, Церенглан внесла 705 тугриков, два золотых кольца, серебряный браслет, меховую доху, ватную куртку и продукты. Между прочим, эта доха была вручена командиру 112-й танковой бригады Андрею Лаврентьевичу Гетману, который не раз потом с большой благодарностью вспоминал старую учительницу из далекого Улан-Батора.

Страницы монгольских газет пестрели сообщениями о патриотических поступках трудящихся, публиковали имена тех, кто внес свою скромную долю в общее дело разгрома врага. Вот что писала газета «Унэн» 13 февраля 1943 года:

«Товарищ Базар, скотовод из Центрального аймака, внес в фонд Красной Армии 3 тыс. тугриков. Товарищ Лувсан-Шаран, скотовод — 2 тыс. Фельдшер Чандрабал внес свою годовую зарплату, а шестидесятипятилетняя Намжил специально приехала за сотни километров в Улан-Батор, чтобы встретиться с ответственными товарищами из Центральной комиссии и передать несколько теплых дох и варежек бойцам Красной Армии».

В другой заметке сообщалось, что арат Тарва из Сухэ-Баторского аймака подарил пять своих лучших иноходцев, а арат Чдындыб из Центрального аймака — четырнадцать лошадей. Монгольские трудящиеся считали своим священным долгом помогать советскому народу — верному товарищу и другу.

22 июля 1943 года Премьер-министр МНР Х. Чойбалсан направил Верховному Главнокомандующему телеграмму с просьбой принять в дар для Красной Армии 2 млн. тугриков на строительство авиаэскадрильи и передал при этом наказ монгольских трудящихся. В нем говорилось:

«Пусть отважные соколы доблестной Красной Армии на этих боевых самолетах так же, как экипажи нашей танковой бригады «Революционная Монголия», которая героически борется с фашистскими бандами, уничтожают живую силу и технику противника».

Сталин направил Чойбалсану специальное послание, в котором выразил личную сердечную благодарность правительству и народу МНР, собравшим средства на строительство эскадрильи боевых самолетов «Монгольский арат» для Красной Армии.

Накануне в бригаде все разговоры велись вокруг прибывающей новой боевой техники. И вот настал долгожданный день. К станции медленно подходит эшелон, останавливается неподалеку от полуразрушенной водонапорной башни. Повсюду еще видны следы бомбежек, недавних боев. Сам город только угадывается за дымкой зимнего утра, в розовато-сером морозном тумане.

Сигнальной трубой звучит гудок паровоза и, словно повинуясь этому призывному зову, по наспех уложенному настилу медленно, как бы пробуя гусеницами прочность бревен, спустился танк Т-34, носящий славное имя Сухэ-Батора, народного героя МНР. С соседней платформы сошел другой танк, на броне которого крупными белыми буквами четко выведено: «Маршал Чойбалсан». Вслед за ним движется танк «Хатан-Батор Максаржаб». Он носит имя народного героя, соратника Сухэ-Батора, занимавшего в его правительстве пост военного министра.

Один за другим сползают с платформ танки, разворачиваются, вытягиваются в шеренгу. На броне начертано: «Совет Министров МНР», «Большой и Малый хурал», «ЦК Народно-революционной партии», названия различных аймаков, промышленных и общественных организаций. Казалось, сама братская республика, воплотившись волею народа в грозную сталь, прибыла на помощь своим братьям-русским на заснеженные поля Подмосковья.

Вдоль железнодорожного полотна застыли бойцы, командиры и политработники 112-й танковой бригады, принимающие боевую технику. На правом фланге ко-

лышется расчехленное знамя, на котором в скупых лучах зимнего солнца блестит орден Красного Знамени. Волнующий, незабываемый момент!

Прошла едва ли не треть века, а до сих пор эта величественная картина встает перед глазами. Каждый, кто служил в танковых войсках, знает, какую радость испытывали танкисты, когда прибывала боевая техника, грозное оружие, которое Родина вручала воину. Танкист теперь уже не «безлошадный», как в шутку он себя именовал в ожидании боевых машин. Теперь он обрел силу и уверенность, могучее оружие и возможность сокрушать врага. Радость получения новой техники неизмеримо возрастает, когда эта техника приходит из дальних монгольских пустынь и степей, от друзей — женщин, детей, стариков, рабочих, скотоводов, охотников, служащих. Воин ощущает огромную ответственность не только за судьбу своего народа, но и за судьбы тех, кто любовно, по крохам, собирал средства, не спал ночами, чтобы сшить теплую куртку советскому бойцу, обуть его в валенки, согреть не только теплом своего сердца, но и своим трудом, теплом мозолистых рук.

Натужно гудят моторы, лязгают гусеницы, медленно поворачиваются тяжелые башни. Отныне человек и танк, боец и боевая машина нераздельны. Холодная, опушенная куржаком, легированная сталь надежно прикроет теплые человеческие тела, а люди вдохнут жизнь в маленькую крепость, наделят ее своей силой, подчинят своей воле, и будут вместе драться с врагом.

Танк становится для экипажа не только орудием войны, но и домом родным. Танкист не только воюет в нем, но и живет: ест, спит, отдыхает, пишет письма, а случается, и принимает смерть, вместе со своим танком...

Тяжелые, крепкие машины одна за одной спускаются с платформ. Это знаменитые тридцатьчетверки, модернизированные, с новой 85-миллиметровой пушкой. Много танков видели мы на своем веку, отечественных и иностранных, обладающих различными достоинствами, но не лишенных недостатков. Одни надежно прикрыты броневыми листами, но медлительны, малоподвижны, неуклюжи; другие, наоборот, быстроходны и маневренны,

но броня такая, что лучше не встречаться с малокалиберным снарядом.

Иное дело — тридцатьчетверки. Танк-песня, впоследствии взметнувшийся на пьедесталы памятников повсюду, где сражались танкисты. В этой машине, созданной нашими учеными, достигнуто удивительное сочетание качеств, необходимых в бою. Тридцатьчетверку не страшило бездорожье, она прокладывала себе путь и по песку, и по грязи. Огонь можно вести с остановок и в движении. Ее двигатель могуч и неприхотлив. Достигнута гармония линий: наклоны брони, округлость башни, приземистость — все рационально, все дышит целеустремленностью, волей, силой. Тридцатьчетверка в большей мере, чем какая-либо другая машина, оказала воздействие на танкостроение всех стран. Ни один последующий конструктор не создавал свой танк, не держа в уме параметры и достоинства тридцатьчетверок. Может быть, мы, танкисты, пристрастны? Пусть скажут те, кого в этом не заподозришь.

Вот мнение английских специалистов:

«Высокая маневренность и относительное свободное боевое отделение делает этот танк любимцем советских танкистов... Его маневренность, огневая мощь и качество брони великолепны. Дополнительной выдающейся чертой конструкции является наклон броневых листов».

Английским конструкторам вторят их американские коллеги:

«Т-34 в своих основных решениях является хорошей конструкцией».

После появления танка Т-34 иностранные конструкторские бюро, привлеченные превосходными боевыми качествами советской машины, старательно изучают ее, разрабатывают свои варианты боевых бронированных машин. Стоит ли говорить, с каким настороженным вниманием следили за нашей тридцатьчетверкой немцы — ведь они, как никто иной, испытали на себе все боевые качества советских танков.

Начальник Куннесдорфского полигона полковник Эссер еще в декабре 1942 года говорил на заседании военно-технической секции союза германских инженеров:

«Из числа новых танков особенно выделяется танк Т-34, обладающий рекордной скоростью — 54 километра в час и удельной мощностью 18 лошадиных сил на

тонну. Русские создали танки, которые конструктивно и в производственном отношении, безусловно, заслуживают внимания и в некоторых отношениях превосходят танки наших прочих противников.»

Один из преподавателей бронетанковой школы в Вюнсдорфе высказывался в марте 1942 года более категорично:

«В Красной Армии наиболее грозным является танк Т-34. Его эффективное вооружение, талантливо использованные наклоны брони и высокая подвижность делают борьбу с ним тяжелой задачей.»

Многие иностранные военные специалисты, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к нашей стране, оценивали тридцатьчетверку очень высоко. Наиболее интересно признание генерал-полковника Гудериана, известного теоретика и практика германских танковых войск. В «Воспоминаниях солдата» он писал: «...в ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины. Непосредственно на местах они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими.

Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важных деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских».

Перечитывая эти красноречивые высказывания бывших союзников и врагов, вновь испытываешь гордость за отечественную промышленность, конструкторов, инженеров и рабочих, создавших грозную боевую машину. И сейчас, спустя много лет, и тогда у Наро-Фоминска с большой благодарностью думали мы о людях, делающих танки. Шершавая сталь тридцатьчетверок, сохранившая тепло мозолистых рабочих рук, объединяла нас с ними,

преисполняла готовностью не жалея жизни служить народу, Родине, драться насмерть с ненавистным врагом.

Заснеженный лес. На поляне выстроились боевые машины, возле них в черных комбинезонах и шлемах танкисты. В центре — дощатая трибуна, украшенная лозунгами, еловыми ветками. На алом транспаранте слова: «Привет делегации Монгольской Народной Республики!»

То был большой праздник. Бойцы Краснознаменной танковой бригады встречали посланцев монгольского народа во главе с маршалом Чойбалсаном, прибывших для торжественной передачи танковой колонны «Революционная Монголия».

Высоких гостей принимали комбриг полковник Леонов, заместитель по политчасти подполковник Шалунов, начальник штаба бригады подполковник Гусаковский. Здесь же находится представитель командования танковых войск генерал-лейтенант Бирюков, генерал-майор Павелкин. Командир бригады отдает рапорт маршалу Чойбалсану. Подполковник Шалунов открыл митинг, посвященный передаче танковой колонны.

С ответным словом выступил руководитель делегации МНР:

— Нам, представителям монгольского народа, выпала большая честь передать вам сегодня колонну танков, построенных на средства трудящихся МНР. Эти боевые машины являются подарком нашего свободолюбивого народа родной и близкой нам Красной Армии. Они приобретены по решению сессии Малого хурала, высшего органа нашей республики, выразившей волю всего трудового народа, помогающего вам в борьбе с нашим общим врагом — немецким фашизмом.

В каждой из этих боевых машин воплощена безграничная любовь монгольского народа к своему великому другу — советскому народу и доблестной Красной Армии...

Каждый арат, рабочий, интеллигент нашей счастливой страны знает, что радость свободной жизни, счастье, национальная независимость завоеваны с помощью Советской страны, знает, что Красная Армия есть самый верный и надежный защитник революционных завоева-

ний победившего народа. Как же не помогать этой великой Армии в ее грандиозной, титанической борьбе с фашистскими захватчиками? Как не любить ее, эту Армию, ее героев-богатырей, славных бойцов и командиров, грудью отстаивавших честь, свободу и независимость наших народов?

Товарищи! Пусть эти грозные машины будут символом нерушимой дружбы наших народов, пусть они напоминают вам ежедневно, ежечасно, что весь монгольский народ с вами, что он отдает все, чем он богат, делу борьбы с врагом всего прогрессивного человечества — фашизмом.

Монгольский народ, передавая вам эти машины, принимает на себя полностью вещевое и продовольственное обеспечение всей вашей отдельной Краснознаменной танковой бригады до победного конца войны!

Да здравствует героическая Красная Армия и ее славные танкисты! Да здравствует дружба советского и монгольского народов!

Грянуло могучее русское «ура».

На трибуне полковник Леонов.

— Дорогие товарищи, делегаты монгольского народа! Ваш приезд в нашу бригаду и передача нам танков, построенных на средства трудящихся МНР, являются выражением безграничной любви монгольского народа к нашей стране, ее Красной Армии. Позвольте же мне от лица воинов выразить вам сердечную благодарность и заверить, что могучие стальные машины будут громить врагов так же, как громила их наша бригада под Москвой.

Товарищи делегаты! Прошу вас от всего личного состава бригады передать монгольскому народу, что на этих танках мы будем громить фашистов до полного их уничтожения!

После митинга на каждую боевую машину передали специальный формуляр. Колонна развернулась и продефилировала перед трибуной. В открытых люках стояли командиры танков, приветствуя командование и высоких гостей.

Еще не затихла медь военного оркестра, а уже послышалась новая команда, и танки, новенькие, пахнущие заводской краской, потянулись к станции на погрузку.

ЮЖНЕЕ ОБОЯНИ

Знойное колеблющееся марево плыло над полями желтеющей ржи, нескошенной пшеницы, занавешивало белесый от жары горизонт. Облака пыли, вздымаемой колесными машинами, смешивались с гарью спаленных деревень, подолгу висели в недвижимом воздухе.

С обветшалой колокольни на окраине Обояни хорошо просматривались окрестности, особенно в сильный бинокль. Опытному глазу военного человека открывались далекие оборонительные укрепления: длинные извилистые траншеи, бугры дотов и дзотов, противотанковые рвы, лбы вкопанных танков и самоходок, вздыбленные к небу стволы зенитных установок, обмотанные увядшими ветками опаленного жарой и горячим дыханием войны дуба.

Фронт зарылся в землю, притих. Затаившись, стояли друг против друга мощные группировки, подкрепленные тысячами танков, орудий, минометов. В небе, вспыхивая плоскостями на солнце, проносились самолеты-разведчики, истребители, завязывались короткие схватки.

Обе стороны готовились к сражению.

В те жаркие июльские дни самым распространенным словом во вражеских штабах было слово «реванш». Отыграться за Сталинград, устроить русским котел, перемолоть их войска и, уничтожив, повести решительное наступление на Москву, вплоть до Урала — к этому сводились все планы противника.

Гитлеровцы полагали, что успеху будет способствовать прежде всего конфигурация фронта; немецкие вой-

ска нависали над расположенными здесь частями Красной Армии.

По плану операции «Цитадель» противник рассчитывал внезапными ударами из районов южнее Орла и севернее Белгорода в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска. Затем развернуть наступление к югу, разгромить войска в районе Донбасса. В дальнейшем предполагалось действовать в зависимости от результатов сражения, а в случае крупного успеха предпринять наступление на Москву и идти дальше.

Принципиально новых идей в плане «Цитадель» не содержалось. По обычному шаблону гитлеровское командование делало основную ставку на массированный удар танков и авиации. Особые надежды противник возлагал на новейшие тяжелые танки «тигры» и «пантеры» и самоходные штурмовые орудия «фердинанд».

Плану молниеносного окружения и разгрома наших войск в районе Курска подчинялись все мероприятия гитлеровского командования. «Два месяца огромная тень «Цитадели» покрывала Восточный фронт»,— вспоминал фашистский генерал Меллентин, участник Курской битвы.

Гитлеровское командование, проводя тотальную мобилизацию, значительно пополнило свои дивизии на советско-германском фронте. Однако к началу Курской битвы перевес в силах был уже на стороне Красной Армии.

Над пыльными садами долго не заходило багрово-медное солнце. Опускаясь, оно касалось острым диском плотного марева и, погружаясь в него, просвечивало кроваво-красным огнем.

Бригада «Революционная Монголия» готовилась к предстоящим боям. Повседневно велась учебная и воспитательная работа. Коммунисты, возглавляемые заместителем командира бригады по политчасти подполковником Вобяном, старались не только вооружить бойцов духовно, но и дать им определенные знания и навыки, необходимые для достижения победы. Политработники стремились, чтобы каждый красноармеец точно пред-

ставлял, с чем столкнется в бою, каков противник, в чем его сильные и слабые стороны.

Наших танкистов в первую очередь готовили к встрече с новыми немецкими танками. Этой цели была подчинена партийно-политическая работа в бригаде. Командиры и политработники постоянно проводили и контролировали занятия, на которых отрабатывались методы борьбы с фашистскими танками. Офицеры брали противотанковое ружье и показывали бойцам-бронебойщикам приемы стрельбы, учили их метко бросать бутылки с горючей смесью и связки гранат.

Главная роль, разумеется, отводилась нашим танкам и артиллерии. Экипажи и расчеты решали тактические задачи. Артиллеристам, стрелкам и истребителям танков устраивали довольно неприятную проверку, так называемую «обкатку» танками.

Рота располагалась в стрелковых ячейках. На позиции роты, занимающей оборону, внезапно устремлялись танки. Стрелки вели огонь холостыми патронами, танки отвечали орудийной пальбой. Они накатывались волнами, в окопах новички-пехотинцы робели. Многотонная бронированная машина мчится на полной скорости, грохочет танковая пушка. Снаряды холостые, но все-таки страшновато...

Что делать? Многие бойцы продолжают стрелять, бьют по смотровым щелям, бросают учебные гранаты и бутылки с горючей смесью, чтобы в последний момент распластаться на дне окопа, но те, кто не в силах побороть страх, выскакивают из окопа и мчатся прочь.

Это и есть самое опасное. Когда танки приблизились, кое-кто из стрелков попытался выбраться из окопа, бывалые воины хватали их за плечи, пригибали к земле, танк наползал, наваливался на окоп.

Лязгали гусеницы, окоп заполняло синее облако отработавших газов, осыпалась земля; танкисты имитировали известный прием — попытку похоронить противника в окопе. Новички переживали неприятные секунды, но все заканчивалось благополучно, танк уходил, бойцы несмело высовывались из окопа, и деревянная чурка точно падала на корму: цель поражена.

— Видишь, ничего страшного,— поучал бойца бравый офицер Петр Маслов с орденами на груди.— Танк

тебя не задавил, а ты его достал. Но если нервишки не выдержат, выскочишь да побежишь...

Черноглазый, смуглый подполковник Вобян, послушав бывалого воина, одобрительно улыбнулся:

— Между прочим, Суворов в свое время применял «обкатку» солдат. Разумеется, надо сделать поправку на различие эпох. Суворовские солдаты, когда противник цепью приближался к траншее, по команде «Умерли!» падали на дно. Противник пробегал над ними, тогда Суворов командовал: «Ожили!», русские солдаты вскакивали разом и с тыла по врагу гремел залп.

В эти напряженные дни велась активная и разнообразная политработа. Коммунисты проводили беседы, читали лекции, разъясняли солдатам вопросы международного положения.

Партийная организация бригады крепла и умножалась день ото дня. К началу Курской битвы ядро танковых батальонов составляли коммунисты, в каждом батальоне их было пятьдесят — шестьдесят человек. Лучшие из лучших были приняты в ряды ленинской партии: лейтенант Георгий Петровский, Николай Поляничко, Николай Ванечкин, начальник связи батальона Петр Катькалов — все они отличились еще в боях под Москвой, были награждены орденами.

Во время подготовки к Курской битве командиры и политработники постоянно встречались с бойцами, делали все, чтобы повысить боеготовность бригады, воспитывали личный состав в духе ненависти к захватчикам. С молодыми солдатами беседовали ветераны, регулярно выступал командир бригады полковник Леонов, начальник политического отдела подполковник Вобян. Особенно нравились всем беседы Леонова — живые, интересные, порой очень острые.

Сражение на Курской дуге началось душной ночью 5 июля, но не так, как планировало фашистское командование: наши войска нанесли упреждающий удар большой мощности, противник понес значительные потери. Но он уже не мог отказаться от наступления, огромный механизм был приведен в действие. Едва рассвело, началась артиллерийская подготовка, одновременно появились самолеты.

Противник бросил в атаку в первом эшелоне три танковые и пять пехотных дивизий. Удару подверглись войска 6-й гвардейской армии и примыкавшие к ней фланги соседних армий.

Весь день немцы беспрерывно яростно атаковали, пытаясь вклиниться в советскую оборону, но успеха не имели. Почти на всех участках фронта наши войска твердо стояли на своих рубежах и только к исходу дня вынуждены были кое-где отойти на несколько километров.

Тяжелая обстановка сложилась и на белгородско-обоянском направлении. Нашу оборону таранили сотни немецких танков. Их расстреливала прямой наводкой артиллерия; ворвавшиеся в боевые порядки пехоты танки вспыхивали от горючей смеси, бутылки летели из окопов и траншей, лязгали порванные гранатами гусеницы, танкисты в черных мундирах, выбрасываясь из горящих машин, попадали под огонь наших стрелков, но противник, не считаясь с потерями, лез напролом. Основной удар наносили 48-й танковый корпус и 2-й танковый корпус СС.

Бригада «Революционная Монголия» сразу же вступила в бой с главными силами врага. Только одна моторизованная дивизия «Великая Германия» насчитывала около ста восьмидесяти танков; ее поддерживала 3-я танковая дивизия. В бригаде же было всего шестьдесят пять танков, враг превосходил нас по количеству боевых машин более чем втрое.

На участке Сырцево, Верхопенье первой столкнулась с противником головная походная застава — два танковых взвода с десантом. Выполняя поставленную задачу, они медленно продвигались вперед, как вдруг по ним открыли огонь четыре «тигра», замаскированные неподалеку от высотки. Застава понесла потери.

Десантники и танкисты отходили с боем, гитлеровцы тотчас стали стягивать к высотке танки. Разведчики насчитали около восьмидесяти машин.

Командир бригады приказал двум танковым батальонам немедленно занять оборону. Танкистов поддерживали батареи противотанковых орудий, здесь же расположились в наспех отрытых окопах автоматчики. Особую задачу командир поставил роте старшего лейтенанта Петра Маслова: расположиться в засаде, развернувшись фронтом на юг у подножия безымянной высоты

юго-восточнее Верхопенья, и оседлать дорогу на Сырцево.

Рота быстро заняла указанное место. Маслов уточнил с командирами задачу, после чего забрался в свой танк. Вскоре в стороне ударили орудия. Петр, разбитной и веселый, любивший острое словцо, шутку, стал угрюмым, сосредоточенным; встревоженный экипаж прислушивался к грохоту боя. Явственно доносились разрывы снарядов, натужный рокот моторов — это дрались с фашистами товарищи. Что с ними? Выдержат ли они натиск врагов?

Маслов был твердо уверен, что танкисты будут стоять насмерть. Если же враг прорвется, его встретит рота, находящаяся в засаде. В том случае, если гитлеровцы задумают пойти в обход, им тоже не миновать роты Маслова. Скоро начнется бой. Время тянулось медленно. Комсомольский экипаж Маслова прозвали «дружба народов». Сам Маслов — русский, механик-водитель Наумов — тунгус, заряжающий Беккуров — осетин, башенный стрелок Бондарь — украинец.

Ребята делом подтверждали прозвище. Они, казалось, просто не могли существовать друг без друга. Если Маслова вызывал командир, друзья сопровождали его до блиндажа и маячили поодаль, чтобы в случае необходимости быть под рукой.

Маслов напряженно вглядывался: неподалеку противник. Но вот поступило сообщение, оно прозвучало, как сигнал тревоги, как выстрел: «Слева — пять танков!» Как после стало известно, гитлеровцы не смогли взять в лоб позиции, занимаемые батальонами Орехова и Боридько, и решили обойти их, чтобы нанести фланговый удар.

Но это выяснилось значительно позже, а сейчас Маслов не знал, что это за танки и откуда они появились. Загадкой оставалась и задача, поставленная перед фашистскими танкистами.

— Что же они задумали?

— А ты спроси у головного. Только вежливо,— засмеялся Бондарь.

Но Маслову было не до шуток. Нужно самому взглянуть на вражеские танки. Маслов поправил белокурый чуб, выбившийся из-под шлема, подмигнул механику-водителю Наумову.

— Сидите здесь тихонечко. А я прогуляюсь.

Маслов выбрался из танка и юркнул в кусты. Взобравшись на высотку, затаился за кочкой, сдвинул на затылок шлем и осторожно выглянул из-за укрытия. Отсюда открывался отличный обзор. Что ж, можно действовать.

Маслов скатился вниз.

— Наумов! Держи прямо на высотку.

— Есть!

И вот танк уже на холме. Машина въехала в густой кустарник. Наумов глянул в смотровую щель, почесал затылок — танки какие-то необычные. У опытного воина глаз наметан, немало повидал Наумов легких и тяжелых танков врага, но таких еще не встречал.

— Ну и мамонты!

— Это же «тигры»!

Фашистские танки лениво ползли метрах в трехстах. Немцы ничего не замечали, шли, беспечно подставляя борта, украшенные черными крестами.

— Заряжай! По головному...

Немцы тотчас засекли тридцатьчетверку.

«Тигры» перестроились и сосредоточили огонь по машине Маслова. Воздух заныл от снарядов, осколки барабанили по броне.

— Маневрируй! — крикнул Маслов Наумову.— Бронебойными лупят.— Как бы в подтверждение, в танк ударил снаряд — будто по башне хватили кувалдой. Башня выдержала, но от внутренней поверхности брони отскочил осколок и рассек щеку заряжающему Беккурову.

— Назад!

Наумов — водитель классный. Танк попятился, сполз вниз. Немцы потеряли его из виду.

— Наумов, подай правее. И вперед!

Тридцатьчетверка вылетела на высотку, ахнула пушка, вспыхнул белесым пламенем подбитый «тигр». Экипаж, обрадованный удачей, разноголосо прокричал «ура», но всех заглушила команда:

— Назад!

Тридцатьчетверка проворно ушла за высоту. Механик-водитель по приказу Маслова подал машину левее, снова выбрался на высотку и снова прогремел меткий выстрел. «Тигр» вспыхнул как свечка. Немцы растерялись.

Маслов приказал повторить маневр. Фашисты молотили высотку, над ней вставали букеты разрывов, жидкую рощицу сбрили осколки.

— Вперед!

Наумов нажал рычаг, пушка снова рявкнула, и еще один «тигр» задымил. Не успели танкисты укрыться за высоткой, как вражеский танк, словно на замедленных кинокадрах распался, из щелей хлынул густой дым, послышался взрыв, и башня свалилась на землю — детонировал боезапас. Фашисты, потерявшие за считанные минуты три первоклассных тяжелых танка, отстреливаясь, начали пятиться.

Неподалеку от Маслова затаился со своей ротой его дружок, старший лейтенант Иван Рыбалко. Ему было приказано терпеливо ждать. Рота тоже располагалась на высотке, и Рыбалко хорошо было видно, как трудно приходится бригаде; открылась широкая панорама завязавшегося боя. Рыбалко с нарастающим волнением следил, как тридцатьчетверки шли навстречу «тиграм», отвечая на жестокий огонь. Но у «тигров» лобовая броня толщиной с подушку. Выстрелы с дальнего расстояния практически им безвредны, они охотно подставляли лоб — снаряды только рикошетили. Наводчикам приходилось подпускать эти танки на близкое расстояние, бить только с пятисот — шестисот метров. Можно представить, что чувствовали наши экипажи, когда «тигры» подкрадывались ближе и ближе, защищенные панцирем лобовой брони. Сами «тигры» в это время ловили в прицел советские танки и били с любой дистанции. Все это требовало от наших танкистов выдержки, мужества, большого мастерства.

Но вот подбит первый «тигр». Удача младшего лейтенанта Пустынцева. Произошло это на виду у всей бригады и командира, наблюдавшего за боем. Танк Пустынцева выдвинулся вперед и прожег «тигру» снарядом бок.

На командный пункт бригады поступали одно за другим сообщения от других экипажей о подбитых «тиграх». Однако обстановка оставалась сложной и напряженной. Настала очередь вступить в бой роте Рыбалко. Несмотря на то, что танки были укрыты в капонирах и хорошо замаскированы, вражеская разведка все же обнаружила роту и подвергла ее огневому налету.

Командир роты сумел быстро вывести танки из-под огня, перестроив их с таким расчетом, чтобы самому атаковать противника. Во время очередной атаки ободренные успехом немцы продвинулись вперед, не заботясь о флангах, и тотчас были за это наказаны. В борта «тиграм» ударили снаряды, ближайший танк загорелся, экипаж поспешил спастись через люк; взорвался второй «тигр», закрутился на месте третий, лишенный гусеницы... Гитлеровцы отошли, оставив на поле боя пять сгоревших и подбитых машин. За этот бой старший лейтенант Рыбалко был награжден орденом Александра Невского.

Когда стемнело, штаб подвел итоги боя. Получалось неплохо. Продвинуться врагу не дали, десять вражеских танков уничтожены, причем шесть из них — «тигры». Танкисты бригады записали еще на свой счет три бронетранспортера, самоходную установку, больше десятка грузовиков и до сотни немецких солдат и офицеров.

Ночь прошла относительно спокойно, но разведчики принесли тревожные сведения. В районах Раково и Алексеевки отмечено скопление войск противника. Однако направление движения гитлеровцев определить не удалось, а командованию это очень важно. Куда нацелился враг? Полковник Леонов решил произвести разведку боем.

Рота Маслова, выделенная в разведку, скрытно подошла к населенному пункту и неожиданно ворвалась на окраину. Противник не успел опомниться, как разведчики промчались из конца в конец деревни, повернули обратно. Теперь обстановка несколько прояснилась.

Оказалось, перед участком бригады сосредоточено около семидесяти танков, а во втором селе, Алексеевке — втрое больше. Следовательно, гитлеровцы намереваются обойти с фланга участок нашей обороны.

Сведения разведки подтвердились. На рассвете бронированный кулак обрушился на бригаду с фронта, а двести танков двинулись в обход. Напряжение боя нарастало с каждой минутой, и к полудню командиру бригады стало ясно, что позиции не удержать. В этот момент он получил приказ отойти на западный берег реки Пены. Бригада точно выполнила приказ.

Батальон майора Орехова вошел в Березовку. Танки укрылись в густых садах, несколько легких танков выдвинулось в боевые порядки автоматчиков бригады, на самый берег реки. В свою очередь немецкие танки и пехота тоже вышли к берегу. Вражеская пехота пыталась переправиться на наш берег, но, получив отпор, отошла и не пыталась закрепиться. Гитлеровское командование изучало данный участок и возможность форсировать здесь реку.

На рассвете вновь завязались ожесточенные бои. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, непрерывно атаковали. К вечеру между флангом 6-го танкового корпуса, в который входила бригада «Революционная Монголия», и правым флангом 3-го механизированного корпуса, образовался разрыв.

Вакуум всегда заполняется. Так получилось и тогда. Гитлеровская разведка не дремала, и на рассвете около ста фашистских танков устремились из района севернее Верхопенья в этот разрыв, атаковали наши позиции в западном и юго-западном направлении и вскоре вышли к перекрестку дорог у урочища Толстое. Отдельные танки противника даже проникли в тыл бригады.

Над бригадой нависла серьезная опасность. Понимая это, полковник Леонов приказал роте Маслова преградить путь фашистским танкам. Бригада заняла круговую оборону.

Основные силы противника обрушились на батальон Орехова. Танкисты отважно встретили противника. Но их было мало — девять тридцатьчетверок и один Т-70. Разгорелся неравный бой.

Многое в бою зависит от выучки экипажей, умения обращаться со сложным оружием и машиной. Но есть и еще один важный фактор — боевые качества командира, его выдержка, умение ориентироваться в бою, принимать решение в считанные секунды. Майор Орехов в этом отношении был «подарком» для батальона. Он всегда находился в боевых порядках и был готов к самостоятельным действиям.

Орехов откинул люк и высунулся из танка. Вокруг раскинулись пшеничные поля, исполосованные танковыми гусеницами, обожженные черными отметинами разры-

вов. Пахло горящими хлебами, душный ветер гнал по полю перемешанную с копотью пыль.

Но вот стрельба прекратилась, отчетливо донесся нарастающий шум моторов. Командир батальона прикрыл глаза ладонью. В дрожащей текучей пелене жаркого марева пятнистые немецкие танки казались огромными. Развернувшись, они шли на боевые порядки батальона. Впереди атакующих танков солидно шествовал массивный «тигр». Ни выстрела, только гул моторов, мерный лязг гусениц.

Орехов закрыл люк и приказал механику-водителю старшине Амбарникову и всем ротным командирам:

— Вперед! — и занял свое место у орудия.

Со стороны — внушительное зрелище: лавина немецких танков, идущая эшелонами, и редкая цепочка тридцатьчетверок.

Немецкие танки все так же безукоризненно держа строй, соблюдая дистанцию, без единого выстрела продолжали идти вперед. Своеобразная психическая атака. Но танкисты майора Орехова имели немалый боевой опыт. Научились противостоять фашистским бронированным хищникам.

— Запугать хотите, — пробормотал Орехов. — Не выйдет!

Комбат взял на прицел «тигра». Чрезвычайно ответственный момент, батальон ждет первого выстрела. Промахнуться на виду у товарищей? Нет, ошибиться нельзя!

Орехов немного помедлил, уточнил наводку и нажал спуск. Грохнул выстрел, лязгнув, вывалилась гильза, и вспыхнули чуть раскосые, темные глаза комбата: столб пламени и дыма вырос над вражеским танком. «Тигр» остановился.

— Вперед!

Танк командира батальона рванулся навстречу врагу. Тридцатьчетверки, резко увеличив скорость, вломились в строй вражеских машин. Гитлеровцы заметались, гибель командирского танка нарушила их управление. На перестраивание и маневр времени у них не оставалось, и они «показали корму».

Но фашистское командование продолжало наращивать силы, подтягивать резервы. Оправившись от удара, фашисты снова атаковали. Батальон Орехова таял. Накал боя возрастал, еще немного — и враг восторжеству-

ет. Но ореховцы дрались самоотверженно, и гитлеровцы несмотря на численное превосходство, продвинуться не смогли.

Положение оставалось напряженным. Внезапно вражеские танки появились в нашем тылу. Удар с тыла мог иметь далеко идущие неприятные последствия. Леонов отдал приказ танковому батальону майора Боридько с ходу ударить по противнику. Враги не ожидали удара, но не растерялись, и завязался ожесточенный бой. Танки сходились вплотную, таранили друг друга, расстреливали в упор. Из подбитых, охваченных пламенем машин выскакивали танкисты, вытаскивали раненых, кое-кто пытался гасить на себе пылающую одежду. На маленьком клочке земли между подбитыми танками метались члены экипажей, охотились друг за другом, пуская в ход пистолеты и ножи. Вспыхивали короткие рукопашные схватки.

Об ожесточенности и накале боев можно судить по таким цифрам: выполняя задачу, батальон сжег шесть «тигров», пять средних танков и уничтожил более ста пятидесяти вражеских солдат и офицеров. Снова, как и в предыдущих боях, отличилась рота Маслова, уничтожив пять «тигров».

И все же противнику удалось добиться небольшого успеха. Он занял господствующую высоту, перекресток дорог.

С прорвавшимися танками вступили в борьбу части 90-й стрелковой дивизии, танкисты и автоматчики бригады. Стрелки располагались в ячейках и ходах сообщения и первыми приняли танковый удар.

Одним из героев этого боя стал комсорг роты, бронебойщик Александр Коробейников. Он сидел в окопе, выставив на бруствер противотанковое ружье и ловил в прорезь прицела наползавшие танки. От бронебойщика требуется особая выдержка. Стрелять надо думая, расчетливо выбирать нужную точку, иначе скользнет тяжелая бронебойная пуля, высечет из брони синюю искру, срикошетит, оставив царапину, а танк помчится дальше. Что же говорить о «тигре», лобовая броня которого выдерживала огонь противотанковых орудий с прямой наводки?

Успех мог быть лишь в случае, если танк находится на близком расстоянии.

А «тигр» шел на большой скорости, он ближе, ближе. Бронебойщик ждал: только выстрел в упор, только в упор... Коробейников это отлично понимал.

Танк в ста метрах, солнце вспыхивает на полированных траках гусениц, броня покрыта маскировочными бурыми пятнами, от них рябит в глазах. «Тигр» в семидесяти метрах, в шестидесяти. Еще мгновение — и он всей тяжестью навалится на окопчик, втопчет смельчака в землю.

Пора!

Коробейников тщательно выверил прицел. Серая масса заслонила поле, часть неба, надвигалась неотвратимо. Как на зло, танк не подставлял борта. Возможно, танкисты заметили торчащее из окопа противотанковое ружье, а может быть, наученные опытом вчерашнего боя, осторожничали. «Тигр» упрямо надвигался, подминая массивным корпусом высокую, в рост человека пшеницу, попирая налитые колосья гусеницами. Стрелять в таком положении можно, но выстрел не будет смертельным. Коробейников навел ружье прямо в гусеницу и выстрелил. Бронебойщик обнаружен. «Тигр» бьет по нему из орудия.

Оглушенный взрывом Коробейников, раскинув руки, упал на дно окопа. Он с трудом поднялся. Охваченный горячкой боя, он не почувствовал пока боли. Исковерканная бронебойка валялась неподалеку. Пошарив в окопе, нащупал автомат — и вовремя: из-за танка появилась вражеская пехота.

Коробейников лег на бруствер и, вскинув автомат, мельком заметил, что кровь заливает грудь, течет по гимнастерке. И тотчас обожгла боль — щека была разорвана осколком.

А немцы уже в тридцати метрах, на расстоянии броска гранаты. Коробейников открыл огонь. Бил по пехоте короткими очередями, прижимал ее к земле, не давал подняться. А сам слабел с каждой минутой, от потери крови кружилась голова. Но сержант продолжал драться.

Гитлеровцы продвигались по всему фронту бригады, наши танкисты отбивали атаки одну за другой. В какой-то, пожалуй, самый напряженный момент полковник Леонов совместно с командиром 200-й бригады организова-

ли успешную контратаку, которая задержала продвижение противника на несколько часов.

Бригада понесла потери. По всему необъятному полю тут и там чернели покинутые сгоревшие танки — наши и немецкие — с развороченными бортами, сорванными башнями, поникшими орудиями. Неподалеку от командного пункта бригады застыли два танка. Немецкий «тигр» раскинул разорванную снарядом гусеницу, другой меткий снаряд попал в пушку, сорвало дульный тормоз. Люки открыты, но экипаж спастись не сумел — в пшенице валялись убитые немцы в распахнутых мундирах. Метрах в двадцати от него вросла в землю тридцатьчетверка, черная как сажа, с закрытыми люками — танкисты дрались до конца...

Ночью комбриг Леонов провел перегруппировку. Танки заняли новый рубеж, подготовленный заранее. Истребительно-противотанковая батарея по-прежнему оставалась там, где начался бой, на северных скатах безымянной высоты, в полутора километрах северо-восточнее Березовки.

На рассвете немцы обрушили на бригаду огневой вал. Рвались снаряды, пикировали «юнкерсы». Одновременно танковая и пехотная дивизии гитлеровцев ударили с трех сторон в направлении Обояни и стали продвигаться на север. Над головой проносились вражеские самолеты, краснозвездные истребители встречали их, завязывались ожесточенные воздушные схватки, но бомбардировщики, прорываясь сквозь заслон, стремились нанести удар по нашим танкам.

Положение по-прежнему оставалось напряженным. Небо заволокло тучами, пошел дождь. Он резко ухудшил видимость, мешал обороняющимся вести прицельный огонь на дальней дистанции, и противник сумел подойти к рубежу, занятому батальоном автоматчиков. Бойцы не растерялись и пулеметным огнем с флангов отсекли вражескую пехоту от танков. Подоспели и наши танки.

Но силы были слишком неравны. Израсходовав все боеприпасы, пехотинцы вместе с батальоном Орехова

стали отходить. Батальон Боридько оказался во вражеском тылу и оврагами пробирался на соединение с бригадой.

Плотная сетка дождя скрыла рощу, на опушке которой стояли в обороне наши танки, видимости никакой. Экипажи томились без дела. Где-то гремело и грохотало сражение, а здесь образовался особенный микромир — ничто не напоминало о недавних жестоких схватках, даже осколочные отметины на броне, пулевые царапины заполнились серой холодной влагой, словно это стали затягиваться рубцующиеся раны.

Звонко и монотонно стучали капли по крышке люка, нагоняли дрему. Но спать нельзя: кругом враг, и неизвестно, что он сейчас, в данную минуту, замышляет.

Командир танка лейтенант Леушин откинул люк, сырой воздух хлынул внутрь, стало легче дышать. Лейтенант высунулся из люка и сняв шлем, прислушался. Короткие русые волосы, намокая, падали на лоб. Механик-водитель старшина Токарев, веселый и разбитной, заметил:

— Хорошо живется некоторым. Захотят — погуляют, воздухом чистым подышат.

— Не прибедняйся,— заступился за командира радист сержант Окунев,— ты свое не упустишь...

Все рассмеялись, так как им был памятен один случай. Весной, когда стояли в селе, Токарев задержался «у одной дивчины» и едва не отстал: рота срочно снималась с места.

— Бегом бежал,— ехидничал радист.— На третьей скорости. Знаешь, командир, пожалуй, наш старшина танк обгонит, если захочет...

— Наверное. Но в тот момент он и черепаху бы не обогнал: подарки волок...

И снова они расхохотались, а Токарев громче всех. Ну а те подарки забыть просто было невозможно.

...В конце марта приехали гости — делегация трудящихся МНР. В ее составе были также монгольские цирики и офицеры. Монгольские воины буквально рвались в бой, просили немедленно отправить их на передовую.

Но гостям не повезло. На фронте затишье, войска

стояли в прочной обороне, а тут еще и весна наступила дружная, залило дороги, поля превратились в топи, непроходимые для колесных машин, даже мощные танки увязали в грязи. Поэтому монгольских товарищей хотя и подвозили к передовой, но ни в разведке боем, о которой они мечтали вслух, ни в атаке, о чем даже мечтать не могли, участвовать им не пришлось: командование не разрешило. Однако затишье затишьем, но на войне как на войне: стреляют, приходилось принимать меры, чтобы не подставить гостей под огонь. Офицеров и цириков посадили в танки, тридцатьчетверки вышли на позиции, постреляли по зарывшемуся в землю противнику, немцы ответили. После взаимного «обмена любезностями», закончившегося, к счастью, без потерь для наших бойцов и монгольских друзей, тридцатьчетверки доставили их в штаб бригады.

А здесь уже готовились к торжеству, традиционному митингу и товарищескому фронтовому обеду. Когда отзвучали речи, руководитель делегации МНР сказал:

— А теперь позвольте вручить вам, дорогие наши братья, дар монгольского народа, небольшие посылочки для каждого воина героической бригады «Революционная Монголия». От всей души...

Четверо крепких солдат принесли на плечах ящик, похожий на деревенский сундук, в каких бабки хранят подвенечное платье и прочие семейные реликвии. Танкисты с улыбкой провожали их взглядом. Солдаты остановились возле левофлангового, опустили ящик на землю.

— Получайте, товарищ боец.

Низенький паренек в замасленном танкистском шлеме с недоумением взглянул на командира бригады. Тот улыбнулся.

— Это индивидуальный подарок. Привезли их для всех. Каждый солдат и офицер получит такой,— объясняли монгольские друзья.

— Вот это да!

— Его же не поднимешь!

Строй загудел, танкисты смеялись, помогали друг другу донести подарки до землянок. Кто-то не выдержал и тут же вскрыл ящик. В нем оказалось теплое обмун-

дирование, полушубок, валенки, консервы, сладости, сгущенное молоко...

— Вот это подарочки! Ну и подарки!

В тот вечер танкисты долго не могли успокоиться...

— Да, подарки были что надо! — вздохнул Окунев, вспомнив о монгольских сладостях.

Механик-водитель подначивал:

— А у меня еще кое-что припасено — я бережливый...

— Ладно, бережливый, кончай разговорчики. Проясняется, двинемся потихоньку.

— Есть!

Тридцатьчетверка на малой скорости тронулась вперед, глубоко увязая в раскисшей почве. Токарев был искусным водителем, но машина все-таки застряла. Лейтенант выглянул из люка.

— Внимание! Впереди танки противника!

Люк захлопнулся, экипаж спокойно и деловито стал готовиться к бою.

Когда за сеткой дождя немецкие танки стали отчетливо видны, грянул пушечный выстрел, застрочил танковый пулемет. Экипаж открыл беглый огонь, чтобы ввести в заблуждение противника, не ожидавшего встретить здесь сопротивление.

Расчет на внезапность оправдался. Гитлеровцы не могли представить, что перед ними всего одна единственная тридцатьчетверка — погода на сей раз выручила....

— Можно перекурить,— негромко объявил командир. Танкисты облегченно вздохнули, и хотя никто из них табачком не баловался, солдату, измотанному боями, такая команда приятнее прочих.

До вечера никто не тревожил экипаж танка «Маршал Чойбалсан». Однако следует позаботиться и о себе — машина увязла в болоте, нужно ее вытащить. Но как? Гусеницам необходима твердая опора. Надо нарубить сучьев. Сделать это не просто, кругом противник, в роще можно напороться на немцев.

Но иного выхода не было. Когда наступила ночь, танкисты выбрались из машины и, соблюдая меры предосторожности, принялись за работу. Ломать и рубить ветки опасались, ночью звуки далеко слышны, нагрянут

гитлеровцы, и не успеешь добежать до танка. Решили использовать подручный материал. Вокруг было немало деревьев, поваленных разрывами снарядов; война в роще, по выражению Токарева, «наломала дров». Танкисты волокли молодые деревца, охапки хвороста, выкладывали настил к твердому грунту. Спасительный туман рассеивался, и это тревожило; немцы могли появиться ежеминутно, приходилось торопиться.

— Все! Порядок в танковых войсках! Гать готова!

Взревел двигатель, танк, поднимая настил, пополз вперед. С хрустом ломались стволы деревьев, трещали ветви, брызгала грязь. Еще рывок, еще, и машина уже на твердом грунте.

Утром экипаж танка «Маршал Чойбалсан» отправился на разведку. Выбрали подходящий холм, густо заросший ольшаником. С ходу вломились в кусты, и члены экипажа превратились в разведчиков.

Ничто не нарушало тишину, только высоко за облаками назойливо зудела «рама», надоедливый двухфюзеляжный самолет. Танкисты насторожились: дурной признак, прилетел воздушный разведчик — жди «гостей», нагрянут фашистские бомбардировщики, накроют цели, засеченные «рамой».

Но небо оставалось чистым, зато на земле послышался далекий, характерный гул, показались фашистские танки. Лейтенант Леушин хладнокровно пересчитал их.

— Восемь «тигров»! Окунев! Немедленно сообщи на командный пункт. Артиллеристам выдай точные координаты, попроси, чтобы как следует ахнули — слишком уж их много.

— Ничего. Будет меньше,— невозмутимо откликнулся радист, передавая сообщение. Он тоже понимал, что только массированный огонь батарей способен остановить немцев.

Танки приближались. Они были уже отчетливо видны без бинокля, и лейтенант старался рассмотреть некий устрашающий знак на башне головной машины: то ли мифическое животное единорог, то ли овальный геральдический щит с вензелями.

Танки ближе, ближе, но вот по противнику обрушила огонь наша артиллерия. Артиллеристы били метко. Еще залп, и загорелись три танка. Остальные пытались вый-

ти из-под огня. Головная машина, разворачиваясь, подставила борт.

— Своевременно, — пробормотал Леушин, — очень кстати.

И точно навел орудие. Выстрел. Снаряд заклинил башню. Второй ударил в моторную группу. «Тигр» загорелся. Недаром товарищи прозвали Леушина снайпером — стрелял он отлично, без промаха разил любую цель.

Засада! Сигнал тревоги молнией облетел уцелевшие фашистские машины. Здесь спрятаны русские танки, они где-то поблизости. Бьет русская артиллерия, немедленно назад!

«Тигры» ретировались на предельной скорости.

За этот бой экипаж танка «Маршал Чойбалсан» был представлен к правительственным наградам.

Вечером 11 июля бригада сосредоточилась в урочище Долгонькое. Танкисты ремонтировали танки, исправляли повреждения. Немало хлопот выпало всеобщему любимцу Сене Варину, в прошлом студенту студии театра имени Вахтангова. Варин стал на фронте не только боевым командиром, но и толковым помпотехом. Сеня и его ремонтники чинили поврежденные танки, устраняли поломки, заменяли вышедшие из строя детали, возвращали боевые машины в строй. Все это быстро, без лишних слов и обязательно с шуткой, с веселой приговоркой.

К вечеру бригада «Революционная Монголия» совместно с 60-м танковым полком, батареей самоходных установок и двумя батареями противотанковых орудий заняла оборону северо-западнее урочища Толстое.

А на рассвете танкистов ждала радость: прибыло пополнение. С заводов, из глубины страны, пришли новенькие, пахнущие краской тридцатьчетверки и Т-70. В тот же день машины вступили в бой, можно сказать, прямо с заводского конвейера.

Утром 14 июля противник яростно атаковал позиции бригады. Завязался ожесточенный бой.

Днем положение осложнилось. Пехота противника просочилась в многочисленные овраги на западной

опушке урочища. Сюда же заползли и танки. Немецкие танкисты избрали такую тактику: внезапно выскакивали из укрытия, били по нашим танкам, чтобы затем мгновенно скрыться в овраге и выжидать подходящего момента для нового наскока и огневого удара. Но наши не растерялись и быстренько применились к этой тактике фашистов. Точно рассчитав, где появятся немецкие танки, наши танкисты и артиллеристы меткими выстрелами поражали врага. В этом бою было уничтожено восемь танков противника, в том числе четыре тяжелых «тигра».

Потерпев неудачу, немцы предприняли атаку двадцатью танками, которые, развернувшись, пошли на позиции бригады. Предварительно фашистские пикировщики обработали наши позиции весьма основательно. Вражеские танкисты, похоже, рассчитывали, что противотанковая артиллерия подавлена и, ободренные этим, атаковали.

Казалось, предположение немецкого командования верно, советская оборона молчит. Но наши танкисты выжидали, когда враг приблизится на расстояние, необходимое для верного выстрела. И выстрелы загремели, началась танковая дуэль.

Дорого гитлеровцам обошлось «предположение»: на поле горело четыре танка, в том числе один «тигр». Наши танкисты потерь не имели, только у одной тридцатьчетверки снарядом заклинило башню.

Вскоре началась новая атака. На этот раз гитлеровцы бросили вперед четырнадцать танков, в том числе три «тигра». Две тридцатьчетверки, находившиеся в это время на открытом месте, вынуждены были маневрировать, чтобы не попасть под снаряды фашистов, а четыре машины помогали им из укрытия. Завязался огневой бой, продолжавшийся около часа. Гитлеровцы, потеряв шесть танков, отошли.

Весь мир, затаив дыхание, следил за захватывающими событиями, развернувшимися на Курской дуге. Красная Армия, обескровив и измотав противника, нанесла ему сокрушительный удар, после которого фашистская Германия так и не смогла оправиться. Не помогло хвале-

ное новое оружие — «тигры» и «пантеры». Сокрушительные удары, нанесенные по гитлеровскому бронированному кулаку на Курской дуге, отозвались на всех континентах, вдохновили всех честных людей на борьбу за освобождение от фашистской чумы.

Славный вклад в разгром врага под Курском внесла и бригада «Революционная Монголия». В грозные июльские дни еще более окрепла дружба танкистов с трудящимися МНР. В разгар боев полковник Леонов направил телеграмму в Улан-Батор Премьер-министру Монгольской Народной Республики маршалу Чойбалсану. В ней приводились цифры уничтоженной вражеской военной техники за восемь дней боев, в том числе семьдесят два танка, из которых тридцать один «тигр»! Телеграмма была опубликована в газете «Унэн» 20 июля 1943 года. В том же номере напечатан ответ маршала Чойбалсана, адресованный Леонову:

«Гордимся мужеством славных танкистов, умножающих славу героической Красной Армии. Объявите от меня лично и от Правительства МНР всему личному составу благодарность и пожелайте новых успехов в борьбе с проклятым фашистским зверьем».

В урочище Большое бригада находилась до начала августа. Танкисты получали новые машины, исправляли поврежденные, принимали пополнение. В один из дней состоялось вручение правительственных наград героям Курской битвы.

Один за другим подходят к столу, покрытому красным сукном, солдаты, сержанты, офицеры. У некоторых белеют бинты повязок, раненые танкисты остались в строю, не ушли в медсанбат. Обветренные, обожженные солнцем лица взволнованы и заметно смущены.

К столу подходит командир 124-го танкового батальона майор Федор Петрович Боридько. Его танк, носящий имя героя монгольского народа Сухэ-Батора, шел вперед, увлекая своим примером экипажи. Батальон Боридько уничтожил девять «тигров», двенадцать средних танков, два самоходных орудия, тридцать пушек разного

калибра, свыше тысячи солдат и офицеров противника. Принимая орден, Боридько сказал:

— Это награда всему нашему батальону. Весь личный состав готов выполнить любой приказ Родины. Для победы никто из нас не пожалеет ни сил, ни жизни.

Сержант Зайцев, подбивший три фашистских танка, получил орден Красной Звезды. Санинструктор Лидия Гагарина, отличавшаяся не раз в предыдущих боях, ранее представленная к ордену Красной Звезды, теперь привернула к гимнастерке орден Отечественной войны II степени. Бесстрашная девушка под градом пуль и осколков перевязывала раненых, эвакуировала в медсанбат. Десятки танкистов обязаны ей жизнью.

Получили правительственные награды и другие наши товарищи. Боевым успехам бригады радовалась страна, радовались и побратимы — трудящиеся МНР. Слава о подвигах «Революционной Монголии» докатилась до самых отдаленных аймаков. Трудящиеся республики хотели знать все подробно о боевых делах танкистов. По заданию командования капитан Александр Шабанов написал корреспонденцию для газеты «Унэн» — отчет о боевых делах. Она была опубликована 6 августа 1943 года, но когда ее читали трудящиеся МНР, танкисты уже снова были в бою.

УДАР НА БОГОДУХОВ И АХТЫРКУ

Наши войска громили противника на Курской дуге. Не так-то просто было взломать мощную, глубоко эшелонированную оборону немцев с системой отрытых в полный профиль многокилометровых разветвленных траншей, среди которых тут и там торчали доты и дзоты, оснащенные артиллерией и тяжелыми пулеметами. Свободные равнинные пространства и особенно танкоопасные направления были буквально нафаршированы десятками тысяч разнообразных мин; сотни металлических «тарелок» стопочками стояли по обочинам дорог, и те, кому памятны дороги наступления, наверняка помнят эти многочисленные «тарелки» с вывернутыми взрывателями — работа героических фронтовых саперов. Помнят мутные занавеси пыли, которую гнал по степи горячий, обжигающий ветер, и осыпающуюся буйную пшеницу, и двухметровую шелестящую кукурузу по обе стороны разбитого тракта, и мертвые груды исковерканных орудий, скелеты сожженных грузовиков, черные изваяния подбитых танков.

Войска Воронежского фронта, в состав которых входила «Революционная Монголия», продвигались к маленькому зеленому островку в пропыленном степном море — городку Богодухову. Штурм Богодухова был стремительным и внезапным. Немцы вдруг с ужасом обнаружили на улицах городка советские танки с именами героев Народной Монголии на седой от пыли броне.

Гитлеровцы в панике бежали, побросав легковые и грузовые машины, пулеметы, орудия. Пехотинцы-десантники гоняли по огородам отставших гитлеровцев, вылавливали их в гуще подсолнухов.

В огородах еще потрескивали выстрелы, автоматчи-

ки вытаскивали из подвалов ошалевших от страха фашистов, а город ликовал — население встречало освободителей.

Весь город оказался на улицах. Девушки дарили танкистам цветы, женщины совали корчажки с топленым молоком, угощали вишнями, помидорами. На улицах, на перекрестках стояли накрытые столики. Около хлопотали хозяйки. На столах — немудреная закуска, а кое-где поблескивали бутылки с вином. Люди отдавали весь свой скудный запас, делились последним куском хлеба. Небогатое угощение — початок кукурузы, горсточка сушеных вишен да несколько недозрелых груш — зато от всей души.

Танкисты терялись от всех этих знаков внимания и народной любви. А как на них смотрели люди! Старики, впервые увидевшие погоны (сами когда-то носили), удивленно качали головой, женщины видели в каждом бойце мужа, брата, сына, отца — как детишки смотрели на боевые ордена и медали.

Дети и девушки забирались на танки, осыпали броню букетами ромашек и васильков.

Танкисты радостно улыбались. Сквозь кровь, пожарища, смерть, издалека шли они сюда. И пришли с победой!

После взятия Богодухова — короткий отдых. Осенний лес. Неяркая трогательная, тихая красота. Тронутые багрянцем листья еще не облетели, тонкие серебряные паутинки протянулись над просеками; краснеют меж кочек подосиновики, стайки белых грибов выбегают на полянки. Усталые, закопченные в тяжелых боях танкисты подолгу бродят в негустых светлых рощицах, собирают грибы, перезрелые лесные ягоды, и вспоминаются им сибирские, уральские, дальневосточные леса, родные просторы. А исхлестанные вражеской сталью боевые машины, испещренные вмятинами и царапинами — отметинами пуль и осколков, словно хорошеют украшенные маскировочными ветками. Танкисты моются, приводят в порядок обмундирование, чистят оружие, осматривают и ремонтируют танки, а вечером на поляне негромко поет гармонь, и воины вспоминают недавние бои, обмениваются домашними новостями.

Но и в такие часы политработнику дело найдется. Вместе с товарищами хожу из батальона в батальон, танкисты встречают радушно, угощают трофейными сигаретами, завязываются беседы. На вырванном бомбой здоровенном пне сидит группа бойцов, лиц не видно, луна еще не взошла. Подходим, прислушиваясь к раскатистому голосу. Узнаю парторга батальона капитана Виктора Ивановича Дорофеенкова, бойцы любят его слушать, рассказывает он всегда увлекательно, интересно.

Вот и сейчас слушают...

— Тяжелое время было. Наши братья, монгольские араты, отбивались от вторгшихся в страну китайских милитаристов, в неравных боях несли большие потери, но сражались геройски: слабо вооруженные, снаряженные только за счет трофеев, монгольские бойцы наносили противнику удар за ударом. Их вдохновлял пример Красной Армии, которая только что разгромила Колчака.

Монгольский народ поднялся на революционную войну, руководимый народным героем Сухэ-Батором и молодым тогда Чойбалсаном, будущим главой правительства Народной Монголии. Летом 1920 года небольшая делегация монгольского народа нелегально выехала в Советскую Россию.

Далек и нелегок был путь монгольских товарищей. Через разрушенную белогвардейцами, тифозную, еще охваченную огнем гражданской войны огромную страну пробирались они на запад, в Москву, к Ленину.

И монгольская делегация побывала в столице Советской России, ее принимал в Кремле Владимир Ильич. Долго длилась беседа. Ленин подробно расспрашивал делегатов о жизни и борьбе монгольских трудящихся, обстоятельно объяснил международное положение Монголии и указал, что единственно правильный путь для монгольского народа в его борьбе за независимость — это союз с рабочими и крестьянами Советской России. Сразу же после возвращения миссии Сухэ-Батор и Чойбалсан приступили к формированию партизанских отрядов, которые впоследствии стали костяком монгольской Народной армии.

— Я где-то читал, что Сухэ-Батор совершил много подвигов,— заметил молодой танкист сержант Вася Кравчук.

Парторг подтвердил, послышались одобрительные восклицания, о Сухэ-Баторе знали многие.

Первые же бои с превосходящими силами противника показали, что молодой монгольский военачальник является талантливым полководцем, бесстрашным и мужественным человеком. Бойцы Сухэ-Батора наголову разбили захватчиков под городом Маймаченом 18 марта 1921 года. Этот день считается днем рождения монгольской Народной армии. Народная армия, руководимая Сухэ-Батором, Чойбалсаном и Хатан-Батором Максаржабом, выдающимся военным деятелем, храбрецом, героем Народной Монголии, полностью разгромила захватчиков и вышвырнула их за пределы страны.

— Вы назвали имя Хатан-Батора Максаржаба,— сказал Иван Курбатов.— А чем он прославился?

И снова гудит в притихшем лесу голос парторга. Кто в Монголии не знает Хатан-Батора? В каждой аратской юрте, в самом дальнем кочевье о нем вам будут рассказывать часами. Хатан-Батор с горсточкой воинов врубился в гущу вражеской конницы, разя неприятеля острой шашкой, и обратил врагов в паническое бегство; он всегда шел впереди в атаке, и его облетали пули. Враги при виде Хатан-Батора терялись, не могли вести прицельный огонь, а если даже и могли, Хатан-Батор из самого жестокого сражения выходил целым и невредимым. Однажды цирики, шедшие с ним в атаку, видели, как он пошатнулся в седле и схватился за грудь. Замерли от ужаса бойцы, но Хатан-Батор только улыбнулся и вынул из халата горячую пулю, которая расплющилась о его богатырскую грудь. Вот какой был Хатан-Батор!

И хотя в этих рассказах, родившихся у пастушьих костров, было немало придуманного, того, чего в действительности не могло происходить, тем не менее вся Монголия передавала их из уст в уста, складывала легенды о народных героях.

Но легенды легендами, а вот быль. Народная армия атаковала крепость Кобдо. Но враг яростно сопротивлялся, и крепость никак не удавалось взять. Тогда Хатан-Батор отобрал двадцать молодцов, посадил их на лучших коней и подскакал к стенам крепости под ливнем пуль. Всадники спешились и по легким приставным лестницам поднялись наверх, а оттуда спустились в самое логово врага.

В ожесточенной схватке монгольские бойцы буквально прорубали себе дорогу к воротам. Ближе и ближе подходили они, оставляя за собой поверженных врагов. Наконец пробились к воротам, Хатан-Батор с саблей кинулся на охрану, и ворота распахнулись, крепость была взята. Между прочим, этот легендарный человек, которого в Монголии называли просто Батыром, значит богатырем, однажды сказал: «Обо мне говорят, что я Батыр. Какой я Батыр! Я самый обыкновенный человек».

Скромность, сдержанность в сочетании с отвагой и мужеством были присущи Хатан-Батору, как, впрочем, и многим другим монгольским воинам. Совсем недавно, в 1939 году на Халхин-Голе воины монгольской Народной армии это доказали, сражаясь плечом к плечу с бойцами Красной Армии.

Беседа затянулась за полночь, и когда мы уходили из батальона майора Орехова, луна уже освещала каждую тропку.

Военная судьба скоро вновь свела меня с бойцами и офицерами этого славного танкового батальона. После взятия Богодухова бригада получила приказ ворваться на станцию Высокополье и перерезать железную дорогу Харьков — Полтава — важную коммуникацию врага. Основная часть этой задачи легла на батальон майора Орехова. Ему предстояло прорвать вражеские укрепления и захватить Высокополье, которое немцы тщательно охраняли.

Как всегда, хотелось побывать в подразделении, которое пойдет в бой первым. Оставалось совсем мало времени, когда я оказался в расположении батальона. Парторг капитан Дорофеенков накоротке собрал коммунистов, распределили кому и что делать во время подготовки к выходу и в бою. Началось заседание комсомольского бюро, оно проходило с участием всего актива подразделения. Молодые танкисты, совсем юные парни, некоторые еще не успели познакомиться с бритвой, но уже гордо носившие боевые ордена и медали, внимательно слушали ветерана бригады, комбата. Майор Орехов в деталях рассказал о боевой задаче, задавал вопросы комсомольцам, интересовался настроением, самочувствием. На этом же заседании принимали в комсомол стрелка-радиста Василия Кравчука и его дружка

Ваню Курбатова. Эти ребята воевали хорошо, все их знали как храбрых воинов.

Прозвучала команда, и зарокотали моторы, захрустел под гусеницами густой кустарник. Танки покидали лес, сбрасывая зеленый маскировочный шатер, служивший надежным укрытием от воздушных пиратов.

Батальон Орехова шел вперед. Он несколько пополнился, после боев за Богодухов в бригаду прислали новые танки. Батальон насчитывал двадцать шесть танков и был усилен подразделением автоматчиков, батареями противотанковых орудий, самоходок, двумя зенитными орудиями и саперным взводом.

Головной двигалась рота, которой командовал герой боев на Курской дуге старший лейтенант Петр Маслов. Ей предстояло совершить дерзкую, стремительную атаку, выйти к железнодорожному полотну и взорвать его. Первым шел танк старшины Кафиева, на башне которого красовалась надпись «Монгольский арат».

Миновали последнюю рощу, и головной танк остановился. Ему на смену выдвинулся танк Маслова. Впереди виднелось село, прикрывавшее станцию Высокополье. Несколько минут танкисты внимательно наблюдали за селом, командир прикидывал, как бы его обойти, но понял, что это не удастся. Значит, штурм! Что ж, экипажи проинструктированы, все бойцы опытные, прошедшие школу боев на Курской дуге.

— Вперед!

Рота устремилась на спящее село. Экипажи быстро и четко выполнили команду, и рота, ведя огонь из пушек и пулеметов, ворвалась в село. Из хат высыпали полуодетые гитлеровцы — спали раздетыми, не ожидая удара. Растерявшийся гарнизон был смят в течение считанных минут.

Путь на Высокополье свободен!

Тридцатьчетверки понеслись к железной дороге, петлявшей между холмов, ежившихся желтой стерней скошенной пшеницы. На удивление, к насыпи вышли без выстрела. Маслов открыл тяжелый люк и, выпрыгнув из танка, взбежал по насыпи на полотно. С минуту смотрел на блестящие стальные рельсы — вот артерия, питающая гитлеровцев всем необходимым, по ней гонит фашистский тыл своим частям эшелоны с боеприпасами, танками, орудиями, продовольствием, по ним тянутся крас-

ные вагоны, набитые солдатней. Артерию нужно перерезать, оборвать раз и навсегда.

— Подкопать, подложить толовые шашки. Взорвать вместе со стрелками!

Танкисты быстро прикрепили к рельсам шашки-двухсотграммовки, похожие на бруски желтого хозяйственного мыла, с круглыми отверстиями для детонаторов, размотали короткий огнепроводный шнур. Маслов срезал кончик шнура, чиркнул спичкой, шнур зашипел, укорачиваясь, разбрызгивая искры. Один за другим прогрохотали взрывы, полетели в чистое небо куски рельсов. Петр взглянул на часы.

— По местам! Занимай оборону, сейчас пожалуют гости!

Танкисты принялись торопливо маскировать машины, но не успели: на дороге, бежавшей параллельно полотну, поднялись густые столбы пыли, в которых что-то поблескивало, послышался характерный, так хорошо знакомый гул вражеских танков.

Старший лейтенант занял место у орудия. Два вражеских танка с черными крестами на броне отделились от колонны, намереваясь выйти роте в тыл, чтобы отрезать единственный путь отхода.

— Ага! Понятна затея, но ничего не выйдет, гады!

Маслов навел орудие на первую машину — расчистить путь, вот сейчас главное. Командир роты прицелился и нажал спуск.

Орудие дернулось, офицера толкнуло, но он, не отрываясь от прицела, радостно вскрикнул: снаряд попал в башню. Еще выстрел. Фашистский танк остановился, окутался черным дымом, в котором метались языки пламени. Маслов поймал в прицел второй танк, который торопливо пытался обойти подбитую машину. Выстрел. У вражеского танка снарядом сорвало гусеницу, взрыв разметал катки, танк заерзал на месте.

«Крутись, крутись,— промелькнуло у Маслова,— далеко не убежишь». Маслов тотчас забыл об этом танке. Схватка произошла на глазах у вражеской колонны, но почему немцы не стреляют? Возможно, ошеломлены, а может быть, не успели изготовиться. Но через несколько секунд они опомнятся, и тогда на командирской тридцатьчетверке сосредоточится весь огонь противника.

— Старшина! За каменный дом! Быстро!

Механик-водитель точно выполнил команду, танк скрылся за углом, и вовремя: там, где он только что стоял, раз, другой вздыбилась земля.

Неожиданно из пристанционного сада вывалился «тигр». Будто оправдывая свое грозное имя, танк был размалеван белыми полосами. Мощная пушка нацелена прямо на машину Маслова. Петр будто видел, как за толстой полосатой броней немец приник к прицелу. Вот-вот грянет выстрел.

Маслов крикнул сержанту Пшеничникову:

— Подкалиберным! Бей!

Грохнула пушка. Попадание. Танк задымил. Прошло время, когда «тигры» нахально лезли вперед, надеясь на крепость броневой защиты. Наши танкисты на Курской дуге научились с ними справляться. Весьма успешно. Вражеское зверье теперь умели укрощать, и немцы это прекрасно усвоили. Вот почему после первого же снаряда «тигр» попятился, пытаясь укрыться за деревьями пристанционного сада.

Выстрел! Еще один! Мягко забарабанили по броне яблоки, сбитые с деревьев взрывной волной. Выстрел! С треском раскололась хваленая броня, и из танка вырвалось хвостатое пламя. Кровавые языки облизывали бока «тигра», темнели устрашающие белые полосы на броне...

Удачно действовали и другие экипажи. Еще два «тигра» нашли гибель на советской земле. Машины горели смрадным пламенем.

Кругом гремел бой. Батальон Орехова ворвался в поселок и удерживал его, отбивая контратаки противника.

Однако гитлеровское командование сразу поняло, какую опасность влечет за собой захват Высокополья, и быстро стянуло на этом нешироком участке до восьмидесяти танков, перебросило резервы. Положение наших танкистов становилось труднее и труднее, но они сражались стойко, успешно отражали натиск.

Командованию бригады стало ясно: немцы стремятся отсечь их от основных сил корпуса. Но отойти, сменить позиции нельзя, так как обеспечивающий с тыла выполнение основной задачи батальон Боридько с приданными ему средствами усиления ведет тяжелый бой с просачившимися к командному пункту бригады ав-

томатчиками противника и с танками, которые неожиданно появились из деревни Шаровки.

Полковник Леонов нервничал, помощи ждать неоткуда, остается надеяться на стойкость ореховцев. И они оправдали эти надежды. Танки Орехова ловко укрывались за холмами, таились в засадах и, подпустив врага, наносили внезапный удар. Несколько тридцатьчетверок Орехов приказал замаскировать в самых неожиданных для противника местах. Один танк экипаж загнал в полуразвалившийся сарай, а пушку тщательно обложил соломой. Кто-то притащил часть забора и укрепил впереди сарая. Когда показались немецкие танки, сарай не подавал признаков жизни, но едва гитлеровцы приблизились, ожил и хлестнул из пушки по головному танку...

Ореховцы дрались самоотверженно и уничтожили вместе с другими подразделениями более тридцати немецких танков, но и сами понесли тяжелые потери. Батальон потерял сгоревшими и подбитыми тринадцать машин, самоходную установку и оба зенитных орудия, выбыло из строя более половины батальона автоматчиков, а враги все лезли и лезли.

Под давлением превосходящих сил противника командир бригады приказал оставить Высокополье и отойти.

Получив приказ, Орехов вытер закопченный лоб. Как выполнить приказ?! Как осуществить маневр? Ведь отходить придется на виду у противника, гитлеровцы буквально висят «на хвосте», крепко прицепились, не оторвешься. Значит, остается одно: отходя — бить! Бить врага!

Огрызаясь огнем, отползали боевые машины, десантники короткими очередями осаживали слишком прытких фашистов, вырвавшихся вперед. Осталось одно противотанковое орудие, да и у того половинный расчет. Но вот снова показались вблизи десятки вражеских танков. Артиллеристы торопливо развернули пушку. Высокий заряжающий Борис Сиренко с перевязанной головой, подскочив к орудию, вложил снаряд, пушка грохнула и подалась назад. Еще снаряд, еще...

Остатки батальона Орехова, отходя, продолжали драться. Пять танков отстали от основных сил батальона и вели бой самостоятельно, практически оказавшись во вражеском тылу. Только по выстрелам танковых пушек узнавали танкисты Орехова о товарищах — стреляют, значит, живы, значит, бьются!

К рассвету в батальоне осталось десять танков и одно орудие. Из соседнего села Первомайского сквозь вражеские заслоны пробились две тридцатьчетверки из батальона Боридько. Ведя тяжелый бой, заняли круговую оборону.

Создалась критическая обстановка. Гитлеровцы наседали, вражеские танки то и дело появлялись из-за холмов, из-за подбитых, сгоревших машин, били прямой наводкой. Им отвечали редкие выстрелы уцелевших танков Орехова, слышались взрывы гранат — наша пехота отбивалась от гитлеровских автоматчиков.

Неожиданно подошло подкрепление — два батальона 6-й мотострелковой бригады. Впереди боевых порядков пехоты артиллеристы-истребители, бронебойщики. Застрочили пулеметы мотострелков, резко ударили противотанковые пушки.

— Немедленно взять Высокополье! — полковник Леонов отдал приказ и взглянул на часы.— Скорее! Скорее! Пока противник не подтянул дополнительные резервы. Сейчас нужно бросить в бой все силы, железная дорога должна быть перерезана.

Леонов прикинул, какими возможностями располагает. Из потрепанных батальонов Орехова и Боридько можно наскрести пятнадцать танков. Мало, чертовски мало...

Леонов подозвал связного.

— Танк, который охраняет штаб бригады, пусть присоединится к остальным!

— А как же штаб? — спросил кто-то из офицеров.

Леонов сердито буркнул:

— Проживет и так. В крайнем случае — повоюет.

План Леонова оказался правильным, внезапной атакой Высокополье было очищено от врага, железную дорогу Харьков — Полтава снова оседлали танкисты.

Вскоре бригаду по приказанию командира корпуса перебросили в район поселка Мирное. Здесь отчаянно дрались с врагом части 90-й стрелковой дивизии. Пехотинцам приходилось туго, фашистские танки прорвали боевые порядки и на левом фланге утюжили окопы, раздавили и засыпали несколько ячеек.

Бригада «Революционная Монголия» с марша вступила в бой. Измученные, с воспаленными от бессоницы глазами, закопченные, смертельно усталые танкисты Орехова и Боридько, еще не остывшие от трудного боя в полном окружении, снова приникли к орудиям, смотровым щелям. Стрелок головного танка, ворвавшегося в разрушенный поселок, с ходу ударил по переползавшему улицу немецкому танку. Подкалиберный снаряд попал в борт.

— Есть!

Из развалин, за которыми змеились траншеи стрелков, послышалось «ура», но танкисты уже проскочили дальше. Вслед за головной машиной неотступно шли остальные. И здесь, в центре горящего поселка, танки попали под огонь «тигров» и противотанковых пушек.

К вечеру батальон Орехова потерял все свои машины. Уцелевшие экипажи вместе с остатками стрелковых подразделений отходили к соседнему поселку. А батальон Боридько еще дрался. У комбата оставалось всего семь танков, оборонявшихся на северном берегу неширокой реки. Понимая, что Боридько долго не продержится, полковник Леонов вызвал командира батальона автоматчиков капитана Усанова.

— Сколько у тебя людей?

— Сорок один, товарищ полковник.

— Поможешь Боридько. Он на том берегу.

— Есть!

Автоматчики редкой цепью подобрались к окраинам поселка. Пехота кинулась в атаку. Закипел рукопашный бой, в течение нескольких минут гитлеровцы были выбиты из поселка. Им в голову не приходило, сколь малочислен противник; сгустившийся сумрак удесятерял силы наших бойцов, их автоматы строчили отовсюду: из полузасыпанных окопов и траншей, из-за торчавших в небо прокопченных печных труб.

После полуночи гитлеровцы перебросили к Мирному подкрепление на бронетранспортерах и ворвались в поселок. Населенный пункт, который теперь именовался лишь условно — все дома разрушены и сожжены,— никак не оправдывал своего названия и переходил из рук в руки.

А на рассвете уцелевшие пехотинцы передавали друг другу радостную весть.

— Танки! Бригада получила танки!

Если бы знали бойцы, что это были за танки и сколько их! Шесть подремонтированных машин передали танкисты 200-й бригады, а два танка ввели в строй героические ремонтники во главе с их командиром-вахтанговцем Сеней Вариным. И снова, в который раз, добром помянули танкисты славных добровольцев — артистов театра имени Вахтангова; артисты и на фронте были мастерами своего дела.

Танки помогли вывести из полуокружения тех, кто уцелел в яростных схватках за Мирный. Полковник Леонов, воспользовавшись затишьем, намеревался дать бойцам короткий отдых. Но тут доставили срочный пакет. Розорвав конверт, прочитал приказ командования и сдвинул брови:

— Срочно отходить на север.

— Как?! К Богодухову?

— Да! Изменилась обстановка. Немцы заняли Ахтырку.

Положение складывалось тревожное. На участке обороны 27-й армии гитлеровцы, сосредоточив на узком участке до семидесяти танков, прорвали фронт. Противник стремился развить маневр.

— Взгляните на карту,— сказал Леонов окружающим его командирам.— Немцы хотят фланговым ударом отсечь наши войска, наступающие на Харьков. Отчасти им удалось осуществить этот замысел, смотрите, как они продвинулись, вышли на рубеж Веселый Гай, Каплуновка.

Отходя на север, бригада вела ожесточенные бои. Немцы продолжали преследование, не давали возможности оторваться. Утром пришлось отходить в район совхоза «Ильичевка». Здесь противник атаковал особенно сильно.

— Дальше отходить нельзя! Надо контратаковать!

Полковник Леонов собрал оставшиеся танки и сам повел их в контратаку. На каждую тридцатьчетверку приходилось несколько вражеских машин, но все-таки наши воины отбили натиск противника.

Бой кончился, танк командира бригады остановился.

Полковник Леонов пошел к штабной машине, чтобы доложить командиру корпуса обстановку. Несмотря на тяжелые потери минувших дней, командир бригады был удовлетворен: гитлеровцы откатились назад. Врага отбросили малыми силами, используя уцелевшие танки. Научились воевать, «Революционная Монголия» дерется славно.

Леонов шел тяжелой походкой рабочего человека, как сталевар после смены, распаренный жарой, довольный результатами труда. Возможно, он думал о том, что вот сейчас отдаст распоряжение отдыхать: танкисты нуждаются в нескольких часах сна, в отдыхе, пище—столько дней не выходили из боя. На лице полковника бродила усталая улыбка, когда он по вызову генерала Гетмана подходил к штабной рации.

Послышался свист снаряда, полковник услышал его, но даже не пригнулся: шальной снаряд, немцы бьют не прицельно. Снаряд пролетел над комбригом и разорвался поодаль, и все, кто находился возле штабного грузовика разом вскрикнули: полковник Леонов упал навзничь. Он был сражен наповал осколком в голову.

Это было так неожиданно и страшно, что все на какой-то момент оцепенели, потом наперегонки кинулись к неподвижно лежавшему Леонову... Это случилось 21 августа 1943 года.

Полковника Леонова похоронили с воинскими почестями в Богодухове — городе, который он освобождал. Вырос еще один холмик с деревянной пирамидкой. А сколько таких соорудили на полях Подмосковья! На всем пути продвижения бригады оставались они, простые и незаметные, скромные памятники нашим боевым друзьям, скорбные вехи победного пути на Запад. Дорогой ценой платил советский народ за победу.

За мужество и отвагу, проявленные в последнем бою, полковник Леонов был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Погибшего командира бригады заменил Иосиф Ираклиевич Гусаковский, бывший начальник штаба, опытный боевой офицер. Будучи раненным, подполковник Гусаковский всячески отклонял предложение поехать в госпи-

таль и лечился в штабе, здесь же ему меняли повязку. Когда Гусаковского назначили командиром бригады, он еще носил раненую руку на черной косынке, но в тот же день снял ее, и хотя временами морщился от боли, держался молодцом. Правда, однажды хотел в сердцах стукнуть кулаком по столу (его заменял ящик из-под знаменитых монгольских посылок), но вовремя спохватился...

Развернулись наступательные бои. Бригада получила пополнение, вместе с другими частями, действующими на этом участке фронта, освобождала Ахтырку.

Вскоре «Революционную Монголию» вывели из боя. Бригада ушла в сумские леса и сосредоточилась неподалеку от беленького, чистого городка Сумы, славившегося красивейшим высоченным собором, невесть как уцелевшим от разрушения.

Танкисты отдыхали, яростно парились в деревенских баньках, залечивали раны, писали письма шефам в далекую Монголию, и каждое письмо было своеобразным рапортом о недавних боевых успехах.

Послали письмо и члены экипажа танка «Маршал Чойбалсан». Они рапортовали маршалу, чье имя носила их машина:

«Нас трое в танке: командир, лейтенант Леушин, механик-водитель старшина Токарев, стрелок-радист сержант Окунев. Мы хотим заверить Вас, товарищ Чойбалсан, и весь монгольский народ, что будем и впредь бить гитлеровцев, не щадя своих сил и жизни на боевой машине, которую вы нам вручили.

Просим Вас, если можно, напечатать это письмо в газете на вашем родном языке. Пусть знают трудящиеся Монголии, как сражаются советские танкисты на подаренных монгольским народом танках».

Просьба экипажа была выполнена, письмо было напечатано на страницах газеты «Унэн».

Подводили итоги минувшим боям и в штабе бригады. Подполковник Гусаковский по штабной привычке скрупулезно заносил на бумагу каждую деталь, подолгу разговаривал с командирами подразделений. Итоги радовали. В августе 1943 года бригада прошла с боями более ста

пятидесяти километров и уничтожила большое количество живой силы и техники врага.

30 октября танкистов облетела радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР за отличное выполнение заданий командования и проявленные при этом личным составом героизм и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками 112-я танковая бригада «Революционная Монголия» преобразована в 44-ю гвардейскую Краснознаменную танковую бригаду.

Во всех подразделениях состоялись торжественные митинги. Выступавшие бойцы и командиры клялись высоко нести гвардейское Знамя.

— Сегодня Родина назвала меня гвардейцем. Я горжусь этим высоким званием,— заявил на митинге гвардии лейтенант Петровский.

Командир бригады в заключительном слове выразил мысли и чувства всех воинов:

— Мы накануне решающих боев. Клянемся уничтожить врага в его берлоге! Дойти до Берлина!

В Улан-Батор полетела телеграмма. Маршал Чойбалсан горячо поздравил танкистов-гвардейцев. В Монгольской Народной Республике начался новый сбор средств в помощь фронту. 28 сентября 1943 года было принято постановление Совета Министров МНР и ЦК МНРП «Об отправке бойцам и командирам танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрилье «Монгольский арат» подарков». XXV сессия Малого хурала постановила подготовить к началу декабря эшелон подарков на фронт, для чего организовать сбор средств среди населения. Правительственной комиссии, айкомам МНРП и аймачным управлениям поручалось организовать среди населения разъяснительную работу. Конкретные задания по пошиву обмундирования и заготовке продуктов получили министры, а также председатель правления Кустпромсовета. Они обязаны были к 25 ноября 1943 года выполнить этот заказ правительства.

Трудящиеся Народной Монголии вновь откликнулись на призыв партии и правительства. В столице республики и отдаленных аймаках проходили массовые митинги.

Во всех цехах промкомбината Улан-Батора состоялись

собрания. Выступали рабочие, техники, инженеры, тут же производился сбор денежных средств. Коллективы предприятий промкомбината внесли в фонд подарков фронтовикам 50 тыс. тугриков.

— Замечательные подвиги Красной Армии зовут нас к новым трудовым победам,— горячо говорил рабочий Иши-Жмацо.— Прежде всего мы помогаем Красной Армии ударным трудом. Но свою любовь к ней каждый рабочий хочет выразить еще и личным подарком.

Иши-Жмацо внес в фонд 340 тугриков. Газеты ежедневно сообщали:

«1 октября состоялся митинг работников Ученого комитета МНР. В фонд подарков собрано 3,78 тыс. тугриков».

«Служащие министерства юстиции, прокуратуры, республиканского и городских судов собрали на подарки советским воинам 3,08 тыс. тугриков».

«Группа членов партии, работающих на механическом заводе, вносит 2,04 тыс. тугриков и готовит, кроме того, 20 индивидуальных посылок».

«Трудящиеся Улан-Батора передали 333 тыс. тугриков, Убсанурский аймак — 317 тыс. тугриков, Восточный — 118 тыс. тугриков».

В статье «Эшелон с подарками ушел на фронт», опубликованной в газете «Унэн» 6 декабря 1943 года, говорилось:

«С радостью и гордостью мы думаем о том, что среди многочисленных частей Красной Армии есть часть, носящая имя нашей Родины».

Это было сказано в адрес 44-й гвардейской танковой бригады «Революционная Монголия». В наш адрес!

Чего только не было в эшелоне с подарками! Продукты, а также все необходимое для воина, включая ремни, погоны, петлицы, пуговицы. А какие теплые варежки связали для танкистов заботливые руки монгольских женщин и девушек, какие теплые носки! В промерзших насквозь, обросших снежной бахромой танках дар друзей и братьев сохранял танкистам здоровье и жизнь, согревал души.

В бригаде был танк с надписью на броне: «От советских граждан в МНР». Его построили на средства, собранные сотрудниками посольства и советскими специа-

листами, которые трудились в различных отраслях народного хозяйства республики. Когда началась кампания по сбору средств, советские люди, находящиеся в МНР, внесли 500 тыс. тугриков, а женщины связали более восьми тысяч теплых вещей для бойцов Красной Армии.

Готовили личные посылки и русские старожилы, которых немало в республике. По сообщению газет, они отправили более 250 возов с продуктами в фонд подарков.

18 ноября 1943 года на счету Центральной комиссии по сбору и отправке подарков числилось 2,5 млн. тугриков.

Обо всем этом в бригаде узнавали из газет и потока писем, приходивших из далекой Монголии.

Пришла и еще одна радостная весть от монгольских друзей.

18 ноября 1943 года Президиум Малого хурала МНР наградил бригаду «Революционная Монголия» орденом Красного Знамени МНР. Орденами и медалями республики были награждены многие солдаты и офицеры бригады, среди них майоры Боридько, Стысин, Воробьев, капитаны Усанов, Карабанов, старший лейтенант Юдин. Правительственные награды МНР получил экипаж танка «Маршал Чойбалсан» и многие другие экипажи.

ПОБЕДА ПОД БЕРДИЧЕВОМ

Поздняя осень. Предзимье. Лес под Сумами облетел, пожухлые листья расстелились толстым ковром. Ночами подкрадывались морозы, и часовые у штабных землянок зябко ежились.

Штаб готовился к новым боям. Период «оседлого состояния», как шутливо называл начальник политотдела бригады веселый подполковник Вобян переформирование, заканчивался. Это ощущали все — от рядового солдата до командира бригады.

Но боевой техники еще не получали, танки должны были вскоре прибыть. Танкисты ждали их с нетерпением. Ведь наша армия наступала, освобожден Киев! Фронт перемахнул через Днепр.

В дни, предшествующие боям, напряженно работал политотдел. Подполковник Вобян, опытный политработник, пользовался большим авторитетом. Рядом с боевыми наградами он носил маленький металлический флажок — почетный знак депутата Верховного Совета СССР. Его хорошо знали в стране, он получал много писем от земляков и своих избирателей, аккуратно и своевременно отвечал на них в короткие минуты отдыха.

Под стать подполковнику подобрались и остальные политработники: Дранченко, Захаров, Дорофеенков. Они многое сделали для организации партийно-политической работы и учебы.

Однажды ночью политотдельцы вышли покурить. Только что кончился веселый фильм — показывали популярные на фронте «Боевые киносборники». Ночь тиха, слабый ветерок бродил, плутая, в макушках деревьев. И вдруг кто-то крикнул:

— Тише! Прекратить разговоры!

Все удивленно смолкли, и тогда далеко-далеко, там, где змеился укатанный грейдер, послышались характерные шлепающие звуки — шли танки.

Утром в лесу зашумели моторы, затрещали деревья, могучие машины «устраивались», «примащивались»; танкисты, оживленные и радостные, со смехом и гомоном осматривали новую технику, проверяли оружие.

Бригаду «Революционная Монголия» перебросили на Правобережье, в район Киева. Здесь до 22 декабря бригада продолжала укомплектовываться, а утром 24 декабря началась Житомирско-Бердичевская операция.

К вечеру передовой отряд под командованием майора Орехова настиг отходящую колонну противника. Комбат, высунувшись из люка, всмотрелся: по дороге тянулись машины, на прицепе — орудия. Пока немцы не опомнились — ударить! Командир батальона передал сигнал «Делай, как я», и головной танк рванулся вперед.

Гитлеровцы заметались, торопливо разворачивали орудия, но поздно — пушки затянуло разрывами снарядов, падали скошенные осколками фашистские артиллеристы. Запылали грузовики, в середине колонны раздался сильный взрыв, детонировали снаряды. Взрыв вызвал панику: бросая орудия и машины, гитлеровцы в беспорядке бежали.

Однако головная часть колонны сумела выйти из-под удара и, огрызаясь огнем, отползла к деревне Гнилец. Ее преследовали тридцатьчетверки. Вперед вырвалась машина лейтенанта Самышкина с надписью на броне «От интеллигенции МНР». Метким выстрелом экипаж уничтожил вражеский танк, сжег два грузовика. Не менее удачно действовали и остальные экипажи.

Столкновение с колонной противника, каким бы скоротечным оно ни было, существенно изменило обстановку. Батальон Орехова отклонился от указанного маршрута. Командир бригады, быстро сориентировавшись, решил атаковать Гнилец:

— Батальону Боридько обойти деревню справа! Орехову — слева. Действуйте!

Танки Боридько понеслись к деревне и тут же попали под сильный огонь. Подполковник Гусаковский, наблюдая за атакующими, хмурился: с ходу Гнилец не взять, слишком плотный огонь.

— Прекратить атаку!

Батальон Боридько вернулся на исходные позиции. Гусаковский приказал вызвать разведчиков. Всю ночь они крутились вокруг деревни, наиболее смелые и опытные проникли на окраины и, порасспросив крестьян, выяснили, что за силы сосредоточены в Гнильце.

Командир бригады слушал разведчиков молча. Начальник штаба Воробьев методично заносил данные в блокнот, покусывая кончик карандаша, разведка не радовала, в деревне сильный гарнизон: много пехоты, танки, артиллерия.

— Что ж,— раздумчиво сказал Гусаковский,— придется навалиться всеми силами. Сразу. Обидно на такую деревушку бросать всю бригаду, да ничего не поделаешь... А тут еще погода, черт бы ее драл!

— Да, сеет окаянный,— поддержал Воробьев. Шел мелкий дождь пополам со снегом. Подступы к деревне терялись в сизо-серой мгле, брезжил рассвет, но видимость не улучшалась.

Майор Орехов и командир батальона автоматчиков капитан Усанов, ожидавшие сигнала атаки, были спокойны. От холма, где они стояли, вплоть до самой деревни разведчики за ночь вдоль и поперек излазили залитое водой, перепаханное гусеницами поле, и теперь каждый экипаж в деталях знал, что там, впереди.

Батальон Боридько, стоявший южнее, также приготовился к атаке. Ему предстояло ударить первым.

На головных машинах находились политработник майор Помазнев и капитан Иванов. Майор не отрывал глаз от стрелки часов. Вот они достигли известной черты, и тишину разорвали выстрелы танковых пушек.

125-й батальон с прилепившимся на броне десантом двинулся сквозь боевые порядки на Гнилец. Едва передовые машины оказались у околицы, по сигналу, не прекращая огня, пошли танки Боридько.

Гитлеровцы ждали атаки и сумели подготовиться, отступать они не собирались, цеплялись за каждый дом, переходили в яростные контратаки. Особенно доставалось нашей пехоте, которая, увлекшись, отрывалась от танков. То и дело вспыхивали рукопашные схватки. Временами казалось, что придется отходить, настолько многочисленным был противник. Однажды автоматчики попятились к околице. Тогда поднялся во весь рост замполит батальона капитан Захаров.

— За мной, гвардейцы!

И длинной очередью из автомата скосил группу набегавших гитлеровцев. Увлекая автоматчиков, Захаров побежал навстречу немцам, и они, не выдержав натиска, отхлынули назад.

Отважно действовали и танкисты. Большое мужество и умение продемонстрировал экипаж танка «Монгольский чекист», которым командовал лейтенант Петровский. Преследуя фашистов, танк протаранил сарай, за которым пряталось орудие, и с грохотом проволок крышу и обломки, втоптал пушку в мерзлую землю.

Снова отличилась машина с надписью на броне «От интеллигенции МНР». Командир танка лейтенант Самышкин, «неинтеллигентно» проутюжив вражеские ячейки, раздавил пулеметное гнездо, разбил дзот, скосив пулеметом удиравших гитлеровцев.

В 9.30 командиру бригады поступило донесение: деревня Гнилец полностью очищена от противника. Гусаковский поблагодарил командиров батальонов и приказал закрепляться, противник наверняка попытается отбить деревню. Иосиф Ираклиевич рассчитал правильно, через час немцы перегруппировались и бросили на Гнилец до тридцати танков. С ними двигались самоходные орудия и бронетранспортеры с пехотой.

Гусаковский, находившийся в боевых порядках батальонов, занявших оборону, вынул бинокль. Дождь перестал, ветер разогнал туман, видимость приличная. Немцы шли скученно. Подпустить поближе и ударить!

Атака противника не удалась. Впрочем, немцы не нажимали, а отойдя, перестроились и снова атаковали уже с другого направления, но опять потерпели неудачу. Сделав еще несколько безуспешных попыток, гитлеровцы отошли к Соболевке.

Через некоторое время прибыли стрелковые части, и танкисты, сдав им участок, продолжали наступление. Днем 25 декабря передовой отряд появился на улицах Соболевки. Здесь отличился экипаж танка «Монгольский чекист». В коротком ожесточенном бою он уничтожил фашистский танк, раздавил три пушки, одну за другой смял четыре трехтонки.

Гитлеровцы бежали, бригада преследовала отступающего врага. Внезапно дорогу преградила неглубокая, но

быстрая речка. Командир головной машины откинул люк.

— Мост! Целенький!

— Обожди радоваться,— охладил танкиста начальник инженерной службы бригады капитан Михеев. С самого начала наступления он со своими минерами прокладывал проходы в минных полях.

В бинокль он тщательно осмотрел мост. Вроде подходящий, переправиться бригада сможет. Разумеется, мост усиленно охраняется, но это заботило Михеева менее прочего, танкисты и автоматчики с охраной справятся, тревожило другое: гитлеровцы наверняка заминировали мост и ждут, чтобы на него въехали танки.

— Сейчас проверим!

Михеев с автоматчиками и саперами побежали к мосту. С вражеского берега ударили пулеметы, послышалась автоматная трескотня.

— Немедленно поддержать Михеева! — приказал командир передового отряда. Ударили пулеметы и орудия тридцатьчетверок. Подобравшись ползком и короткими перебежками к мосту, саперы и автоматчики бросились в атаку.

Гитлеровцы не выдержали и побежали. Михеев выбежал на мост и махнул рукой, двое бойцов обследовали ферму за фермой.

— Мост подготовлен к взрыву,— доложили они Михееву.— Под фермами заряды тола, к подрывной площадке тянется детонирующий шнур.

— Не успели! — обрадовался Михеев.— Крепко на них нажали. Ну ладно, обезвреживайте заряды

— Есть!

По прочному деревянному настилу загрохотали гусеницы танков. Боевые машины одна за другой выскочили на противоположный берег.

Сопротивление гитлеровцев заметно возросло. Командир бригады «Революционная Монголия» получил приказ из корпуса занять оборону и не допустить прорыва гитлеровцев на восток, дать возможность корпусу в ночь на 29 декабря совершить марш в направлении Миньковцы — Глуховцы.

Бои не затихали ни днем ни ночью. В канун Нового года снова отличился экипаж «Монгольского чекиста». Георгию Петровскому откровенно завидовали молодые

командиры, прибывшие в бригаду с пополнением: везет человеку, умеет оказаться в «хорошем месте». Это утверждалось всерьез, без тени улыбки, хотя «хорошее место» буквально содрогалось от взрывов, а в воздухе над ними визжали осколки.

На сей раз «хорошим местом» для Петровского и его экипажа стало небольшое местечко Червонное, куда лейтенант Петровский вывел свой танк. Выехав на окраинную улочку, танкисты обнаружили скопление вражеских машин с пехотой и артиллерию. «Монгольский чекист» и идущий за ним танк «От промкооперации МНР» устремились в атаку. Она была неожиданной для противника.

После первых же выстрелов танковых пушек немцы попытались вывести машины из-под удара, но снаряд пронзил огромный грузовик, загородивший проезд, вторая машина, врезавшись в него, запылала, подожженная метким выстрелом. А танки вихрем мчались по улицам, опрокидывая, давя и круша все вокруг.

Лейтенант Петровский заметил, как во дворе фашисты разворачивают противотанковую пушку, и крикнул механику-водителю, чтобы тот таранил забор, но понял, что не успеть, орудие выстрелит прямой наводкой, и ударил по пушке осколочным снарядом. Разрыв, взметнувшийся между станин, уничтожил орудийный расчет, танк, протащив за собой остатки изгороди, вмял орудие в землю.

Когда бой утих, Петровский открыл люк, выбрался из танка. И не поверил глазам своим: широкая улица была загромождена десятками искореженных и догорающих машин, пятнами чернели на снегу убитые гитлеровцы.

Канун Нового, 1944 года. Несмотря на усталость, настроение у танкистов праздничное. Старшины старались получше накормить бойцов, «боевые сто граммов» тоже поднимали настроение, а вернее, согревали людей — зимой в танке очень холодно, а другого дома у танкиста в наступлении нет.

Гвардейцам хотелось отметить праздник новыми боевыми успехами, преподнести Родине подарок. То и дело слышалось:

— Врезать бы фашисту как следует — праздничек отметить!

— И так «врезаем», каждый день деревни освобождаем.

— Деревушки — что... Город бы солидный взять!

Зная о подобных разговорах, командование будто согласилось выполнить всеобщее пожелание. Подполковник Гусаковский вызвал командиров, расстелил карту, испытующе поглядел на присутствующих и положил крупную ладонь на импровизированный стол, прикрыв угол карты.

— Бердичев! Бердичев! — воскликнули разом офицеры. Все обрадовались: Бердичев — важный оборонительный узел противника. Город! Настоящий новогодний подарок Родине!

Начальник штаба майор Воробьев деловито, не торопясь, обрисовал обстановку. Командиры задумались. Вокруг города три кольца траншей полного профиля, на восточной окраине вкопаны в землю «тигры» и «пантеры»; каменные постройки превращены в доты, подступы к оборонительным сооружениям заминированы и насыщены большим количеством полевой артиллерии.

На этом совещании решили наступать на Бердичев с двух направлений при взаимодействии со стрелковым полком. Майор Воробьев докладывал:

— Основные силы наносят удар по северо-восточной окраине города, а батальон Боридько совместно с 27-й мотострелковой бригадой через населенный пункт Великие Нижгурцы наступает на город с востока. Надо выслать разведку.

— Пошлем лейтенанта Петровского,— предложил Гусаковский.

Отряд Петровского обнаружил немцев на дальних подступах к Бердичеву. Крупный противотанковый заслон, замаскировавшись в лесу, оседлал дорогу, ведущую в город.

Решили как можно ближе подойти к вражеским позициям и атаковать. Непроглядный мрак сослужил хорошую службу. Танкисты обрушились на врага внезапно. Гитлеровцы метались в темноте, расцвеченной ракетами и трассами пуль, падали, орудия не могли вести прицельный огонь. Не выдержав, противник бежал, оставив

восемь противотанковых пушек, два станковых пулемета.

Данные разведки позволили главным силам бригады подойти и атаковать с ходу. Танковые батальоны Карабанова и Орехова, не останавливаясь, развернулись в боевой порядок углом вперед. Головная машина включила фары, яркий луч разрубил темноту. В свете фар серыми тенями метались по улицам растерявшиеся гитлеровцы. Загрохотало вдали — это ворвалась в город группа Боридько. Она завязала уличные бои и отвлекла на себя почти все находившиеся на левом фланге вражеской обороны огневые средства. Танкисты Боридько приняли огонь на себя!

В ночь на 31 декабря подтянулись основные силы 11-го танкового корпуса, в который входила бригада «Революционная Монголия», и вскоре юго-западная часть Бердичева была очищена от противника. Но ликовать было рано, приказом командования корпус срочно перебросили под Казатин. Основная тяжесть борьбы за Бердичев легла на плечи воинов бригады «Революционная Монголия».

Нелегко пришлось в Великих Нижгурцах батальону Боридько. Против него действовали отборные подразделения танковой дивизии СС. Подполковник Гусаковский понял: только атака поможет Боридько, надо ударить всей бригадой, отвлечь гитлеровцев.

После короткого огневого налета танковые батальоны устремились в атаку. На броне лепились десантники. На большой скорости атакующие продвинулись вперед, гитлеровцы стали поспешно отходить, но быстро опомнились и повели сильный огонь по нашим десантникам.

Минута промедления, говорят, смерти подобна. В данной ситуации поговорка вполне оправданна: десант могли быстро уничтожить. Пришлось приказать десантникам спешиться, а танки пошли дальше. Когда пробились в район Комнезамовки, кое-где на машинах виднелись солдатские ушанки — небольшая горстка пехоты не захотела расставаться с экипажами даже в минуту опасности.

Эти отважные ребята очень помогли танкистам. Без прикрытия танкам в уличных боях трудно, высунется пушка — танкисты могут ее не заметить: швырнет из-за ограды противотанковую гранату автоматчик, и долой

гусеница, танк беспомощно вертится на месте, становится отличной мишенью.

Когда же на броне прикрытие — пяток бывалых солдат, опасаться нечего, десантники все подмечают, от их бдительного ока ничто не укроется, и среагируют мгновенно.

Танки прорвались к центру города. Впереди шла машина майора Орехова, командир батальона увлекал личным примером. Танк Орехова, украшенный надписью: «От Совета Министров МНР», разметал баррикаду на перекрестке в поселке Комнезамовка, разрушил еще один завал и, поливая улицу пулеметным огнем, погнал остатки фашистского гарнизона. Башенный стрелок коммунист Михаил Егоров метким выстрелом поджег вражеский танк, радист Иван Тройников, умело управляясь с пулеметом, скосил не менее двадцати гитлеровцев.

Однако в городе танкисты столкнулись с упорным сопротивлением врага. Слишком сильным был местный гарнизон. Фашисты подбросили резервы, усилили атаки, и вскоре танкисты оказались в полном окружении. Майор Орехов приказал занять круговую оборону.

Медленно занималось утро. Когда рассвело, Орехов стал думать о прорыве кольца. Танков у него двадцать восемь, но пехоты маловато.

Орехов собрал десантников.

— Будем драться здесь, в городе. Надо сообщить нашим, где мы находимся. Кто пойдет?

Медленно занималось утро. Когда рассвело, Орехов одобрительно кивнул: старшина опытный воин, смелый, инициативный. Такой не подведет.

— Учтите, это опасно, кругом немцы.

— На войне все опасно. Пройду, коли надо. Дайте автоматчиков. Пяток...

Старшина сам отбирал добровольцев, некоторых забраковал. Лихому на вид пареньку с трофейным кинжалом у пояса сказал не без ехидства:

— Ты не понадобишься. Вот когда в кавалерийскую атаку пойдем, как чапаевцы, тогда порубишь гансов своей саблей. А сейчас нам такие нужны, кто тихо ходит и голову имеет не только для того, чтобы шапку носить...

Когда стемнело, смельчаки поползли вдоль берега речки с неприятным названием Гнилопять. Добрались без

приключений и утром уже были на КП бригады. Николай Голомзик доложил Гусаковскому.

Комбриг поблагодарил старшину, распорядился накормить как следует, приказал отдыхать, а когда стемнело, Голомзик двинулся в обратный путь. Теперь он шагал во главе целого отряда, с ним отправились десять бойцов и фельдшер. Окруженным танкистам несли боеприпасы, медикаменты. И Голомзик довел бойцов без потерь, без выстрела пересек немецкую оборону.

Орехов получил приказ командира бригады удерживать занимаемый район. Батальону Боридько была поставлена иная задача: оставить Великие Нижгурцы, вместе с автоматчиками перейти в лес и атаковать заслон на восточной окраине Бердичева, прорваться к окруженным частям и быть готовым к захвату вокзала.

31 декабря батальон Боридько дважды пытался прорваться к окруженным, но не смог. Заслышав шум боя, навстречу атакующим двинулись танки и пехота Орехова, но тоже натолкнулись на сильный огонь, попятились.

Густел мрак, истекали последние часы старого года. На командном пункте подполковник Гусаковский подводил итоги дня, далеко не радужные, но и не слишком мрачные.

Бойцы Орехова, на долю которых выпали тяжелые испытания, дрались самоотверженно. Мужественно сражался экипаж лейтенанта Виктора Субача. Орехов приказал ему до подхода основных сил бригады охранять мост, не дать гитлеровцам взорвать его.

Орехов рассчитал совершенно точно, немцы решили обязательно уничтожить мост. Лейтенант Субач заметил приближающуюся к мосту группу немецких саперов. Замаскированный танк даже на близком расстоянии был похож на большой сугроб. Немцы его не заметили, прошли мимо, направились на мост.

Они спокойно закладывали взрывчатку. Танкисты отчетливо слышали, как переговаривались солдаты. Но вот они сошлись на краю моста покурить, кто-то чиркнул зажигалкой, тотчас прогремела пулеметная очередь, уложив всех гитлеровцев.

— Чисто сработано,— удовлетворенно заметил лейтенант. Вскоре появилась другая цель. К мосту ползла «пантера». Неизвестно, что затевали немцы, может быть, хотели понаблюдать, во всяком случае такое соседство тан-

кистам не понравилось; как ни тщательно замаскирован танк, все же нет гарантии, что он останется незамеченным, а если это случится, «пантера» не замедлит «выпустить когти».

Надо от такого соседа побыстрее отделаться. Но как? До «пантеры» метров двести, бить ее в лоб бесполезно: броня на хищнике очень толстая, выстрелом только себя обнаружишь. Лейтенант Субач решил сманеврировать. По команде танк, рассыпав маскировочный сугроб, заскочил за сарай, потом, мгновенно развернувшись, пробил деревянную стенку и сразу же послал снаряд в борт «пантеры». Она зачадила и вспыхнула костром.

Боридько задумчиво качал головой. Осталось всего несколько танков и взвод автоматчиков. Многие ранены, но не покидают строй. И все же надо попытаться ударить еще раз. На атакующих обрушился огневой вал, запылали танки, падали убитые автоматчики.

После этой атаки остался у майора Боридько один танк. Механик-водитель, укрыв машину за каменным сараем, заметил:

— Полночь прозевали, уже в Новом году воюем! И не выпили!

— Хреново воюем,— буркнул раздасадованный комбат.— Пить не за что...

3 января положение окруженцев ухудшилось. Кончались боеприпасы, продовольствие, машин в строю оставалось все меньше. Орехов приказал экономить каждый снаряд, бить только наверняка. По танкам, стоявшим на самых опасных участках, разошлись находившиеся в батальоне политработники — Помазнев, Дорофеенков. В этой сложной обстановке они своим примером вдохновляли бойцов.

Утром кончились продукты, надо было как-то позаботиться о пище. Экипажи коченели в танках, а тут еще и голод. На помощь пришли жители. Они появились возле машин, пробирались между домами, подползали к бойцам в ячейках. Женщины перевязывали раненых, поили молоком, делились последним куском хлеба, последней картофелиной. Они передавали немало ценных сведений о противнике, и это помогало Орехову лучше организовать оборону. Именно от местных жителей узнал

Орехов, что на хлебозаводе остались нетронутыми большие запасы хлеба.

— Хотели в неметчину вывезти,— рассказывала сгорбленная, бойкая старушка,— да, видать, не успели, вас напугались: не до этого им теперь. А хлебушка там — весь город, мабуть, можно нагодуваты,— закончила она, мешая украинские слова с русскими.

Орехов задумался. Посовещавшись с политработниками, пошел к своему экипажу. Возле командирского танка стояли танкисты и десантники, неподалеку расположились пулеметчики.

— Вот что, товарищи,— сказал Орехов.— Неподалеку хлебозавод, там много хлеба. Печеного. Надо забрать, тем более, что он наш, российский,— улыбнувшись, закончил майор.

— Заберем, товарищ командир!

— Но там охрана. Идти придется очень осторожно.

— Не впервой. Аккуратный рейд сделаем,— радостно произнес башенный стрелок командирского танка Михаил Егоров.— А охрану фрицевскую, как положено,— в рай без пересадки...

Тотчас сколотили группу захвата под командованием старшины Михаила Егорова. Глубокой ночью группа сняла часовых и проникла в производственные помещения, сюда же подтянулись все остальные. В подвалах разместили раненых, которых было уже немало. Рядом с хлебозаводом расположились все уцелевшие ореховские танки.

С утра на крышах ближайших домов стали показываться головы в стальных касках. Удостоверившись в том, что на хлебозавод проникли русские, фашисты стягивали силы, пытались вести наблюдение. Постепенно вражеские автоматчики обнаглели, и кто-то из десантников, не выдержав, взял одного такого наблюдателя на прицел. Негромко щелкнул одиночный выстрел, немец выронил бинокль, повис вниз головой, брякнулась о мостовую, зазвенела по наледи каска. В ответ с крыш и чердаков окрестных домов ответили огнем.

К Орехову подбежал боец, доложил, что на соседних улицах появились «тигры», за ними в рост идут автоматчики.

— На нас идут,— сказал Орехов,— готовится штурм. Что ж, ребята, встретим их, как подобает гвардейцам. Танки построить в каре, стоять насмерть!

Вскоре начался бой. Он был, как и многие прежние, жестоким и упорным, но в отличие от тех многих Орехов и его люди знали, что враг кругом, повсюду, нет тыла и фронта, флангов нет — круговая оборона.

Танкисты выполняли приказ. Экономя каждый снаряд, отбивали атаки гитлеровцев. Вечером немецкие танки ворвались в расположение батальона. Пехота густо чернела вдали, просачивалась дворами ближе и ближе.

Выручил старшина Миронов, командир танка. Выскочив из машины, он взбежал по лестнице на верхний этаж, выбрался на чердак, на крышу и осмотрелся. Невдалеке, на соседней улице накапливались вражеские танки. Миронов быстро прикинул, как надо действовать, разобрался в запутанных переулках и вернулся к товарищам. Танк пробрался переулками в тыл немцам, высунул орудие из-за угла и ударил.

Эта единственная машина показалась гитлеровцам целым отрядом, прорвавшимся на помощь окруженным. Гитлеровцы стали поспешно отходить, пехота бросилась искать убежища, попряталась в подвалы, атака противника не состоялась. А танк старшины Миронова с ликовавшим экипажем еще не раз в этот день «проявлял инициативу», как позже докладывал старшина комбату. В результате этой «инициативы» была уничтожена «пантера», десять машин, четыре орудия и до взвода солдат противника.

Под вечер произошел поединок сапера Алексея Кальченко с фашистским «тигром». Атаки уже начали стихать, но после короткой передышки гитлеровцы полезли снова. К обороняющимся подобрался «тигр». Он занял очень удобную позицию, укрывшись в лощине, и, выдвинув длинную пушку, лупил бронебойными снарядами.

Танкисты пробовали вести с ним дуэль, но безуспешно — лобовая броня — подушка! К тому же танк укрыт в лощине, с бортов к нему не подберешься, все уязвимые части скрыты. Тогда сапер Алексей Кальченко взял три противотанковые гранаты и, не сказав никому ни слова, юркнул за двор соседнего дома.

К танку и одиночному бойцу подобраться было не просто, улицы простреливались пулеметами, но сапер

упрямо полз, наконец, стремительно бросившись в канаву, оказался в «мертвой» зоне. Здесь он перевел дух, свернул самокрутку и, сделав несколько затяжек (дым предусмотрительно разгонял рукой, чтоб не засекли), пополз по канаве дальше.

Танк стоял неподвижно, время от времени из ствола пушки выскакивал хвостатый огонь, и снаряд, с воем пролетал над канавой, разрывался где-то позади. Задыхаясь от усталости и волнения, мокрый по пояс — провалился в какую-то яму с водой — Алексей оказался наконец рядом с танком и метнул одну за другой тяжелые противотанковые гранаты. Грянул троекратный взрыв, вражеский танк был уничтожен.

Между прочим, Алексей Кальченко, как и многие танкисты и стрелки, действовал без приказа, на свой страх и риск. Он понимал, каких бед может натворить этот появившийся под боком у обороняющихся «тигр», и принял самостоятельное правильное решение. В таком духе действовали многие воины; фронтовой опыт, навыки и смекалка русского солдата побуждали смелых и честных людей к верным решениям.

Отважно сражался стрелок-радист рядовой Анатолий Новиков. Вражеский снаряд, пробив броню, разорвался в машине. Он вытащил из машины раненых товарищей, передал санитарам и снова вернулся в танк, занял место у орудия.

Едва раненых унесли в тыл, немцы окружили танкиста. Отважный боец ударил по гитлеровцам из орудия, а потом и из пулемета. Фашисты отхлынули, потом снова ринулись на одинокую тридцатьчетверку и опять попали под хлещущий стальной ливень.

Наступил вечер. Воспользовавшись затишьем, Новиков выступил в новой роли, сел на место механика-водителя. Машина ожила, водитель под носом у растерявшихся гитлеровцев вывел танк в расположение своего подразделения. За этот бой Анатолий Новиков был награжден орденом Славы III степени.

Майор Орехов скрупулезно сообщал в штаб бригады о происходившем:

«31.12. 6.17. Нахожусь вместе с Карабановым в квадрате 13—85. Веду бой с пехотой и танками противника».

«31.12. 10.48. Вас слышу хорошо. Атаки противника прекратились. Наши подбитые танки действуют как неподвижные огневые точки. Один танк сгорел вместе с экипажем».

«31.12. 14.40. Отбили сильную атаку. Несу потери в живой силе. Боеприпасы экономим. Прошу огонь по квадрату 13 — 86».

«31.12. 20.24. Отбили пять атак. Много раненых. Медикаментов нет. Положение сложное. Воды нет. Держимся. Вас слышу хорошо».

«31.12. 22.00. Противник ведет минометно-артиллерийский огонь. Маневрируем в квадрате 13 — 85. Положение трудное. Раненые в танках и подвалах».

Ночью в городе был слышен сплошной гул боя. Штаб напряженно ждал сообщений, а утром поступила радиограмма:

«Ночь прошла спокойно. Противник вел артиллерийско-минометный огонь. Плохо с водой. Связались с местным населением. Боеприпасы на исходе. Жду указаний».

В эти тревожные минуты из штаба бригады передали в эфир:

«Все сделаем, чтобы помочь. Постараемся переправить боеприпасы и медикаменты. Противнику не дадим покоя. Военный совет верит в вашу стойкость. Держитесь, товарищи, мы придем на помощь... Вы, товарищ Орехов, и лейтенант Петровский представлены к званию Героя Советского Союза...»

Окруженцы во главе с майором Ореховым оборонялись стойко и упорно, но гитлеровцы подходили все ближе и ближе, на крышах и чердаках засели снайперы.

В полночь 4 января гитлеровцы ворвались в расположение батальона, и тогда гвардии майор Орехов решился на крайнее средство — вызвал огонь нашей артиллерии на себя. По квадрату 13 — 85 ударили шрапнелью. Можно понять наших артиллеристов, ведь они знали, что окруженцы находятся именно в этом квадрате!

Над обороняющимся батальоном засвистела шрапнель, гитлеровцы откатились, потом навалились снова, и тогда танкисты кинулись врукопашную. И фашисты не выдержали, самая яростная из всех контратак была отбита. За этот день бойцы Орехова уничтожили девять

танков, семь самоходок и более двухсот пятидесяти солдат и офицеров противника.

На помощь окруженцам пришли летчики, они взломали вражескую оборону, помогли разорвать кольцо. Гитлеровцев атаковала специальная группа прорыва — подразделения подошедшей 389-й стрелковой дивизии: четыре танка, которые удалось отремонтировать, а с ними автоматчики.

Штабной бронетранспортер въехал во двор хлебозавода. Здесь уже кипела работа, из подвалов завода и окрестных домов выносили раненых и укладывали в санитарные машины, раненых оказалось более полутораста, все они были перевязаны. Это была заслуга наших медицинских работников, бердичевских женщин. Рискуя жизнью, они пробрались на территорию завода и оставались с обороняющимися до конца. Им обязан жизнью не один раненый.

Встречаем капитана Карабанова. Шея его обмотана побуревшей от крови тряпкой, стоит, опираясь на палку, тяжело дышит. Подполковник Помазнев в замасленном полушубке, пробитом осколками, еле держался на ногах. Он все время находился с бойцами Орехова, подбадривал, пробирался от танка к танку иногда с куском хлеба, флягой воды, а чаще всего с добрым партийным словом.

У Орехова в обороне стояло несколько подбитых танков. Последний танкист с Т-70, видимо, умер не сразу — в танке Помазнев нашел заявление с просьбой считать членов экипажа коммунистами. Листок бумаги был прижат орудийным замком.

Младший сержант Беликов, семнадцатилетний парнишка, пять суток отбивался от фашистов в подбитом танке. Рядом лежали погибшие товарищи. Пять суток! Когда Помазнев пришел к нему, Беликов обнял его и заплакал. На предложение покинуть танк, ответил резко, вытирая слезы:

— Никуда из танка не уйду, пока живой...

Бердичев был взят. Командование корпуса подводило итоги боев за город. Бригада «Революционная Монголия» в боях за Бердичев понесла тяжелые потери.

Смертью храбрых пали многие танкисты, пехотинцы, артиллеристы. Погиб командир батареи коммунист лейтенант В. П. Рогачев, сгорели в танках коммунист И. Д. Ревякин, красноармейцы В. И. Зудов, П. П. Макаров, Н. А. Главацкий, В. Н. Дробышев, командир танковой роты Н. И. Ярцев. На нашу бригаду выпала основная тяжесть боев за город. Трудную задачу танкисты выполнили с честью. За славную победу под Бердичевом и в честь освобождения города бригаде присвоили почетное наименование «Бердичевская».

Родина высоко оценила подвиг танкистов нашей бригады. Сотни солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, а майору Орехову и лейтенанту Петровскому Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Командир батальона капитан Карабанов получил орден Красного Знамени.

ДРУЗЬЯ ПРИЕЗЖАЮТ НА ФРОНТ

В строю оставалось семнадцать танков, и две машины удалось отремонтировать. Личный состав батальона Боридько отправился в тыл за новой техникой. Бригада ждала пополнения, подвозили горючее, боеприпасы, раненые отлеживались тут же в городе в подошедших госпиталях. Многие танкисты сумели «удержаться» здесь, избежать отправки в тыловые госпитали: оттуда невесть куда пошлют, а здесь наверняка в бригаду вернешься.

22 января 1944 года приехали шефы — делегация монгольских трудящихся во главе с заместителем Премьер-министра МНР товарищем Ломожабом.

Гости прибыли в горячее время: бригада вела наступательные бои, и, естественно, делегацию встретили работники тыла вместе с выделенными для торжественной церемонии подразделениями. Командование сделало все возможное, чтобы достойно принять высоких гостей.

Делегацию приветствовали офицеры штаба, командир батальона, сержанты, старшины, солдаты — танкисты и стрелки. В полном составе присутствовал экипаж танка «Маршал Чойбалсан»: лейтенант Леушин, старшина Токарев и сержант Окунев. Встреча получилась теплой, сердечной.

Разумеется, шефы не знали, что встречают их те, кто еще долечивается в медсанбате или остался в результате недавнего боя «безлошадным». Тем не менее и те и другие держались бодро, даже весело, радовали шефов бравым воинским видом.

Монгольская делегация приехала для вручения ордена Красного Знамени МНР, которым наградил бригаду Президиум Малого хурала 18 ноября 1943 года, орденов

и медалей сорока лучшим танкистам, отличившимся в летних боях.

Майор Стысин отдал рапорт главе делегации. Гости поднялись на танк, ставший импровизированной трибуной, и товарищ Ломожаб обратился к танкистам с речью, а потом зачитал постановление Малого хурала МНР о награждении 44-й гвардейской танковой бригады «Революционная Монголия» орденом и Почетным Красным знаменем Совета Министров МНР.

Ответное слово было предоставлено мне, после чего товарищ Ломожаб вручил бригаде награды. Под громкое «ура» майор Стысин пронес вдоль строя врученный ему главой монгольской делегации алый стяг и, встав по команде «смирно» перед танком, на котором находились гости и представители командования, торжественно произнес:

— Клянемся вам, товарищи делегаты, и в вашем лице всему монгольскому народу, что врученный сегодня бригаде орден и Красное знамя наши богатыри-танкисты с честью пронесут в грядущих боях.

Один за другим подходили танкисты к танку-трибуне, мелькали знакомые лица — обветренные, дубленные морозом и огнем походных костров. Товарищ Ломожаб вручал ордена и медали, поздравлял воинов. От имени награжденных выступили гвардии лейтенант Ведерников и гвардии капитан Карабанов. Герои боев просили делегатов передать правительству МНР сердечную благодарность за высокие награды.

И снова традиционные подарки. А потом возникли «осложнения». Вся делегация в полном составе заявила, что желает принять участие в боевых действиях. Командование бригады было озадачено. Как же так? Подвергать гостей смертельной опасности? Но монгольские товарищи стояли на своем. Они все же побывали в батальонах.

Центральный Комитет Монгольской Народно-революционной партии, Совет Министров МНР, все трудящиеся республики с огромным вниманием следили за боевыми успехами бригады. Когда делегация возвратилась домой, корреспондент газеты «Унэн» обратился к товарищу Ломожабу с просьбой рассказать читателям о посещении подшефной гвардейской танковой бригады, о мужестве и высоком воинском мастерстве бойцов и командиров.

«Только за время нашего пребывания в действующей армии,— сказал товарищ Ломожаб,— доблестные танкисты части, носящей имя нашей Родины, уничтожили 10 немецких танков типа «тигр», 25 самоходных орудий и свыше 30 грузовиков».

На страницах газеты «Унэн» печатались корреспонденции многих танкистов бригады. Экипаж танка «Монгольский арат», обращаясь к труженикам республики, рапортовал о своих боевых успехах. Танкисты заверяли аратов — самый многочисленный класс страны, что грозная машина будет и впредь беспощадно громить оккупантов.

Теплые слова благодарности всему монгольскому народу, и особенно интеллигенции, чье имя носила их боевая машина, высказали гвардии лейтенант Самышкин, старшие сержанты Летучев и Маркевич. Им тоже было чем порадовать друзей. Уничтожено три танка, четыре пулемета, несколько машин с войсками и грузами.

В то время, когда монгольские газеты печатали эти сообщения, бригада вела боевые действия юго-западнее Бердичева.

Зима на Украине неустойчива. То стоят морозы, хрустит крепкий наст под ногами пехотинца — можно, не проваливаясь, топать по снежной целине, трещат ночами в лесу деревья, будто идет редкая перестрелка, а то подует изменчивый ветерок, и повиснет над низинами густой туман, съедая снег, развезет землю, потечет жирный чернозем, земля превратится в хлябь, дороги — в болота, и в этом черно-буром месиве застрянет боевая техника: машины, тягачи, трактора, даже мощные танки, надсадно ревя, часто останавливаясь, с трудом пробираются вперед. Трудно наступать в такую пору.

А противник ведет себя в высшей степени нервозно, то и дело переходит в отчаянные контратаки, цепляется за каждую деревню, за каждый бугор; гитлеровцы прекрасно понимали, чем грозит очередной котел, воспоминания о Сталинграде бросали их в дрожь.

Исподволь готовило командование операцию, в строгой тайне держали ее люди, которым была доверена ее разработка. О ней не знали даже командиры наших подразделений и частей.

Бригада двигалась вдоль наметившегося котла, нанося удары потрепанной 17-й танковой дивизии. Ее уже не раз пощипали наши танкисты и летчики. Вдобавок у немцев нехватка горючего; случалось, они бросали исправные танки — баки пусты, а подвозить горючее из тыла трудно: над дорогами висит наша авиация, да и сами дороги бог знает во что превратила весна, которая наперегонки с нашими частями ведет свое решительное наступление.

Наконец пронеслась весть: противник окружен! Огромная вражеская группировка в кольце! Вот теперь-то все и начнется. Гитлеровцам передан ультиматум советского командования. Во избежание напрасного кровопролития всем войскам, оказавшимся в окружении, предлагается капитуляция; сдавшимся будет сохранена жизнь, оказана медицинская помощь. Громкоговорители большой мощности непрерывно передают текст ультиматума окруженным, самолеты сбрасывают сотни тысяч листовок, выбравшееся из-за облаков солнце подсвечивает листки, они кружатся, как стаи белых голубей.

Танкисты слушают ультиматум, покачивают головами, некоторые посмеиваются: с фашистами надо другим языком разговаривать... Срок ультиматума истекает, а признаков проявления доброй воли незаметно, что ж, фашизм есть фашизм.

Ультиматум отвергнут. Гитлеровцы надеются вырваться из котла, ожесточенно атакуют на разных направлениях, пытаясь прорвать кольцо; гитлеровское командование принимает срочные меры, чтобы помочь окруженным. Силами двух дивизий — 16-й танковой и танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» враг контратакует с внешней стороны кольца, стремясь вбить клин в направлении Медвина и Корсунь-Шевченковского.

Чтобы помешать этому, по приказу командующего 2-м Украинским фронтом 11-й гвардейский танковый корпус, куда входила бригада «Революционная Монголия», переброшен на новое направление, в район Беседки, Красиловки, Тыновки. Танкисты получили приказ не допустить прорыва противника на Ставище к окруженной группировке.

Корпус и бригада выполнили поставленную задачу: были освобождены населенные пункты Зозовка, Скыбин, Оратов.

Многие отличились в этих боях, но хотелось бы отметить А. Карабанова и К. Усанова. Эти люди умели не только руководить и командовать, не только были храбрыми и мужественными, они и мастерски владели оружием. Командир батальона капитан Карабанов, когда выпадала возможность, сам стрелял из пушки. Если он занимал место у орудия — горе фашисту, попавшему в прицел. В последних боях капитан Карабанов меткими выстрелами лично уничтожил «тигра» и «фердинанда», а его батальон, насчитывающий всего десять машин, сжег пять фашистских танков.

Командир 112-го механизированного батальона автоматчиков коммунист капитан Усанов со своими гвардейцами шел в атаку на броне танков. Заметив, что в районе деревни Тыновки накапливается немецкая пехота, Усанов соскочил с танка, увлек за собой бойцов и уничтожил гитлеровцев.

Этих офицеров за личную храбрость очень ценил командир бригады Гусаковский. Сам Иосиф Ираклиевич всегда находился там, где всего опаснее, и требовал того же от своих подчиненных.

В боях под Тыновкой первыми, как всегда, шли в огонь коммунисты и комсомольцы бригады. Группу автоматчиков-десантников окружили гитлеровцы, отсекли от основных сил. В самый критический момент, когда казалось, что силы на пределе, во весь рост поднялся парторг Захаров и повел за собой бойцов. В схватке с фашистами он уничтожил шестерых врагов. С исключительным самообладанием дрался с захватчиками коммунист лейтенант Текучев, награжденный за бои в Бердичеве орденом Красной Звезды. В течение трех дней взвод, которым он командовал, удерживал в окрестностях Тыновки высоту. Несколько раз гитлеровцы шли на приступ, но все их попытки оставались безуспешными.

После взятия Красиловки бригада «Революционная Монголия» была выведена из боя. Совершив марш по железной дороге, она сосредоточилась в районе Шепетовки, получила материальную часть, пополнилась личным составом и стала готовиться к предстоящим боям.

В этот период в бригаду пришло много писем из МНР. Трудящиеся интересовались боевыми делами части, носящей имя их Родины, просили подробнее информировать их о боевых делах. В ответ на запросы друзей ко-

мандование бригады подготовило специальный доклад — своеобразный отчет о проделанной боевой работе. В нем были перечислены почти все экипажи, отличившиеся в боях, сообщалось, что в бригаде награждено орденами и медалями Советского Союза 367 человек, в том числе правительственными наградами МНР — 33 человека. В подготовке этого доклада приняли участие многие командиры, коммунисты и политработники.

Дул весенний порывистый ветер, освежал лица бойцов, разгоряченные длительным маршем. Танкисты, откинув люки, сорвав шлемы, вглядывались в затуманенную даль.

— С Днестра дует!

Да, впереди Днестр, полноводная река, до нее какая-нибудь сотня километров, и бойцы торопятся: все слышали об этой реке, а некоторые побывали в здешних местах, отступали отсюда в дымном июне сорок первого.

Для противника, прижатого нашими войсками к Днестру, река — важный рубеж. Гитлеровское командование, еще не оправившееся после разгрома под Корсунь-Шевченковским, оставляло отряды прикрытия, которым вменялось любой ценой сдержать войска Красной Армии.

Такие заслоны являлись серьезными препятствиями. Небольшой населенный пункт Панасувка встретил головной отряд сильным огнем. Командир решил выслать разведчиков и разобраться в обстановке: создавалось впечатление, что в деревне полно гитлеровцев с танками и орудиями.

Разведка подтвердила: в Панасувке тридцать орудий и до двух батальонов пехоты, противник занял выгодные позиции.

Оставив часть танков для прикрытия фронта, комбриг приказал основным силам обойти село и ударить на Колодзеювку. Но и здесь танкисты и автоматчики бригады были встречены огнем. Пришлось прорывать прочную оборону противника. Значительную роль в этом бою сыграли саперы. Они разминировали дороги, разобрали завалы.

Атака на Колодзеювку в первый момент едва не за-

хлебнулась. Но положение изменилось, когда лейтенант Самоукин поднял свою роту.

— За Родину! Смерть фашистам!

Одну за другой швырял лейтенант гранаты в подбегающих гитлеровцев. Увлекая бойцов, командир роты повел их в контратаку.

Автоматчики преследовали врага, их обгоняли танки. Коммунист лейтенант Остроухов со взводом тридцатьчетверок уничтожил пять орудий. Механик-водитель сержант Мосунов виртуозно управлял боевой машиной. Башенный стрелок сержант Петров расстреливал из пулемета вражеских артиллеристов. Гарнизон Колодзеювки был уничтожен.

Немцы, окопавшиеся на окраинах Панасувки, были застигнуты врасплох, и когда в тылу появились танки, бросились бежать. Бригада к исходу первого дня наступления вышла в район населенного пункта Стадница.

Боевая задача, поставленная командованием бригады, была выполнена. Прорвав вражескую оборону, танки вышли на оперативный простор, повернули на юг, уничтожая отдельные очаги сопротивления противника, устремились к Днестру.

Днестр в этих местах широк, течение быстрое. И хотя у танкистов накопился немалый опыт форсирования всевозможных водных преград, командиры подразделений призадумались.

Но пока танкисты скребли затылки, прикидывая, где и как перебираться на противоположный берег, пехота, привыкшая с ходу преодолевать любой рубеж, взялась за подручные средства.

Чем только не пользовались! Бревна, притащенные с пепелища, доски, калитки, снятые с петель двери, все, что мало-мальски держалось на воде, шло в дело. Иногда обычная доска спасала человеку жизнь. Разумеется, она не выдержала бы солдата, нагруженного скаткой, автоматом. Но на нее можно было положить весь груз, одежду.

Автоматчики вплавь пересекли Днестр. Когда подполковнику Гусаковскому доложили, что они уже на том берегу, он коротко приказал:

— Будем искать брод.

Офицеры переглянулись. Даже им, привыкшим к оригинальным и неожиданным решениям комбрига, это показалось невероятным. Ведь накануне разведчики излазили порядочный участок берега и ничего подходящего не нашли: мыслимое ли дело отыскать брод на такой широкой и быстрой реке! Но иного пути не было, отходя немцы взорвали мосты.

Командир бригады приказал разведчикам и саперам отправиться на поиски брода. Вверх и вниз по течению ушло еще несколько групп. Наконец бойцы нашли удобное место для спуска танков к воде. И глубина реки как-будто бы не превышает допустимой для тридцатьчетверок нормы. Бригада пройдет.

Но все-таки риск есть. Как всегда, наибольшая опасность выпадает на долю первого. Кто-то должен первым пройти в танке по дну, проложить курс на противоположный берег. На пути «первооткрывателя» подстерегают опасности; танк может угодить в яму, упереться в камень, и никто не знает, удастся ли спастись экипажу. Танкисты это понимали отлично, понимал и командир бригады, тревожно поглядывая на бойцов и командиров, обдумывал, кого послать.

— Разрешите мне? — попросил лейтенант Иван Кравченко.

Гусаковский долго молчал. Возражений у него не было, но ведь не так просто рисковать человеком! Лейтенант ждал, нетерпеливо посматривая на небо, оно было чистым, голубым после теплых дождей. Гусаковский проследил его взгляд и вздохнул: что ж, прав лейтенант Кравченко, ждать нельзя, неровен час, налетят фашисты. Гусаковский махнул рукой:

— Давай!

Танк осторожно, словно ощупывая гусеницами пологий спуск, подошел к урезу и, сердито фыркнув, двинулся по дну, погружаясь в воду. Танкисты стояли на броне и возле танков, сгрудились на берегу, затаив дыхание. Все знали, что экипаж Кравченко отлично подготовился, промазал щели, законопатил отверстия, чтобы вода не попала в машину, но мало ли что может произойти там, на неровном илистом дне, когда над задраенным люком толстый слой холодной быстрой воды.

Уже скрылась башня, только тонкий штырь антенны да удлиненная выхлопная труба режут серую гладь, по-

казывают направление движения танка. Над рекой повисла напряженная тишина, танкисты молчали, командир бригады по рации помогал экипажу Кравченко выбрать правильное направление.

Труба и штырь посредине реки. Вдруг останавливаются. Кто-то, не выдержав, произносит страшные слова: не дай бог, мотор заглохнет, тогда все... Но танк двинулся снова, довольно быстро и уверенно, вот он уже показался весь, и на берегу грянуло дружное «ура». А танк, рассыпая фонтаны воды, с ревом вылетает на другой берег.

Бригада начала форсирование. Еще не успели просохнуть машины, а танкисты уже вступили в бой в глубине обороны противника.

В конце марта 11-й танковый корпус, в состав которого входила 44-я бригада, получил приказ овладеть Черновцами. Разведка донесла, что перед фронтом разрозненные очаги сопротивления, сплошной линии обороны у противника нет, а в самом городе не более полка пехоты и тридцать танков. Брать город было приказано 64-й гвардейской танковой бригаде.

Наступление на Черновцы началось днем. 64-я бригада завязала бои за город, а в самый напряженный момент «Революционная Монголия» ударила во фланг противнику, и совместный штурм решил исход боя.

30 марта 1944 года Черновцы были освобождены. Москва салютовала танкистам двадцатью артиллерийскими залпами. Взятие опорного пункта гитлеровцев на реке Прут открывало путь на Румынию и Венгрию.

Партия и правительство высоко оценили мужество и героизм личного состава бригады «Революционная Монголия», проявленные при форсировании Днестра и боях за Черновцы. На гвардейском стяге засверкала еще одна правительственная награда — орден Богдана Хмельницкого II степени. А через десять дней бригада была снова награждена. На этот раз — орденом Красной Звезды за успешные боевые действия в предгорьях Карпат, в результате чего гвардейцы вышли на границу с Румынией.

Вместе с нашими танками наступала весна. Холмы зазеленели, на лугах буйно шелестела трава, солнце припекало совсем по-летнему, а в садах вдоль дорог неистовствовала бело-розовая метель — цвели вишни, черешни, зацветала акация, теплый ветер нес волнующие запахи полевых цветов, и солдаты на привалах подолгу смотрели вдаль, прикрыв глаза от слепящих солнечных лучей, вздыхали: руки, привыкшие пахать землю, убирать урожай, ухаживать за скотом, чинить инвентарь в колхозных кузнях и МТС, давно уже делали постылую, но необходимую работу, а тянуло к той старой, мирной...

Но весна весной, а война войной. Она грохотала у Карпат, заглушая первые грозы. Крупный город Тернополь, где скопилось немало фашистских войск, окружен нашими частями, взят в плотное кольцо. Немецкое командование принимало всевозможные меры, чтобы вызволить окруженный гарнизон. Тридцать «тигров» клином двинулись на город, стремясь пробиться к окруженным. Бригада «Революционная Монголия» преградила дорогу фашистским танкам.

Первой внезапно столкнулась с противником рота старшего лейтенанта Георгия Шарипова. У села Жеребки-Шляхетски она напоролась на фашистские танки. Произошел встречный бой, с присущими ему особенностями и неожиданностями, бой, когда силы противника почти совершенно неизвестны, не «освещены» предварительной разведкой, бой скоротечный, нервный, где дело решают даже не минуты, а секунды и где побеждает подчас не тот, кто сильнее, а тот, кто оперативнее.

Командир батальона майор Орехов, услышав выстрелы танковых пушек, запросил у ротного обстановку. Шарипов видел только мелькающие между окраинными постройками вражеские танки и не смог доложить подробно. Орехов решил немедленно выехать в роту.

Село горело, ветер раздувал огонь, пожар разгорался, а в центре гремели выстрелы, где-то поблизости тарахтел пулемет отходившей тридцатьчетверки, постукивали автоматы десантников.

Танк командира батальона влетел на улицу, Орехов откинул люк, чтобы осмотреться, но дым, словно туман,

затянул село. Орехов выскочил из машины, а в этот момент из-за горевшего дома выдвинулся немецкий танк и полоснул из пулемета. Пуля вошла комбату в бедро, раздробила кость. Орехов упал.

Механик-водитель с радистом наскоро перевязали командира батальона, пехотинцы-десантники оттащили раненого подальше, чтобы после боя эвакуировать. Здесь, на вспаханном поле, нашел Орехова капитан Дорофеенков и отвез его в армейский госпиталь, в город Збараж, где ему сделали операцию и направили на лечение в тыл.

Рота продолжала бой, ей на помощь пришла вся бригада. Гвардейцы дрались с гитлеровцами, пытавшимися пробиться к осажденному тернопольскому гарнизону. Бой длился до утра. Часть «тигров» уничтожили, остальные повернули в сторону тихого, зеленого городка Черткова. Их преследовали танки 1-й гвардейской танковой бригады и подразделения 20-й гвардейской мехбригады.

Чертков погружен в темноту, время далеко за полночь. Внезапно над крышами взвились ракеты: на улицах началась перестрелка. Немецкая пехота не смогла удержать городок и была выбита в течение часа. Война пощадила Чертков. Чистенькие, опрятные домики радовали глаз, высокий костел врезался в светлеющее небо. Утром улицы заполнились народом. Люди провожали взглядами запыленные танки, бронетранспортеры, грузовики; солдаты с радостным удивлением рассматривали уютный, утопающий в зелени городок. А сколько пепелищ, разрушенных, спаленных, уничтоженных огнем войны городов и селений видели они на своем солдатском пути!

Трудовой Чертков встречал освободителей широкими улыбками, жители угощали гвардейцев молоком, пирожками, а то и доброй чаркой вина. Женщины махали платочками, косынками.

Весной 1944 года в Монгольской Народной Республике поднялась новая волна патриотической активности трудящихся. Народ стремился своей помощью фронту ускорить час окончательной победы над фашизмом.

28 апреля 1944 года было опубликовано очередное постановление Совета Министров МНР и ЦК МНРП, подводившее итоги работы комиссии по сбору средств в фонд Красной Армии.

Монгольские друзья собрали еще 2 миллиона тугриков на вооружение, оснащение и содержание личного состава танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат». Из Москвы в Улан-Батор была передана телеграмма:

«Премьер-министру, Герою и Маршалу МНР
Чойбалсану.

Прошу Вас передать трудящимся Монгольской Народной Республики, собравшим 2 миллиона тугриков на пополнение материально-технической части подшефной МНР танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат», мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин.»

Газета «Унэн» писала 24 мая 1944 года, что Совет Министров и ЦК МНРП призвали всех трудящихся принять личное участие в продолжающемся сборе средств в фонд Красной Армии.

И снова наши побратимы откликнулись на призыв партии и правительства, по всей стране прокатилась волна митингов и собраний, начался сбор средств в фонд Красной Армии.

НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Бригада отдыхала, пополнялась боевой техникой, и вот приказ: передислоцироваться на другой участок фронта. Танки погрузили на железнодорожные платформы, автомобили пошли своим ходом, и 2 июля «Революционная Монголия» сосредоточилась неподалеку от Дубно.

Здесь гитлеровцы отошли на заранее подготовленные оборонительные рубежи, которые именовали линией принца Евгения. Им удалось задержать продвижение бригады. «Женькина линия», как окрестили гвардейцы этот фашистский рубеж, и в самом деле была укреплена основательно.

Наконец в 50 километрах южнее обозначился успех. И сразу туда по приказу командующего 1-м Украинским фронтом И. С. Конева был переброшен 11-й гвардейский танковый корпус. Танкисты бок о бок со стрелковыми соединениями вошли в прорыв и развивали наступление. «Революционная Монголия» шла на Раву-Русскую.

У хаты остановилась тридцатьчетверка, танкисты откинули люк, выбрались на броню. Не успели спрыгнуть на землю, как выскочила вся семья от мала до велика: хозяин, Михаил Петрович Нишк, его отец дед Петро, жена, дети.

Младший сержант Осипов устало улыбнулся:

— Нам бы водички, только обязательно мокрой да холодной.

Женщина и проворная девочка метнулись в дом, вернулись с корчажками молока. Запрокинув голову, Осипов пил ледяное молоко, белые капли стекали на загорев-

шую шею. Старик завел с танкистами неторопливый разговор.

— Как же теперь с землицей будет, сынки?

— А как было, так и будет. Государство поможет обзавестись хозяйством.

Старик недоверчиво смотрел на рослого Осипова. Механик-водитель подтвердил, добавив:

— Наш Гриша зря языком молоть не приучен, сам много лет был председателем колхоза на Урале.

— Верно, был,— кивнул Осипов.— Наш колхоз известный. «Страна Советов». Может, слыхали, папаша?

— Где нам... Три года под немцем. А германец все забрал: корову, лошадь...

— Ничего, дедок, будет у тебя еще хозяйство...

Бригада преследовала отступавшего врага.

Форсировать водную преграду — дело многотрудное. «Нужно послать боевого, смелого командира. Подойдет для этого, пожалуй, капитан Иванов»,— думал комбриг. Александр Петрович Иванов прекрасно проявил себя еще в летних боях 1942 года, затем на Курской дуге, под Харьковом и Киевом, при взятии Бердичева и в рейде на Черновцы.

Рослый, широкоплечий капитан стоял перед комбригом. Гусаковский смотрел на него и думал, что не ошибся в выборе. Еще юношей шофер-ремонтник из Ленинграда по путевке райкома комсомола поступил в танковое училище. В мае 1941 года получил назначение под Броды, командовал учебной ротой. Там встретил войну.

Комбриг объяснил Иванову задачу, обнял его за плечи:

— От вас, капитан, зависит многое.

— Приказ выполню, товарищ полковник!

— Хорошо. Вслед за вами пойдет передовой отряд, поддержит в случае необходимости. Даем роту танков, роту автоматчиков-десантников, истребительно-противотанковую батарею, саперную роту, зенитно-пулеметный взвод, отделение разведчиков.

— А кто поведет?

— Майор Карабанов.

Алексею Алексеевичу Карабанову, опытному, бесстрашному офицеру, Гусаковский сказал:

— Вам надлежит обогнать пехоту, возглавить левую колонну корпуса и двигаться вперед. В бой не ввязываться, узлы сопротивления обходить. Главное, упредить отступающего противника, не дать ему закрепиться на противоположном берегу. Захватить плацдарм и держать, пока не подойдут основные силы.

Пять тридцатьчетверок с десантом на броне устремились к реке. Десантники, бригадные разведчики и саперы обвешаны гранатами. Имущество: миноискатели, без которых не сыщешь фашистские «гостинцы», взрывчатка, детонаторы, мотки огнепроводного шнура — все аккуратно увязано. Танки обходят заслоны противника, в драку не ввязываются, хотя у гвардейцев руки чешутся. Но приказ строг, и танкисты лишь сообщают в бригаду координаты вражеских огневых точек, «для сведения».

Солнце садилось, показался обрывистый берег Буга. Капитан Иванов выслал разведчиков и, замаскировавшись, долго рассматривал в бинокль противоположный берег, сверяя наблюдения с картой. Вышли к Западному Бугу в районе Доброчина — к государственной границе Советского Союза.

Выше по течению деревня. По широкой приречной деревенской улице спокойно разгуливали гитлеровцы, проезжали автомобили. Ниже по течению виднелась другая деревня, утопавшая в садах; за зеленью не разглядишь, что творится на улицах, но ясно одно — противник спокоен.

Между деревушками в глубине Клусув — железнодорожная станция. Ее-то и нужно захватить.

Вернулись разведчики:

— Моста нет, товарищ капитан. Но брод нашли, хороший: тридцатьчетверка только животик замочит.

— Молодцы! Быстро к броду!

Первым к воде спустился танк героя форсирования Днестра младшего лейтенанта Кравченко; тогда он шел первым, первым идет и сейчас. Брод мелок, «по животик», но невыгодно открыт, танки, как на ладони, а вражеские артиллеристы несут службу исправно.

Десантников как ветром сдуло; скатываются, укрываясь за машиной, но едва танк выползает на берег — пехота на броне, сейчас потребуется ее помощь. Вражеский берег значительно круче и выше восточного, но за рыча-

гами управления опытный водитель; танк, грохоча преодолевает песчаный барьер — и он на польской земле.

А она встречает неласково: танк с ходу врезается в болото. Кто мог предположить, что такой благополучный на вид берег может быть топким? Скорее назад, пока машина не увязла — лучшей мишени для немецких артиллеристов не сыскать. Куда идти? Времени на разведку нет. Но вот подоспела помощь.

«Помощь» в рваной куртке, дырявых портах, шляпенке с отодранными полями, худа, как Христос на распятии. Поляк замахал руками:

— Не можно, не можно, паны-туварищи! От туда, туда идите.

И показал костлявой рукой направление. Кравченко быстро определил маршрут. Танк круто взял вправо, а старик еще долго смотрел вслед удалявшимся тридцатьчетверкам. Польский крестьянин не подвел: указал кратчайший путь — впереди замаячили какие-то постройки.

— Перед нами Клусув! — крикнул Кравченко.— Быстрее вперед!

Пять тридцатьчетверок, набирая скорость, рванулись на Клусув и с ходу вступили в бой, а реку один за другим пересекали танки.

Форсировав Западный Буг, бригада расширяла захваченный плацдарм.

Впервые «Революционная Монголия» вела боевые действия на чужой территории. Политработники, командиры, коммунисты разъясняли бойцам значение этого события, читали Манифест Национального комитета освобождения Польши, рассказывали о великой освободительной миссии Красной Армии, о братской помощи народу, стонавшему под фашистским ярмом.

В эти горячие в буквальном и переносном смысле летние дни все воины бригады стали пропагандистами, беседовали с населением, используя каждый удобный момент для душевного разговора с трудящимися Польши, разъясняли значение Манифеста, сущность проводимой Национальным комитетом земельной реформы, популяризировали состав комитета. И крестьяне на хуторах, рабочие в освобожденных от фашистов городах

откликались на горячее, правдивое слово, помогали освободителям. А бои становились все более ожесточенными.

Группа Иванова успешно атаковала Клусув. Его танк, как всегда,— головной, за ним машины Кравченко и Матусевича и старшины Кузоватова. Пристанционный поселок битком забит грузовиками — гитлеровцы готовятся вывезти награбленное добро. На путях два эшелона и бронепоезд — стальная махина, ощетинившаяся орудийными стволами крупного калибра. Если этого зверя выпустить, бойцам на плацдарме не сдобровать; снаряд с бронепоезда расколет танк как орех.

Иванов принял решение мгновенно. Товарищи наблюдают за командирской машиной, повторяют его маневр. Капитан навел орудие на бронепоезд, трассирующий снаряд пролетел над паровозом. Гвардейцы поняли, и по паровозу ударили остальные танки.

Машина Кравченко, маневрируя между домами, обходила бронепоезд. Танк Матусевича остановился на рельсах. Танки били по паровозу дружно. Но бронепоезд «ожил», с платформ ответили орудия, завязалась артиллерийская дуэль. Попадание тяжелого снаряда смертельно, и танкисты маневрировали, укрываясь за пристанционными постройками.

Паровоз, пораженный метким выстрелом, зашипел, как змей-горыныч, окутался клубами пара. Испуганная орудийная прислуга поспешила спастись бегством, под свист снарядов тридцатьчетверок бежали и автоматчики, засевшие на насыпи. Клусув был взят.

Иванов быстро обошел станцию, теперь надо ждать атаки. Немцы опомнятся и бросят крупные силы. По всей вероятности, подгонят эшелон с войсками.

— Немедленно взорвать стрелки, подорвать пути! Занять круговую оборону!

Иванов дал указание экипажам расставить машины так, чтобы на каждом опасном участке стоял танк. Заняли посты десантники, никто не сомкнул глаз, нападения можно ждать в любую минуту, хотя бы с целью разведки.

Предположения капитана подтвердились, среди ночи загремели выстрелы, но фашистов отбили дружным

огнем. Утром атака повторилась. Сосредоточив шесть «тигров», четыре средних танка и до батальона пехоты, при поддержке артиллерии немцы пошли на приступ.

Силы неравные, но гвардейцы Иванова славились отличной боевой выучкой. Ночью капитан ходил от танка к танку, ставил задачу экипажам. Два «тигра» и два средних танка были уничтожены. Орудийным и пулеметным огнем нанесен урон вражеской пехоте.

Но и Иванов потерял две машины. Пострадала и командирская тридцатьчетверка: снаряд «тигра» повредил правую гусеницу и выбил опорный каток.

Кольцо окружения сжималось, на станции шел рукопашный бой, по перрону бежали гитлеровцы, строчили из автоматов. По рельсам громыхал пятнистый закамуфлированный «тигр», его мощное орудие покачивалось, выискивая цель, за станционными постройками мелькали силуэты других танков.

Иванов приказал отходить. По лощине и оврагу два танка и десантники скрытно отошли в прибрежное село, куда раньше отправили раненых. Один танк, отрезанный гитлеровцами, остался в районе станции.

Обнаружив, что русские выскользнули из мешка, гитлеровцы бросились в погоню. Группа Иванова закрепилась в деревне — дальше пути нет. Фашисты намеревались прижать русских к реке, уничтожить отряд. Иванов и его солдаты решили драться до последнего.

Положение никудышное, возможности для маневра нет, танки, превратившись в неподвижные мишени, стали более уязвимыми. Командирская машина вот-вот совсем выйдет из строя, кое-как исправленная гусеница еле держится на крайних проушинах поврежденных траков.

Пошли на хитрость. Чтобы дезориентировать противника, возились с гусеницей, не выключая двигателя, наоборот, пустили на большие обороты, а танк старшего сержанта Тихомирова на малой скорости курсировал по маршруту «вперед-назад». Грохот подняли невероятный. Немецкие «слухачи» были уверены, что русских танков в лощине не менее десятка.

— Готово, товарищ капитан! Гусеница исправна!

Иванов радостно потер руки: два танка на ходу — можно драться!

— Занять позицию!

Иванов расположил машины удачно, позиция выбрана

верно: сады — отличная маскировка, пусть теперь сунутся!

Но противник, испуганный невесть откуда взявшимися танками, атаковать более не пытался и затаился на станции. Слишком дорого дался немцам успех: пять «тигров» превратились в металлолом.

Иванову удалось потихоньку отойти. Гитлеровцы на преследование не отважились, введенные в заблуждение «шумовым оформлением». Постреляв по деревне из орудий, они затихли выжидая. А Иванову только это и требовалось.

В полдень подошли наши части. Танки Иванова вместе с ними устремились в атаку: на станции отрезанная еще в начале боя тридцатьчетверка. Что с ней?

Соединенными силами ударили на Клусув. Фашисты отступили.

Потрескивали выстрелы, жарко полыхали пакгаузы и пристанционные постройки. Командирский танк прорвался к оставленной машине. Промчались бы мимо, но танк заметили десантники и заколотили прикладами по броне. Иванов откинул люк и увидел машину, которую считал погибшей. Тридцатьчетверка стояла на дне огромной воронки от авиабомбы, вместо орудийного ствола торчал какой-то обрубок с рваными краями.

Навстречу выскочил механик-водитель старшина Соколов.

— Вася! Жив!?

Василий Соколов рассказал, что произошло. Бой за станцию был в самом разгаре, когда бронебойный снаряд «тигра», угодив прямо в ствол, срезал его. Командир экипажа погиб. Танк, обезоруженный и беспомощный, стал. Гитлеровцы подумали, что экипаж уничтожен, и оставили танк в покое, а может быть, забыли о машине.

Когда немцы удалились, Соколов включил двигатель и принялся осторожно маневрировать, надеясь укрыться за каким-нибудь домом. Увидев поблизости воронку от бомбы, решил упрятать в нее раненую машину. Тридцатьчетверка осторожно спустилась на дно. Укрытие надежное, даже с двадцати метров не заметишь стоящий на дне танк.

Соколов и стрелок-радист, прихватив пулемет, забрались в дом. Оттуда вели наблюдение.

Когда комбригу доложили о выходе группы Иванова, тот только головой покачал: что испытали люди, ведя такой бой! С командного пункта Гусаковский видел, как гитлеровцы шли в атаку на Клусув. Заметил и поднявшиеся к небу столбы огня и черного дыма. Чьи машины пылали, наши или вражеские, не разберешь, из-за домов не видно. Тяжело, но чем помочь Иванову? Передовой отряд майора Карабанова и основные силы бригады ведут тяжелый бой за расширение плацдарма...

Вечером 22 июня бригада вышла к Сану восточнее Радымно. Командование изучало данные разведки, а они не радовали: на левом берегу реки у противника хорошо подготовленный рубеж обороны — два-три ряда траншей, проволочные заграждения в три кола, минные поля; на восточной окраине города Радымно разведчики обнаружили вкопанные в землю танки. Нашли брод, глубина небольшая, но дно очень вязкое.

Ночью была выслана инженерная разведка. Брод отыскали быстро, западнее деревни с невеселым названием Гробовец. По этому поводу саперы отпускали соленые остроты, стуча зубами от холода: вода в неглубоком Сане в середине лета на удивление знобкая.

— Поторапливайтесь, братцы,— подгонял саперов старшина.

Бойцы, поругивая холод, отшучивались:

— Без тебя знаем: в такой водичке не заскучаешь.

Быстро выставляли вехи, работа спорилась, но немцы заметили саперов, и вода закипела от разрывов мин, засвистели осколки, трассирующие пули прочерчивали в темном воздухе пунктиры. Вторую половину брода отметить вешками не удалось.

К рассвету танки, сосредоточившиеся в лесу на обрывистом берегу Сана, с открытых позиций нанесли огневой удар по врагу. Автоматчики на лодках, плотах и подручных средствах устремились вперед. Но едва они достигли середины реки, немцы накрыли их огнем. Пехота не смогла переправиться на противоположный берег. Оставалось одно — пустить танки. Это был риск, но риск оправданный. Комбриг приказал готовиться к форсированию.

Начал переправу третий, карабановский батальон. Но самого комбата среди танкистов не было. Алешу, как его ласково называли товарищи, тяжело ранило в схватке с «тигром» под Рава-Русской. Он сумел подбить фашистский танк, но и его тридцатьчетверка получила серьезные повреждения.

Батальоном теперь командовал капитан Иванов. Александр Петрович решил попытаться захватить мост через Сан у Радымно и поручил это командиру разведгруппы лейтенанту Тихомирову.

— У тебя два танка, десантники, постарайся с ходу захватить мост, возможно, немцы его заминировали, но если ударить внезапно, проскочишь «над взрывом» — ребята у тебя смелые, опытные. И помни: мост —ключ к Радымно.

Танки Тихомирова, поддержанные артиллерией с берега, направились к мосту. Вырвавшись на шоссе, развили предельную скорость, но гитлеровцы не дремали. Мост уже виден, он ближе, ближе, стремительно нарастает. Тихомиров, идущий в головной машине, вглядывается. Мост пуст, немцев не видно, мост «чист».

Триста метров. Двести. Но когда до моста оставалось не более ста метров, загрохотал взрыв. Центральный пролет с двумя опорами рухнул в воду. Тихомиров увел тридцатьчетверки и укрыл их в лесопосадках, тянувшихся вдоль берега.

Батальон Иванова искал место для переправы. В помощь ему комбриг прислал саперов под командованием начальника инженерной службы бригады капитана Михеева. Саперы под жестоким огнем приступили к работе. Однако ночью форсировать Сан не удалось.

Утром вернулись из поиска разведчики. Местные жители утверждают: километрах в десяти ниже по течению есть удобный брод. Гусаковский дал «добро», и батальон, совершив обходный маневр, вышел на берег Сана в указанной точке.

Саперный взвод лейтенанта Коваля быстро проверил дно — место подходящее.

Батальон переправился через реку. Капитан Иванов приказал двигаться на деревню Вуйтовство. Здесь проходило шоссе Радымно — Перемышль, важная магистраль, по которой гитлеровцы перебрасывали войска и боеприпасы. Шоссе нужно было перерезать.

У деревни по тридцатьчетверкам был открыт сильный огонь. Капитан Иванов шел первым. Не сбавляя скорости, он ворвался в деревню, в скоротечном бою выбил вражеский гарнизон и оседлал шоссе.

Немцы понимали, что означает этот прорыв для всей их обороны и приняли экстренные меры, чтобы заделать брешь. Над боевыми порядками бригады повисла вражеская авиация. Жестокая бомбежка не прекращалась весь день. В этих боях бригада потеряла еще одного замечательного офицера: осколок сразил майора Павла Петровича Гетьмана, начальника политотдела бригады. Тяжело переживали танкисты гибель человека, который был близок и дорог каждому. Где бы он ни появлялся: в боевых порядках или в тылах бригады, у танкистов или ремонтников — сразу же его окружали гвардейцы, и начинался неторопливый, задушевный разговор. Гетьман умел слушать собеседника, умел заострить внимание на главном и всегда был готов помочь человеку добрым словом и делом.

Наконец на левом берегу Сана сосредоточилось достаточно войск, чтобы продолжать наступление. Командир корпуса усилил бригаду «Революционная Монголия» истребительно-противотанковым полком. Гусаковскому было приказано взять Радымно.

Задача не из легких. Город рядом, до него не более двух километров, поблескивает в утренней дымке острый шпиль костела, чернеют фабричные трубы, краснеют ребристые черепичные крыши. Город близко, но перед ним открытое поле, ровное как стол. Оно насквозь простреливается артиллерией и пулеметами.

Гусаковский приказал дивизиону «катюш» поддержать наступающих, дать два залпа по южной окраине города. Гвардейские минометы окутались дымом, выпустили языки улетающего пламени. У городских стен взметнулись столбы разрывов. Но это мало помогло. Едва пехота поднялась, как вынуждена была снова залечь. Капитан Иванов понял: наступил черед батальона. Танки с автоматчиками устремились вперед.

С наблюдательного пункта комбриг хорошо видел атаку батальона — лихая, смелая, но танков мало, очень мало. А оборона у гитлеровцев крепкая и хорошо орга-

низована. Их артиллеристы точно пристреляли рубежи и встречали атакующих плотным огнем.

Иванов проклинал ровную местность и ясный солнечный день, но все-таки надеялся проскочить и ворваться на окраину города.

Немцы удержали Радымно. Но положение противника стало незавидным, город зажат в клещи. Утром одновременной атакой с двух направлений он был взят во взаимодействии с частями корпуса.

Дорогой ценой досталась победа. Смертью храбрых погиб парторг 112-го батальона автоматчиков лейтенант Запорожец.

«Революционная Монголия» продолжала наступать. Танки двигались по шоссе на Перемышль. До города рукой подать, час езды, но незначительное расстояние покрыли за сутки — то и дело встречались доты, рвы, завалы. Из подвалов и с чердаков били пулеметы, рявкали противотанковые пушки, замаскированные у дороги. Деревушки огрызались огнем.

Вечером батальон капитана Иванова, усиленный самоходками, занял деревню Дуньковице. Вскоре здесь сосредоточилась и вся бригада.

Деревушка превратилась в своеобразный наблюдательный пункт. Она располагалась на возвышенности, отсюда открывался отличный обзор — город виден отчетливо.

К Иванову подошел начальник оперативного отдела штаба бригады старший лейтенант Алексей Блинников и передал приказ Гусаковского немедленно произвести разведку боем.

— Приказ есть приказ,— согласился Иванов.— Что ж, очевидно, придется атаковать — иначе не выявишь огневую систему врага. Впрочем, давайте поразмыслим, подумаем.

Командир батальона предложил направить к городу танк, который, демонстративно подойдя поближе к гитлеровской обороне, послужит «приманкой»: на нас должны «клюнуть» немецкие артиллеристы. Искусно маневрируя, танк вызовет на себя огонь вражеских батарей.

Командир батальона задумался: кого послать? Дело непростое, нужны опытные люди, умелые, которые не растеряются, оставшись один на один с противником. Разведчиков могут подстерегать всякие неожиданности, возможно, у немцев поблизости засады. Выбор пал на экипаж лейтенанта Константина Никонова.

Одинокая тридцатьчетверка средь бела дня бесстрашно направилась к обороне противника. Это было настолько неожиданно и дерзко, что гитлеровцы опешили — танк шел прямо к ним. Однако вскоре немцы опомнились и обрушили на храбрецов лавину огня.

Экипаж Никонова пережил немало тяжелых минут. Фашисты, уверенные в превосходстве своих сил, и не думали маскировать оборону. Танкистов буквально ослепило вспышками и разрывами снарядов, но они хладнокровно ждали пока фашисты «раскроются», а механик-водитель умело бросал машину из стороны в сторону.

Когда гвардейцам стало ясно, что наши наблюдатели сумели засечь наиболее важные огневые точки, лейтенант Никонов крикнул:

— Все, братцы! Сматываем удочки.

Машина быстро нырнула в овраг и скрытно, в обход, направилась к своим. Полковник Гусаковский вызвал в штабную машину капитана Иванова.

— Молодец твой Никонов! Умело «просветил» фашистскую оборону. Давай думать, что делать дальше. Перемышль — крупный опорный пункт, он очень сильно укреплен, артиллерии много и бронепоезд. Под его орудия попадать не советую.

— Надо немцев перехитрить.

— Да. Мы их дезориентируем, пусть думают, что у нас ничего не изменилось.

Командир бригады приказал истребительно-противотанковому полку, находившемуся в его оперативном подчинении и батальону Иванова с приданными ему самоходками оставаться на месте, там, где его засекли наблюдатели противника.

— Вести непрерывный беспокоящий огонь. У противника должно создаться впечатление, что мы вот-вот перейдем в атаку. А тем временем основные силы бригады ударят вдоль железной дороги по северо-восточной окраине Перемышля.

По артиллерийским позициям гитлеровцев был нане-

сен мощный удар, позволивший сломать вражескую оборону.

Но особенно трудным в этот день был бой за город Ярослав. Третий батальон подошел к селу, расположенному километрах в четырех от города. Капитан Иванов выслал вперед разведчиков.

Вернувшись, они доложили, что на шоссейной дороге — единственном проходимом для танков участке у немцев две батареи. Решили ждать ночи.

Танки пошли на село на предельных скоростях, ведя интенсивный огонь. Немцы испугались, темнота не позволяла определить силы наступающих. Фашистские артиллеристы бросили орудия и кинулись кто куда — нервы не выдержали. Через несколько минут танки ворвались в село. Батальон капитана Иванова выполнил задачу.

Пришла пора вступить в бой десантникам батальона капитана Усанова. Они спешились и начали выкуривать гитлеровцев из домов и траншей. Когда с этим было покончено, капитан Иванов повел батальон к северной окраине Ярослава.

Разведчики доложили: впереди — противотанковая батарея. Идти на пушки в лоб? Иванов приказал искать обход. Это оказалось нелегким делом. С одной стороны — крутая гора, с другой — высокая железнодорожная насыпь. Иванов колебался. Может быть, все-таки атаковать батарею в лоб, выполнить приказ любой ценой? К счастью, разведчики обнаружили дорогу. В районе кирпичного завода змеится узкоколейка. Минуя шоссейную дорогу, можно зайти гитлеровцам во фланг. Иванов прикинул: «Осуществить этот маневр удастся лишь частично. Дорога узкая, батальон растянется. Придется основными силами атаковать с фронта, а по узкоколейке послать в обход машины две, не больше, чтобы ударили одновременно с начавшейся атакой и подняли панику».

Два танка, прогромыхав по шпалам, прорвались в тыл противника, открыли огонь. Удачно действовал экипаж лейтенанта Сороки и старшины Кузоватова.

Как только ударили танковые пушки в тылу у немцев, капитан Иванов с фронта повел батальон и приданные самоходки в атаку. Гитлеровцы стали отходить, а когда на восточную окраину в город ворвались основные силы бригады, отход превратился в бегство. 27 июля Ярослав и Перемышль были освобождены.

5 Зак. 3738

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Висла — река широкая, течение быстрое. Танки сосредоточивались в прибрежных рощах, саперная разведка обшаривала окрестности в поисках брода, но мотострелки оказались оперативнее. Автоматчики батальона Усанова раздобыли все те же подручные средства, а через несколько минут уже плыли к вражескому берегу, а он, окутанный предутренним туманом, загадочно молчал.

Командир батальона стоял в маленькой утлой лодчонке, ординарец консервной банкой вычерпывал темную воду, двое гребцов налегли на весла. Усанов скользнул взглядом по притихшему левому берегу, оглянулся и удовлетворенно крякнул — за ним следовал едва ли не весь батальон, на плотах везли противотанковые пушки, боеприпасы.

— Даже артиллерия с нами,— шутливо заметил Усанов.— Теперь нам ни один черт не страшен.

— Порядок, товарищ капитан! Осталось недалеко...

Мина, провыв, шлепнулась в воду, ахнув, опрокинулся на дно лодки боец, выронив весло, капитан схватился за плечо — зацепило!

— Вперед!

Несмотря на жестокий обстрел, мотострелки добрались до левого берега, ведя огонь из автоматов и ручных пулеметов, поднялись на кручу, прогремели взрывы гранат, скатилась, звякнув о камень, каска убитого фашиста, а наверху уже гремело русское «ура!».

К берегу подъехал командир бригады, вместе с ним был начальник штаба. Здесь уже хлопатали саперы, армейский понтонный батальон помогал танкистам переправиться через Вислу.

Командир бригады переправился первым. Когда катер взял на буксир паром и пошел к левому берегу, полковник Гусаковский ощутил холодок тревоги. А вражеская артиллерия усилила огонь. Но танкисты все же защищены броней от осколков, а понтонеры-катерники беззащитны. Гусаковский присмотрелся и узнал катерника, стоявшего на борту суденышка,— ефрейтор Антон Ковальский, старый знакомый.

Недалеко от Каменец-Подольского в небольшом селе Тронецком проживала бедняцкая семья Филиппа Григорьевича Ковальского.

Безрадостной была крестьянская жизнь. День и ночь Филипп Григорьевич с женой Анной Васильевной работал на кулака. Шесть сыновей — один меньше другого — и дочь. Придавили мужика нужда и бедность, и пошел он «шукать соби доли» до самой Сибири. Но счастья не нашел и там.

Прошли годы. Дружно жила и трудилась большая семья Ковальских. Подросли сыновья. Крепкие и трудолюбивые руки их принесли в дом радость и счастье.

Обзавелся своей семьей и средний сын Ковальских — Антон. Работал Антон Филиппович Ковальский бригадиром плотников, был почетным и уважаемым человеком в колхозе «Красный пахарь».

Но грянула война. На фронт из родного колхоза ушли шестеро братьев Ковальских.

Старший, Кузьма, стал связистом, Афанасий, Петр и Николай сражались в пехоте, Иван — в кавалерии, а Антон Филиппович, как опытный плотник и столяр, стал сапером.

Сотни мин обезвредил он, прокладывая дорогу танкам на Калининском фронте зимой 1942 года, за что в числе первых был награжден медалью «За отвагу».

На подступах к нашей обороне Ковальский расставлял невидимую сеть минных заграждений. Его мины не раз поднимали на воздух бросавшихся в контратаки гитлеровцев, подрывали их бронетранспортеры и танки.

Не раз Антон Ковальский с разведчиками пробирался в глубокий тыл врага, неся на себе свой смертоносный

груз: взрывал железнодорожные мосты, рельсы, пускал под откос эшелоны с гитлеровцами, подрывал телеграфно-телефонную связь.

Бригада «Революционная Монголия» продвигалась на запад. В передовых отрядах, как правило, действовали бесстрашные саперы, обеспечивая беспрепятственное продвижение нашим бойцам.

Антон Филиппович вместе с танкистами-гвардейцами освобождал и свою родную Каменец-Подольщину.

...Хорошо припоминаю я беседу с Антоном Ковальским после вручения ему третьей награды. Он был очень скромным человеком. Больше рассказывал о своих товарищах, чем о своем подвиге. Несмотря на то, что ему было 38 лет, он переносил тяготы походной жизни легче, чем иные молодые солдаты.

Когда бригада достигла крупных водных преград, Ковальский освоил специальность моториста буксирного катера. При освобождении Львовской области он обеспечивал форсирование Западного Буга и Сана. Старший сержант вместе со своим саперным взводом под непрерывным артиллерийским огнем и бомбежкой в течение часа восстановил разрушенный мост и оборудовал объезд для танков бригады. После этого в течение пяти часов, превозмогая усталость, содержал в исправном состоянии переправу, пока все части не переправились на противоположный берег.

На другой день при строительстве моста через Сан, под интенсивной бомбежкой и минометным обстрелом, Антон Ковальский установил рамные опоры моста.

В самые критические минуты боя, когда авиация противника неистовствовала, Ковальский не прекращал работы до окончания постройки моста.

Смело действовал Антон Филиппович при захвате сандомирского плацдарма. Красная Армия стремилась не только прорваться за широкую, глубоководную и быструю Вислу, прикрывающую центральную Польшу, но и скорее выйти на подступы к южной Германии.

Гитлер считал рубеж Вислы последним рубежом отхода. Поэтому фашистское командование до предела напрягало свои силы, чтобы удержать во что бы то ни

стало левобережную Польшу. Сюда были брошены лучшие дивизии и новые тяжелые танки — «королевские тигры». Приказ Гитлера был краток: «Удержать город любой ценой. Стоять до последнего солдата. Не отступать ни на шаг». На многочисленных плакатах, пестревших на зданиях и заборах города, была начертана схема Германии, пронизанная красной стрелой, с надписью: «Немецкий солдат! Закрой сердце Германии своим сердцем!».

Исключительный героизм проявили саперы бригады. Отличился и Антон Филиппович Ковальский при захвате сандомирского плацдарма. Буксируя своим катером паром, он переправил на западный берег много боевой техники под сильнейшим огнем противника.

Командир корпуса Гетман, наблюдая за переправой и поглядывая на часы, сказал:

— Если так пойдет, то до утра переправится вся бригада Гусаковского.

Катер с паромом метался между берегами, перебрасывал танки на плацдарм, но и обратно шел не порожним: на пароме лежали первые раненые.

Гитлеровцы нещадно били по переправе. Осколки уже не однажды пронизывали борта крошечного катера. Ковальский располосовал на куски гимнастерку, забивает отверстия. Новый толчок! Пробит второй борт. Как только катер еще идет?! Ковальский прыгает к рулю, отчаянно крутит рулевое колесо. В нательном белье он издалека выделяется на темном фоне.

— Эй, на катере! Новую форму присвоили? Чего в исподнее вырядился? — кричали с парома бойцы.

Ковальский грозит кулаком: ему-то не до смеха.

Неожиданно появилось звено «юнкерсов». Фашистские самолеты начали пикировать на только что наведенный мост. Заухали бомбовые разрывы. Фугаска сорвала рамную опору моста. Раму понесло по течению, трое раненых бойцов держались на ней. Ковальский бросился на помощь. Вытащил бойцов, начал подгонять опору к мосту. На катерок коршуном налетел «мессер». Все спрыгнули в воду. «Мессер» прошил катер пулеметной очередью и ушел. Вынырнувшие саперы немедленно забрались на катер, заткнули дыры и взялись за раму.

«Мессер» снова налетел на упрямцев, и опять они скрылись под водой.

Шесть раз возобновлялся этот смертельный поединок. Но рама была установлена, и движение возобновилось. Когда по мосту на западный берег двинулась пехота, вновь появились самолеты. На этот раз им удалось разрушить крайние прогоны только что восстановленного моста. Человек семьдесят оказались отрезанными на небольшой деревянной площадке на середине реки. Но Ковальский подошел на катере к мосту, оторвал от рухнувшего настила доски и перебросил их бойцам. По ним люди сошли на катер и были спасены.

Родина высоко оценила героизм сапера. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ковальскому Антону Филипповичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Герой-сапер отличился и в последующих боях на реке Пилице. По отремонтированному саперами Ковальского мосту шли танки, пурга слепила водителей.

Один танк сполз левой гусеницей с прогона. Должно быть, водитель растерялся и рванул рычаг не в ту сторону: танк задрожал и вдруг, медленно перевалившись, рухнул, пробив лед.

Все, кто был на берегу, побежали к огромной проруби, где сквозь темную поверхность просвечивалось стальное днище танка. Ковальский сбросил фуфайку, сапоги и, не задумываясь, нырнул в ледяную воду. Сверху было видно, как он полез под танк, потом послышались глухие удары. Наконец он показался из воды, ухватился за кромку льда, охнул: острый лед изрезал окоченевшие пальцы. Сильные руки подхватили и вытащили его.

— Дайте кувалду,— прохрипел он.— Передний люк закрыт. Вода набирается.— Захватив кувалду, Ковальский снова прыгнул в воду.

Стоявший рядом сапер последовал его примеру. Вдруг он высунул голову на поверхность, радостно крикнул «Есть!» и опять полез под танк. В прорубь бросились еще двое. Наконец над водой появились две головы.

— Вот,— выдохнул Ковальский, передавая из воды на руки товарищам обмякшее тело танкиста. Так были спасены все члены экипажа.

Ковальский, саперы и спасенные танкисты отогрелись в санитарной машине и вернулись в строй.

В конце января бригада прорывалась к Познани. Путь преграждала уже трижды форсированная Варта. Надо было захватить исправный мост. Группа саперов под командованием старшего сержанта Ковальского перебралась на противоположный берег, зашла с тыла и захватила мост.

И вдруг в штаб сообщили: погиб Ковальский. Этому не хотелось верить. Посланные разведчики доложили, что старший сержант Ковальский найден и доставлен в медсанбат.

Врач сказал, что сапер находится в очень тяжелом состоянии: сильнейшая контузия, потеря зрения, обморожен, двустороннее воспаление легких и перелом ноги, но в палату к нему все же допустил.

— Не узнали, товарищ генерал?—прохрипел сапер.— Меня сейчас и жена не узнает. Помните, «Золотую Звезду» мне вручали?

— Все помню,— ответил я.— Как на Висле катерок одеждой затыкал, как раненый из строя не уходил. Все помню.

— Я и сейчас... вернусь,— с усилием выговорил Ковальский.

— Конечно, конечно, выздоровеете — вернетесь.

— Если бы мне этот проклятый халтурщик попался...

— Успокойтесь, Антон Филиппович! Какой халтурщик?

— Да немец, который мост минировал. Понадеялся на него, гада, не проверил как следует. Я же ихней миной рвал. Мы как только охрану сняли, сразу мину нашли. Решили оставить ее для немцев: думали, если свои подойдут, всегда отключить успеем. Туман страшный был. Потом шум услышали: идет колонна, а кто — не разобрать. Как чуяло сердце — немцы подошли. И — не сработал взрыватель! Неужели уйдут? Вскочил — и к мине. Они не стреляли, наверно, от удивления: с запада русский навстречу бежит. Вставил я в заряд новый запал и, чтоб уже наверняка, руками за чеку дернул. Отбежал, да далеко ли отбежишь! Подбросило меня вверх метров на двадцать. Очнулся я в воде: взрывом на мель откинуло. Ледяной водичкой обмыло — пришел в себя. Пощупал воду рукой, куда течение идет и пополз вниз к нашим.

Ковальский передохнул.

— Как нашли меня, комроты шинель свою снял, укутал. Врач говорит, что зрение вернется: слепота наступила от контузии.

Врач сделал знак — пора уходить.

— Товарищ генерал, пусть меня не отправляют дальше медсанбата. Боюсь, в свою часть не попаду.

— Об этом не беспокойся. В нашей армии вас примут всегда...

В последнем письме Антон Филиппович писал своей семье, что за новые боевые подвиги он вторично представлен к званию Героя Советского Союза.

А вскоре жена Ковальского получила горестное сообщение от командования, что муж ее, Антон Филиппович, находясь в госпитале, умер от тяжелого ранения 14 апреля 1945 года.

С воздуха переправа надежно прикрывалась соколами прославленного летчика гвардии полковника Покрышкина, ныне трижды Героя Советского Союза, маршала авиации. В небе над Вислой летчики Покрышкина, увлекаемые своим отважным командиром, показывали чудеса храбрости. Танковые рации принимали панические выкрики фашистов:

— Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

Вражеские летчики, услышав об опасности, стремились поскорее очистить воздушное пространство.

К вечеру на левый берег были переправлены все танки бригады. Стремясь быстрее расширить плацдарм, Гусаковский приказал батальону Боридько обойти сильно укрепленное местечко Копшевнице и ударить по опушке леса, где засели гитлеровцы. Но атака не удалась. В лесу оказалось много артиллерии и танков противника.

Обстановка на плацдарме складывалась неблагоприятно. Неожиданно поднялся уровень воды в Висле. Пришлось срочно переделывать причалы. Это еще на сутки задержало переправу остальных частей корпуса.

Тем временем противник подтянул танковую дивизию, ударил с запада, стремясь соединиться с северной груп-

пировкой. Гитлеровцы решили любой ценой отрезать наши части на левом берегу.

Горловина между двумя вражескими группировками сужалась.

Против немецкой танковой дивизии была срочно выдвинута из резерва командующего 64-я танковая бригада. Уничтожив двадцать восемь немецких танков, она восстановила положение. Части, прикрывавшие переправу, стали теснить противника к северу.

Бригаде «Революционная Монголия», находившейся на левом берегу, командир корпуса поставил задачу отрезать пути отхода противнику. 3 августа бригада совместно с другими частями овладела населенным пунктом Тарнобжегом. В тесном взаимодействии с другими танковыми бригадами «Революционная Монголия» непрерывно атаковала противника.

Несмотря на неудачу, Гусаковский приказал повторить атаку на Копшевнице. Выполнение задачи было поручено батальону Иванова. Вместе с ним шли автоматчики Усанова.

Лихой атакой здесь не возьмешь. Штаб и командиры продумали детали предстоящего боя, Гусаковский утвердил план. Решили действовать с наступлением темноты, чтобы скрытно подойти поближе к противнику.

В оставшееся до вечера время провели тщательную рекогносцировку местности, на которой предстояло действовать.

Когда стемнело, танки и самоходки подполковника Мельникова двинулись в атаку. Противник открыл сильный огонь. Комбат связался с Гусаковским и попросил, как было условлено, дать пару залпов «катюш» по южной окраине Копшевнице.

Небо расчертили огненные стрелы. Загорелись какие-то сараи, и немецкие противотанковые пушки стали видны как на ладони. Тотчас по ним открыли огонь тридцатьчетверки. Танки увеличили скорость и выскочили на окраину местечка. Гитлеровцы оставили траншеи, побросали орудия и разбежались.

Продолжая наступление, бригада овладела несколькими населенными пунктами и перерезала шоссе Сандомир — Опатув. Но дальше продвинуться не смогла. Собрав на этом участке не менее двух дивизий, немцы нанесли удар в направлении на Малице.

День прошел в тяжелых боях. Танки и пехота противника непрерывно атаковали. Гвардейцы отбивали натиск врага.

Гитлеровцы подтянули резервы, отрезали слишком далеко вырвавшиеся вперед наши части, вышли в тыл наступающим. Наши в свою очередь отрезали фашистов. В итоге получался своеобразный «слоеный пирог». На этом участке враг бросил в бой новую технику.

Группа мотострелков укрылась за холмом. Внезапно на них надвинулась бронированная махина — танк казался громадным, такого еще видеть не приходилось. Автоматчики попятились, едва успели спрыгнуть в тесную ячейку. Танк прогрохотал мимо.

— Целый дом! — ахнул боец с перевязанной головой.

— Раскрашен как-то чудно — полосами.

— Из Африки Гитлер пригнал...

Но вот на полной скорости навстречу немецкому танку устремилась тридцатьчетверка, ударила пушка, и распласталась по земле сорванная гусеница, танк закрутился, второй снаряд ударил в корму.

Позже многие офицеры приходили взглянуть на трофей. Последняя новинка, как узнали у пленных, называлась «королевский тигр» и выглядела внушительно: 88-миллиметровая пушка, полсотни снарядов на боекомплект. Машина тяжелая, высокая. Особенно поражала толщина брони.

Но гвардейцы «подобрали ключи» и к «королевским тиграм». Несколько этих танков было уничтожено в первом же бою.

«Революционная Монголия» вместе с другими частями продолжала драться с превосходящими силами противника. Бои на сандомирском плацдарме явились для гвардейцев тяжелейшим испытанием. Но танкисты бригады действовали героически.

Командир саперного взвода роты управления лейтенант Коваль, находившийся на командном пункте бригады, увидел, как взрывом бомбы завалило блиндаж. Коваль бросился на помощь. Он сумел откопать засыпанных бойцов и вынес их в безопасное место.

«Юнкерс» поджег танк «Маршал Чойбалсан». Радист старшина Окунев выскочил из машины, стал швырять на броню пригоршнями песок, чтобы сбить пламя. И снова

на помощь подоспел вездесущий Коваль. В танке радиостанция, которая держит связь со штабом корпуса! И Коваль с Окуневым боролись с пламенем, пока не отстояли машину. А вскоре радист уже сидел на своем месте и, превозмогая боль в обожженных руках, посылал в эфир позывные.

Вечером 16 августа сандомирская группировка врага была окружена. Бригада «Революционная Монголия» овладела южной окраиной населенного пункта Кихары. Гитлеровцы то и дело переходили в контратаки. Два дня шли тяжелые бои. В ночь на 19 августа бригада полностью освободила местечко. Утром танкисты майора Иванова и действовавшие с ними пехотинцы двинулись дальше, но за селом натолкнулись на сильный вражеский заслон. Пехота вынуждена была отойти к окраине села. Противник почти сразу же пошел в контратаку, создалась угроза прорыва. По приказу Иванова танки укрылись в овраге, открыли огонь и отбили натиск фашистов.

Майор Иванов предполагал, что гитлеровцы используют фаустников, и решил предупредить о них экипажи, проинструктировать танкистов. Он вылез из машины, обошел экипажи, поставил танкистам задачу периодически прочесывать пулеметным огнем поросший густым кустарником край оврага. Но когда Иванов подходил к своему танку, сильный удар в колено свалил его на землю.

В горячке боя рана показалась Александру Петровичу незначительной, да и некогда было обращать внимание на ранение. Однако командовать он уже не мог. Вскоре Иванов потерял сознание. Когда пришел в себя, товарищи посадили его в коляску мотоцикла и повезли в госпиталь. Александр Петрович теперь понимал, что рана отнюдь не пустяковая, нога онемела, стала тяжелой. В коляске трясло, и капитан поменялся с водителем местами. Так за рулем мотоцикла он и приехал в медсанбат. Отсюда и началась его невеселая эпопея: медсанбат, госпиталь. Сколько фронтовиков прошли этим путем, многие даже неоднократно!

Сдержанно, скупо писал он мне об этом пути.

«Быстрый осмотр врачей, непонятные медицинские термины. Настроение в первый момент было оптимистическое, я рассчитывал проваляться в госпитале недолго,

пока бригада будет находиться на отдыхе, принимать пополнение и готовиться к новым боям.

Действительность оказалась печальней моих предположений. Нога не болела, но казалась налитой металлом, кожа на ощупь под пальцами хрустела. В раненой ноге вспыхнула газовая гангрена, стоял вопрос о спасении мне жизни».

Майору Иванову ампутировали ногу.

Александр Петрович с честью выдержал тяжелые испытания, выпавшие на его долю, мужественно сражался с болью и победил. Выздоровев, он долгое время был на партийной и общественной работе, а ныне Герой Советского Союза А. П. Иванов — депутат райсовета, живет и работает в Ленинграде.

В начале августа 1944 года началось наступление. Сандомирский плацдарм был расширен до семидесяти километров по фронту. В ночь на 21 августа «Революционную Монголию» и весь 11-й танковый корпус вывели из боя. За взятие города Перемышля бригада была награждена орденом Ленина.

ВИСЛА — ОДЕР

В новогоднюю ночь лес на северо-западной окраине небольшого польского городка Любартов приглушенно гудел. Экипажи возились у замаскированных, белых от изморози танков, слышалось позвякивание металла: неутомимые ремонтники Сени Варина помогали товарищам исправлять поврежденные машины. В штабных землянках колдовали над картами командиры, все подразделения усиленно занимались боевой и политической подготовкой — личный состав упорно готовился к предстоящим боям.

Полковник Гусаковский прохаживался взад-вперед по узкой протоптанной в снегу тропинке, обдумывал поставленную бригаде боевую задачу. А она не из легких. Впрочем, разве были у бригады простые задачи? Иосиф Ираклиевич хмурился, рассеянно постукивал прутом по толстым стволам сосен. Легка ли его собственная военная судьба? Деревенским парнишкой из белорусского села Шаевка ушел он в Красную Армию добровольцем. Его тянуло в кавалерию, может быть, потому, что хотел пойти по стопам отца, служившего в драгунском полку. И когда командование решило направить его в танковое училище, он сильно огорчился.

С тяжелым сердцем простился он с друзьями, со своим конем, на душе было невесело.

Он долго не мог привыкнуть к танку — машина не конь. Запах горючего, грохот, лязг гусениц, оглушительные выстрелы пушки... Иосиф Ираклиевич сменил немало боевых машин, начал с танка, напоминавшего черепаху с хвостом для преодоления препятствий, потом перешел

на двухбашенный Т-26, затем на БТ-2. Со временем он полюбил мощные машины, понял их «душу», научился использовать все резервы танка. Немало полезного узнал, когда стажировался на заводе. Позже командовал танковым взводом, ротой, но по стечению обстоятельств войну капитан Гусаковский начал пехотинцем: в июле сорок первого под Ельней, не дождавшись прихода боевых машин, пошел в бой с винтовкой и только в октябре пересел в танк.

Под Москвой Иосиф Ираклиевич уже командовал танковым батальоном, а когда в боях под Богодуховом погиб командир бригады полковник Леонов, Иосиф Ираклиевич принял командование бригадой.

Гусаковскому пришлось нелегко. Но постепенно он сжился, сработался с людьми. То живое, доброе и сильное, что свойственно было его характеру, расположило к нему весь личный состав.

Ходил Гусаковский прихрамывая, опирался на палочку — в одном из боев его ранило, но командир бригады остался в строю....

В кронах сосен шумел ветерок, сыпался снег. Командир бригады отогнал нахлынувшие воспоминания и снова подумал о предстоящих боях, о форсировании Пилицы. Река коварная, течение быстрое, лед, по сообщениям разведчиков, тонкий, придется искать брод. Ко всему еще болотистые берега, сверху намерзла корка, а проломишь ее и очутишься в трясине — тягач не вытащит...

Занятия по боевой подготовке надо подчинить одной цели — детальному изучению местности в районе предстоящих действий, предусмотреть все до мелочей.

На следующее утро бригада получила приказ о наступлении. Вперед с разведчиками ушел опытный, смелый офицер Днепров.

По пути чуть было не врезались во вражескую автоколонну. «А что если пристроиться в хвост, посмотреть и тогда открыть огонь?» — подумал Днепров.

Выбрав удобный момент, танкисты ударили по автоколонне. Орудия и пулеметы били почти в упор. Машины разлетелись в щепки, гитлеровцы кинулись в лес.

Воспользовавшись паникой, разведчики свернули в сторону и скрылись в темноте.

Вскоре показалась белевшая в ночном мраке широкая полоса замерзшей Пилицы. Взвод лейтенанта Кравченко сбив боевое охранение противника, вышел к реке.

Когда стрельба утихла, Днепров с группой десантников спустился на лед. Измерили толщину: всего десять — пятнадцать сантиметров. Танки не пройдут. Теперь важно узнать, какие силы сосредоточили гитлеровцы на противоположном берегу. Решили взять «языка».

По льду продвигались по-пластунски. Белые маскхалаты помогли остаться незамеченными.

На берегу сразу же наткнулись на проволочное заграждение. Но предусмотрительный Днепров приказал захватить все необходимое. Работали спокойно, быстро. Ни одним неосторожным звуком не выдали себя. В полной тишине подползли к боевому охранению. Прислушались. В окопе мирно болтали ничего не подозревавшие часовые.

Через несколько секунд оба часовых были скручены и доставлены командиру. «Языки» оказались разговорчивыми. Теперь командир бригады мог принимать решение.

Батальону автоматчиков было приказано захватить плацдарм. Два танковых батальона и приданный бригаде самоходно-артиллерийский полк подполковника Мельникова ударили по обороне гитлеровцев и ближайшим населенным пунктам, где наблюдалось скопление войск противника.

Под прикрытием огня самоходок автоматчики пошли в атаку. Первым спустился на лед взвод лейтенанта Меньшикова. Он должен был отвлечь на себя внимание гитлеровцев, ворваться в траншеи и завязать бой.

Но был момент, когда казалось, что атака сорвалась. Освещаемая ракетами ледяная поверхность реки простреливалась со всех сторон. Осколки и пули вонзались в лед. Огонь очень сильный, но залечь нельзя. Только вперед. Автоматчики ринулись на врага. Во вражеских траншеях закипела рукопашная. Командир взвода гранатой уничтожил пулемет, скосил автоматной очередью набежавших гитлеровцев. Потом повел своих гвардейцев на прибрежную деревушку Стамеровцы, выбил из нее противника.

Пока пехота вела бой, саперы рвали лед. Они работали всю ночь, и к рассвету танки переправились на противоположный берег.

Первым форсировал Пилицу батальон Карабанова. Головной шла рота коммуниста старшего лейтенанта Орликова.

Когда комбригу доложили, что танки Карабанова вступили в бой, он облегченно вздохнул — теперь плацдарм удержим. Пора наводить понтонный мост.

Саперы приступили к работе. Все, кто наблюдал за ними в эти часы, поражались их мужеству: солдаты и офицеры работали в ледяной воде. Мост рос буквально на глазах, и вот уже по оседающим от многотонной тяжести понтонам движутся танки майора Боридько.

Теперь очередь за Пинским. Гусаковский нетерпеливо посматривал на часы. Где же батальон Пинского? Поспеет ли он вовремя к переправе? Сложно ночью пройти большое расстояние, легко сбиться с дороги, кроме того, можно ввязаться в бой, ведь кругом, слева и справа от гигантского клина, прорубившего оборону противника до самой Пилицы, остались очаги сопротивления.

А майор Пинский скрытно вел свой батальон. Маршрут был выбран удачно. Только в одном месте неожиданно напоролись на противника.

Командирский танк ударил в борт бронетранспортера, опрокинул его.

Батальон снова устремился вперед. Дорога пошла под уклон, впереди показалась река. Широкое белое русло пересекала черная полоса понтонов, по зыбкому настилу медленно шел танк. Недалеко от моста одиноко стоял бронетранспортер комбрига, возле машины шагал взад-вперед Гусаковский.

Колонна остановилась, Пинский подбежал к комбригу с докладом. Тот жестом остановил майора, обнял его.

— Спасибо тебе! Не ожидал, что так скоро догонишь, все-таки время ночное, да и расстояние немалое. Вижу, батальон в надежных руках. Передай благодарность танкистам. Давай карту, ознакомлю с обстановкой.

Батальон Пинского начал переправу и вскоре сосредоточился на противоположном берегу. Командир батальона вызвал старшего лейтенанта Бахмарова.

— Залезай в танк, посмотрим карту.

В. И. Ленин и Сухэ-Батор. Худ. Н. Чултэм

Маршал Х. Чойбалсан передает воинам бригады танковую колонну «Революционная Монголия». 1943 г.

Танкисты принимают новую боевую технику. 1943 г.

И. И. Рыбалко. 1943 г.

Встреча монгольской делегации в прифронтовом лесу. 1943 г.

А. Л. Гетман и М. Т. Леонов. 1943 г.

Святыня 44-й бригады. У знамени начальник штаба А. И. Воробьев. 1945 г.

П. П. Гетьман. 1942 г.

С. Е. Вобян. 1943 г.

А. И. Воробьев. 1944 г.

Герой Советского Союза А. Ф. Ковальский. 1945 г.

Ф. П. Боридько. 1945 г.

Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Самбу вручает награды воинам-танкистам. 1964 г.

Министр обороны МНР генерал-полковник Б. Дорж осматривает новую комнату боевой славы. 1966 г.

Открытие памятника Сухэ-Батору в танковой части. 1973 г.

Товарищ Ю. Цеденбал вручает Золотую звезду Почетного гражданина МНР товарищу Л. И. Брежневу. 1974 г.

Комбат включил фонарик, луч света выхватил из мрака лицо молодого офицера. Широкие брови нависают над глазами, придают Бахмарову суровое выражение. Но внешность обманчива: старший лейтенант — человек добродушный, веселый.

Бахмаров протянул сложенную гармошкой карту. Пинский развернул ее, быстро окинул взглядом и, вынув из планшетки карандаш, сделал пометку.

— Здесь, у деревушки Веньжевец, прикроете нас своим взводом. Потом догоняйте по этому маршруту.— Пинский быстрым движением провел на карте линию.— Ясно?

Бахмаров молчал. Все правильно, обдумывает задачу. Пинский ценил расчетливых, толковых командиров, не таких, кто торопится выкрикнуть уставное «есть», не вникнув как следует в суть дела.

Бахмаров взглянул на командира батальона.

— Задача ясна. Разрешите выполнять?

Через несколько минут танки взвода Бахмарова, потушив фары, свернули вправо. Когда прибыли на место, Бахмаров вылез из люка. Впереди темнела окраина деревушки. Вернувшиеся разведчики доложили, что метрах в двухстах у дороги сараи с сеном. Бахмаров приказал командиру саперного взвода:

— Дорогу немедленно заминировать. Возле сараев выставить «секрет». Как только появится противник и его машины начнут подрываться на минах, сараи поджечь. Возвращайтесь по лощине. Мы займем оборону здесь.

— Есть, товарищ старший лейтенант!

Десантники немного поспорили, каждому хотелось побыть в «секрете». В конце концов поставили младших сержантов Максимова и Коженевского. Они затаились, приготовив гранаты.

Медленно тянулось время. На рассвете послышался шум моторов. Немецкая колонна — танки, бронетранспортеры и артиллерия — шла на большой скорости, разумеется, не рассчитывая встретить противника.

Сильный взрыв — и гусеница переднего танка развернулась. Танк подорвался на искусно замаскированной мине, перекрыв массивным корпусом неширокий грейдер. Ярко вспыхнули сараи, подожженные бутылками с КС, осветив колонну, грянули танковые пушки, застрочили пулеметы.

6 Зак. 3738

Немцы бросились назад. Не видя противника, они решили, что силы его значительно превосходят их собственные, и не смогли оказать сколько-нибудь решительного сопротивления. В результате скоротечного боя было сожжено два танка, восемь бронетранспортеров. Старший лейтенант Бахмаров со своим взводом без потерь догнал батальон.

Бригада продолжала наступление. Утром Гусаковский собрал командиров:

— Нам предстоит овладеть городом Лович. Но впереди вражеская линия обороны, причем не простая. Немцы создавали ее еще в первую мировую войну. По данным разведки, гитлеровцы восстановили и усовершенствовали старые укрепления, отрыли глубокие рвы, установили надолбы и минные поля.

— Сокрушим, — сказал майор Карабанов. — Не впервой.

— Ваш батальон идет первым,— сказал Гусаковский.— Немцы замышляют взорвать мост через реку, ваша задача — не допустить этого. На станции стоит много эшелонов с оборудованием, мы должны помешать фашистам угнать их в Германию.

Карабанов вызвал добровольцев. Командир взвода старший лейтенант Никонов попросил взять его взвод.

— Хорошо. Придадим саперов и автоматчиков.

Взвод ушел вперед. Механики-водители выжимали из тридцатьчетверок предельную скорость. Когда впереди показался город, Никонов приказал танкам укрыться в лощине, чтобы не обнаруживать себя раньше времени.

— Автоматчики и саперы, за мной!

Метрах в трехстах от моста они залегли. Решили действовать двумя группами. Первая снимает часовых и разминирует мост, вторая прикрывает.

— Учтите,— наставлял Никонов,— в домике, что возле моста, немцы-подрывники, их тоже надо успокоить, иначе выскочат, шум поднимут.

— Сделаем, товарищ командир.

Автоматчики старшины Сергеева подобрались скрытно к мосту и напали на часовых. Те не успели даже вскрикнуть. Саперы полезли под мост, нашли взрывчат-

ку и кинжалом перерезали детонирующий шнур, обезвредив заряд.

Никонов выстрелом из ракетницы подал сигнал. Тридцатьчетверки на полной скорости влетели на мост.

Фашисты всполошились, но группа Никонова была уже на центральной площади города. Организованное сопротивление Никонов встретил только на улице, ведущей к железнодорожной станции.

Танковые пушки били по немецкой обороне, вдали высилась баррикада из кирпичей, сбитых телеграфных столбов.

— Э-э, так мы тут провозимся, а эшелоны фашисты угонят!

Никонов приказал младшему лейтенанту коммунисту Бенберину выйти кружным путем на железнодорожное полотно и разрушить его.

Машина Бенберина ушла к станции. Бой вспыхнул с новой силой. На два танка и горстку десантников со всех сторон навалились фашисты. Сколько их? Трудно сказать, и конечно, Никонову и его товарищам было не до арифметических вычислений.

Вскоре на улицах показались наши танки. Это батальон Карабанова спешил на помощь отважному взводу. Никонов бросился к железнодорожной станции, где в полном одиночестве дрался экипаж Бенберина. Немцы, отбиваясь от наседавшей тридцатьчетверки, пытались вывести эшелоны, подгоняли паровозы, но Бенберин один за другим выводил их из строя. Увидев еще советские танки с десантниками на борту, гитлеровцы кинулись врассыпную.

Десантники прочесали вокзал, выбили из пристанционной постройки засевших там гитлеровцев и уже возвращались к танкам, когда заметили на перроне каких-то людей в шляпах. Те пытались удрать. Десантники пустили поверх их голов короткую очередь из автомата, и неизвестные дружно выполнили хорошо знакомую каждому фронтовику команду «хенде хох». Это были три переодетых офицера и комендант города.

Впереди — Гнезно, крупный промышленный центр. Гитлеровцы пытались сдержать наступление гвардейцев. Упорный бой завязался за деревню Цегельня. Обстановка порой складывалась так, что в бой вступали те, кому в обычных условиях делать это не приходилось. Капитан

интендатской службы Неклюдов, сопровождая боеприпасы и горючее, неожиданно столкнулся с противником. Быстро собрав своих солдат — охрану и шоферов, интендент организовал отпор врагу и не подпустил немцев к колонне.

Чем ближе подходили бойцы бригады к городу, тем яростнее становилось сопротивление фашистов.

Батальон майора Пинского с десантом на броне двигался через лес по просеке. Наконец оборвалась бесконечная шеренга сосен; где-то поблизости деревня. Комбат выслал разведку — танковый взвод лейтенанта Сергея Озерова с автоматчиками. Часть десантников спешилась и направилась лощиной, а танки — прямо.

Вслед за разведкой двинулся батальон. Командир батальона не спускал глаз с машины Озерова. Вот он вышел на дорогу. Зачем? Ведь там могут быть мины! Пинский отдал по радио приказ командиру сойти с дороги. Тот ответил:

— Вас понял! Выполняю.

В этот момент грянул взрыв, и танк Озерова окутался дымом.

Комбат поспешил к машине Озерова. Возле нее стояли подбежавшие автоматчики.

— Фаустник! Из окна ударил, гад!

Фаустника застрелили автоматчики, но фашист сделал свое дело.

Гибель одного из лучших офицеров батальона и его товарищей потрясла майора Пинского. Чем ближе конец войны, тем больнее переживаешь потерю боевых друзей. Но задерживаться нельзя. Матвей Савельевич поручил своему заместителю организовать захоронение; самому же надо было продолжать выполнять боевую задачу.

Прежде чем принять решение, майору Пинскому надо было самому все увидеть.

Он выбрался на гребень высотки, из-за кустов внимательно осмотрел в бинокль окрестности.

До деревни, растянувшейся на восток в виде буквы «Т», было не больше километра. Быстро созрело решение. Если разведчики доложили, что с запада чисто, нет ни артиллерии, ни пехоты, значит, надо основными силами батальона ударить именно с этой стороны.

Майор Пинский приказал лейтенанту Пелевину, когда батальон пойдет в обход, оставаться со взводом на месте и наблюдать за противотанковыми пушками противника. Как только они развернутся и откроют огонь, атаковать их на максимальной скорости, накрыть огнем, раздавить гусеницами.

До западной окраины было около пяти километров. Гитлеровцы все-таки услышали звук моторов, но они не знали, сколько танков подходит. А батальон внезапно появился там, где его совершенно не ожидали.

Особенно отличилась рота Ивана Хотовича Кравченко. Именно она расстреляла штаб фашистского полка и до батальона пехоты противника.

Когда же фашистские артиллеристы развернули свои орудия против наших танков, лейтенант Кравченко подал команду «Вперед», и его машины рванулись вниз по склону на деревню.

Вражеские артиллеристы попытались направить огонь против наших танков, но в этот момент по ним открыла огонь вторая танковая рота. В итоге боя было уничтожено девять противотанковых орудий, четыре бронетранспортера, более сотни гитлеровцев.

21 января бригада подошла к городу Гнезно. Первыми на улицах появились танки Карабанова. Они пронеслись по городу, словно ураган. Гитлеровцы, ошеломленные быстротой атаки, не смогли организованно отойти, их отступление походило на беспорядочное бегство, гвардейцы буквально по пятам ворвались в следующий населенный пункт.

Могли бы и дальше продолжать преследование, но комбриг остудил горячие головы; он не хотел рисковать. Приказал закрепиться и привести в порядок материальную часть.

Решение оказалось своевременным: поблизости находились крупные силы гитлеровцев. Едва танкисты начали копаться в машинах, устраняя незначительные повреждения, их «отвлекли» от этого полезного занятия вражеские автоматчики, а чуть позже и танки. Гитлеровцы попытались отбить город, но гвардейцы держались стойко.

Командир бригады приказал провести разведку окрестностей. Один из танковых взводов наткнулся на

аэродром противника. Десятки истребителей и бомбардировщиков стояли на летном поле.

— Вот это подарок! — воскликнул кто-то.— Сам в руки просится!

— Уничтожить!

Выполнять приказ комбрига направились два танковых взвода и взвод автоматчиков под командованием майора Пинского. Матвей Савельевич инструктировал кратко, разъяснил задачу образно:

— Прихлопнем, как мух! Но только в том случае, если будем действовать скрытно и не спать на ходу.

Танкисты не спали. А немцы, по всей вероятности, прошляпили и обнаружили танки только тогда, когда огневые точки, охраняющие аэродром, стали одна за другой взлетать на воздух. Танковые пушки с ходу били по аэродрому, гитлеровцы, бросая оружие, разбегались кто куда. Из барака, в котором жили летчики, высыпали полуодетые фашистские асы, многие бросились к самолетам, но десантники скосили их из автоматов, а танки уже вырвались на летное поле.

Тридцатьчетверки таранили самолеты, били из пушек, один за другим вспыхивали «мессершмитты» и «юнкерсы». Более двухсот самолетов было уничтожено на земле — огромный урон нанесен врагу!

Бригада продолжала наступление, освобождая города и села Польши, уходила все дальше и дальше на Запад. Вечером 22 января передовой отряд достиг городка Оборники на реке Варте. Гусаковский хотел с ходу захватить населенный пункт и форсировать Варту, но этот замысел осуществить не удалось. Фашистское командование сосредоточило в Оборниках сильный гарнизон, специальные подразделения фаустников, много артиллерии и танков. Почти все каменные дома были превращены в доты, неподалеку проходил глубокий противотанковый ров.

— Зубастый городишко,— ворчали танкисты,— огрызается, не сдается...

— Ничего, обломаем...

После тщательной разведки вражеской обороны проделали проходы в минных полях, и штурм возобновился. Ему предшествовал огневой налет. Отлично стре-

ляли артиллеристы 1454-го самоходного полка подполковника Мельникова. Над окраиной городка поднялся черный дым пожаров.

Казалось, сметены все огневые точки противника, но когда танки пошли в атаку, по ним ударили вражеские орудия. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Однако остановить наступательный порыв гвардейцев было невозможно, рота старшего лейтенанта Казьмина уже дралась на улицах города. А улочки узкие, переулки кривые. На перекрестках засели фаустники, то и дело мелькали они в окнах домов. Гусаковский не даром тревожился за танки.

— Командиру мотострелкового батальона Юдину прикрыть танки!

Автоматчики заметались по улицам, выкуривая фаустников. Перестрелка в городе усиливалась, но наши бойцы подбирались к вражеским гнездам, забрасывали их гранатами. Рядовой Вербин уничтожил станковый пулемет, установленный на чердаке двухэтажного дома. Командир огневого взвода старшина Брылев выдвинул пушки на прямую наводку, уничтожил бронетранспортер и две пулеметные точки.

Но все же в тот день взять Оборники не удалось. Не увенчалась успехом и вторая атака. Гусаковский решил форсировать Варту в другом районе, где, по данным разведки, оборона противника была наиболее слабой.

Комбриг доложил о своих соображениях командиру корпуса, но у того были другие планы, и Гусаковский получил приказ сдать обороняемый участок подошедшим частям.

Командование задумало осуществить маневр в обход Познани. Быстро и организованно бригада «Революционная Монголия» совершила марш к месту переправы, форсировала Варту и к исходу дня 25 января сосредоточилась южнее Познани.

Последние километры многострадальной, истерзанной почти шестилетней оккупацией польской земли.

Вечером 26 января бригада вошла в Подбеже и Пинне. Повсюду развевались советские и польские флаги — население приветствовало танкистов.

Комбриг приказал остановиться: необходимо подтянуть тылы, привести в порядок машины. Выслав разведку, собрав командиров батальонов, он коротко подвел итоги и поставил задачу:

— Один бросок нам остался. Один. Дальше — Германия!

Стало очень тихо. И в наступившей тишине комбриг произнес:

— Дошли...

Танки устремились к реке. Узенькая, незаметная, она петляет между лесистых холмов, на которых застыли неподвижные ветряные мельницы. Мирный, патриархальный пейзаж. А за рекой такие же стройные молодые сосенки, но солдаты напряженно всматриваются, прикрывая глаза от солнца: кажется, что на той стороне необычная, какая-то особенная земля — фашистская Германия.

Утро. Бригада получила приказ форсировать реку Обру. У всех, от комбрига до солдата, сидящего на броне, приподнятое настроение — сейчас танки вторгнутся в Германию.

Комбриг поднимает красный флажок.

— Вперед!

Мгновение — и тридцатьчетверки, взбудоражив зеленовато-сизую воду, вырываются на противоположный берег. Бригада «Революционная Монголия» начала победный путь по вражеской земле.

В ВОСТОЧНОЙ ПОМЕРАНИИ

В первый же день продвинулись на тридцать километров. Гитлеровцы сопротивлялись вяло, чувствовалось, что они скапливают силы на каком-то рубеже.

Гусаковский тревожился: больно легко даются первые километры на вражеской земле. Что это? Беспечность уверенного в своих силах противника? А может быть, расчет?

После взятия крохотного городка Калау обеспокоенный комбриг приказал остановиться и выслал вперед разведчиков. Они вернулись обескураженные, а их донесение еще больше насторожило Гусаковского. Путь преграждают ряды стальных надолб. Они тянутся широкой полосой с севера на юг. Тянутся далеко, до самого горизонта, границ этой полосы разведчикам установить не удалось.

Гусаковский понял — перед ним Мезеритцкий укрепленный район, один из многочисленных оборудованных по последнему слову техники комплексов оборонительных сооружений, прикрывавших центральные районы Германии.

Главная линия имела в глубину несколько десятков километров. Железобетонные доты с двухметровыми стенами, над которыми возвышались купола из толстой брони или артиллерийские бронебашни, выдвигаемые из глубины специальными подъемниками.

Все сооружения соединялись подземными тоннелями. Глубоко под землей размещались штабы, узлы связи, склады боеприпасов и госпитали. С дотами они соединялись лифтами. На подступах и во всей глубине обороны были вырыты противотанковые рвы и канавы-ловушки, в шесть-семь рядов торчали «зубы дракона» — надолбы.

Противник загадочно молчит, не взмывают ракеты. Что там впереди? Разведчики предупреждали, что в дотах засели гарнизоны. Правда, промежутки между дотами не заняты полевыми войсками, но ведь выставляют же немцы часовых, охранение. Неужели противник не замечает ничего подозрительного?

— Да, ничего утешительного,— задумчиво произнес Гусаковский, выслушав обстоятельный доклад разведчиков. Коренастый, невысокий сержант в телогрейке, перехваченной потертым ремнем, заметил:

— Некоторые надолбы вроде повыше остальных.

— И шатаются,— добавил второй разведчик,— словно гнилой зуб.

Вот оно что! Командир бригады приказал проверить подозрительные надолбы. Оказалось, что они только вставлены в гнезда и не закреплены. Да это же готовые проходы!

Бригада ворвалась в укрепленный район, вскрыв его, словно консервную банку.

Главную полосу прошли почти без потерь. С пулеметными дотами гвардейцы справлялись успешно, танки подходили к доту вплотную, закрывали амбразуры, а саперы в вентиляционные отверстия спускали взрывчатку. Труднее было расправляться с пушечными дотами — толстые стены надежно защищали расчеты, танки били в упор по этим дотам, но стены выдерживали. Однако и к ним приноровились. Их «освоили» самоходчики. Механики-водители засекали дот по вспышкам и подходили почти вплотную, снаряд посылался точно в амбразуру и выводил вражеское орудие из строя. Отличались и саперы: подкрадывались к дотам, стремясь попасть в мертвое пространство, подкладывали взрывчатку, и дот взлетал на воздух.

Ночью 29 января батальон майора Карабанова подошел к городу Хохвальде. Вспыхнул встречный бой с частями немецкой группы «Рейнгард». Гвардейцы наголову разгромили врага. Но радость победы омрачилась тяжелой утратой — погиб Алексей Алексеевич Карабанов, замечательный командир, боевой товарищ. Карабанов был необычайно смелым человеком. Пренебрегая опасностью, он нередко покидал танк, чтобы разобраться в обстановке, увидеть, как идет бой. Какой бы ни был огонь, Карабанов, если требовалось, выходил из танка.

Бригада развивала наступление. В брешь, пробитую танковым батальоном Карабанова, вошли батальоны Боридько и Пинского. Сломив сопротивление врага, бригада «Революционная Монголия» по узкому коридору преодолела Мезеритцкий укрепленный район и заняла город Мальсов. Так пал первый стратегический рубеж на пути к Берлину. Бригада вышла к Одеру.

Проложить дорогу на западный берег предстояло автоматчикам батальона Героя Советского Союза капитана Юдина.

Капитан вызвал лейтенанта Меньшикова.

— Отбери добровольцев — и на ту сторону!

— Мой взвод готов, товарищ комбат!

— Возьмешь шесть бойцов, всем одеть маскхалаты.

— Есть!

По тонкому льду смельчаки благополучно добрались до берега.

По сигналу за ними последовал взвод Меньшикова. За взводом переправился и весь батальон. Но тут противник будто проснулся. Батальон атаковали гитлеровцы. Тогда бойцы Меньшикова зашли немцам во фланг и дружным огнем из автоматов уничтожили большую часть атакующих, а остальных захватили в плен.

Заминка вышла на окраине деревни Рейтвейн: бойцов прижал к земле пулеметный огонь. Лейтенант Меньшиков приказал сержанту Гуделевичу и младшему сержанту Бондаренко уничтожить фашистских пулеметчиков. Бойцы перебежками, а где ползком подобрались к немцам. Послышались взрывы гранат, и пулемет замолчал. Меньшиков поднял бойцов, и взвод ворвался в деревню.

А через Одер уже переправлялись танки. Одна за другой боевые машины уходили туда, где гремел бой за плацдарм.

23 февраля 1945 года маршал Чойбалсан поздравил танкистов с боевыми победами. В подразделениях в торжественной обстановке перед строем была зачитана приветственная телеграмма руководителя братской страны:

«Монгольский народ следит за героическими подвигами Красной Армии и восхищается ее победами... с

радостью отмечает замечательные подвиги вашей бригады... В эту знаменательную годовщину желаю вам дальнейших успехов в вашей героической борьбе за честь, свободу и независимость свободолюбивых народов мира.

Слава героической танковой бригаде «Революционная Монголия», ее бойцам и офицерам!»

Утро занималось туманное, моросил мелкий надоедливый дождь. Первый день весны. Ровно в 8 часов началась артиллерийская подготовка, низко прошли на штурмовку «илы».

Бригада «Революционная Монголия» завязала бои за Неренберг. К вечеру автоматчики при поддержке танкового взвода лейтенанта Каримова зацепились за окраину города.

В боевые порядки головного отряда прибыл командир бригады. Город тонул в сумраке, лишь зарево пожаров освещало временами низкое небо. Комбриг всматривался в размытые очертания высоких зданий, остроконечные шпили кирх, думал о завтрашнем дне.

Выслушав доклады командиров батальонов, Гусаковский приказал закрепиться и в течение ночи тщательно разведать силы и систему обороны противника.

Комбриг не спеша шел от танка к танку, прислушиваясь к выстрелам, доносившимся из города. Возле одного танка он услышал негромкий разговор. По голосам узнал опытного механика-водителя Юрия Борисова и техника Сеню Варина. Гусаковский усмехнулся: Сеня Варин известный дока в ремонтном деле, но и Борисов отличный специалист — любят ребята потолковать о машинах.

— В нашем деле мелочей нет и быть не может,— горячо доказывал Варин. Допустим, шплинт пальца трака гусеницы. На первый взгляд, не бог весть какая важная деталь, танковая пушка поважнее, а попробуй-ка без него! Нет шплинта, вылез палец из трака, лопнула гусеница, танк остановился, превратился в хорошую мишень...

— У нас такого быть не может. Никогда.

— Почему?

— Не может у нас быть такого. Ведь кто у нас главный технический советник? Ремонтный бог? Сеня Варин!

Танкисты расхохотались, улыбнулся и комбриг. Сеня Варин действительно работает артистически. Мчится на мотоцикле за танками и в случае чего он тут как тут, вылезает из коляски с инструментами и за дело. Гусаковский вспомнил, как Варин на этой коляске вывозил из-под огня раненых танкистов. Отличный парень!

На рассвете снова бой.

В единоборстве с противотанковой батареей многое зависело от умения механиков-водителей. Но за рычагами управления боевых машин сидели настоящие асы. Старший сержант Волков, искусно маневрируя, вывел танк на батарею, уничтожил несколько орудий, расстрелял убегающий расчет.

Не менее искусно действовали в бою за Неренберг и другие водители. Старшина Быков вступил в поединок с вражеской самоходкой и уничтожил ее. Умело сражались и десантники: огнем автоматов, гранатами выбивали гитлеровцев из подвалов, с чердаков. После двухчасового боя Неренберг был взят.

16 марта полковник Гусаковский получил приказ поддержать стрелковую дивизию, наступавшую на Гдыню. Ближайшая задача — взять маленький город почти на самом берегу Балтийского моря Кляйн-Катц.

— Прихлопнем «маленькую кошку»,— смеялись гвардейцы, когда узнали, что означает название городка.

Но «маленькая кошка» показала когти. Фашистские части дрались с упорством обреченных.

Здесь, на берегах Балтики, в ожесточенных схватках с врагом погиб коммунист, командир батальона Герой Советского Союза Федор Боридько. Он вел танкистов на штурм опорного пункта гитлеровцев. Батальон разгромил противника, чем обеспечил продвижение всей бригады, но осколок снаряда сразил комбата.

В конца марта бригада подошла к западной окраине Гдыни.

Исход боя решили умелый маневр и меткий огонь танковой роты лейтенанта Бабкина. Гвардейцы ударили по фашистам из засады, уничтожили две «пантеры» и до сотни гитлеровцев.

28 марта Гдыня была очищена от оккупантов.

НА БЕРЛИН

Совершив четырехсоткилометровый марш, бригада «Революционная Монголия» сосредоточилась в густом лесу южнее Ландсберга. Могучие мачтовые сосны тревожно гудели, словно лесу передалось то огромное напряжение, тот боевой накал, то волнение, которое охватило всех воинов в преддверии великой битвы: впереди — Берлин!

Четыре долгих военных года шли сюда гвардейцы. От заснеженных полей Подмосковья, через спаленные солнцем курские степи, по Украине, польской земле, Померании. И вот танки с монгольскими именами на броне стоят уже недалеко от столицы третьего рейха...

Бригада готовилась к предстоящим боям. Штаб изучал обстановку, подсчитывал силы, подразделения готовили боевую технику и оружие, отрабатывали приемы и способы ведения боя. Были созданы две штурмовые группы из обстрелянных солдат и сержантов во главе с опытными командирами и политработниками. Каждый воин получил разработанную Военным советом 1-й гвардейской танковой армии листовку-памятку, в которой излагались рекомендации по ведению боя в крупном населенном пункте.

Хватало хлопот и ремонтникам. За последние три месяца танки прошли с боями более двух тысяч километров. Сене Варину и его товарищам пришлось проявить немалую находчивость: не хватало запасных пальцев траков, а старые износились, пришли в негодность. Но ремонтники — народ сообразительный. Использовали опыт армейского ремонтно-восстановительного батальона подполковника Шабохина; разыскали подходящую сталь, головки штамповали вручную и слегка закаливали. Танки

были подготовлены в установленные командованием сроки.

В штабе командиры изучали крупномасштабные карты. Полковник Гусаковский обрисовывал конкретную обстановку:

— Все пространство от Одера до Берлина представляет собой глубоко эшелонированную оборону, состоящую из трех основных оборонительных рубежей, нескольких промежуточных и отсечных рубежей и Берлинского укрепленного района.

Местность «помогает» фашистам. Впереди лесные массивы, множество рек, каналов, ручьев, малых и больших озер. В населенных пунктах каждый каменный дом — опорный пункт, узел сопротивления. Тут и противотанковая пушка, и фаустники.

Дороги перекрыты рвами, баррикадами, завалами, есть надолбы, эскарпы, проволочные заграждения — словом, плотная система противотанковых препятствий. Ну и в самой фашистской столице укреплений не счесть, а войска получили приказ Гитлера сражаться до последнего патрона.

Но мы прорвем вражескую оборону и овладеем Берлином — это наша почетная задача, товарищи!

Совещание закончилось поздно вечером. А утром по подразделениям разошлись политотдельцы. Всю подготовку и организацию боевых действий пронизывала большая партийно-политическая работа. Политработники, коммунисты, комсомольцы, командиры твердо помнили слова Ленина о том, что «победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь».

В ходе партийно-политиической работы учитывался величайший моральный подъем, которым были охвачены гвардейцы. Во всех частях прошли партийно-комсомольские собрания, на которых говорилось о роли и месте комсомольцев и коммунистов в бою за Берлин. Корпуса танков украсили новые надписи: «Даешь Берлин!».

Ночью 16 апреля 1945 года ослепительные вспышки разрезали мглу, небо озарилось разноцветными трассами; началась артиллерийская подготовка, на позиции врага обрушилась огненная лавина.

Как завороженные смотрели гвардейцы на это зарево: ветераны Московской битвы, сражения на Курской дуге, на сандомирском плацдарме ничего подобного еще не слышали. Залпы орудий и минометов, разрывы бомб слились в сплошной гул.

В полдень бригада «Революционная Монголия» получила новый приказ. Танки легко обогнали наступающую пехоту, но в трех километрах от Зеелова встретились с упорно обороняющимся противником.

Передовой отряд вступил в бой с «тиграми» и «пантерами», у крутых скатов Зееловских высот завязались ожесточенные схватки. Полковник Гусаковский решил обойти Зеелов с юга. Нанеся удар в юго-западном направлении, бригада овладела фольварком Людвигслуст.

Первыми ворвались сюда танки взвода Героя Советского Союза Кравченко. Иван Хотович остановил тридцатьчетверку, откинул люк, с жадностью вдохнул влажный апрельский воздух и тут же его захлопнул: с противоположной окраины в фольварк втягивались фашистские танки.

Разведка! Кравченко приказал взводу укрыться за домами. Взвод успел занять выгодную позицию, противник приближался, не замечая засады. Показался головной танк, за ним шла «пантера».

— Огонь!

Головной танк был подбит с первых же выстрелов, загорелась «пантера», закрутился на месте с перебитой гусеницей «тигр», уткнулся в стену дома второй. Танки Кравченко выдвинулись вперед, продолжали вести огонь, обратив в бегство вражескую пехоту. Вскоре к фольварку подтянулась вся бригада.

«Революционная Монголия» атаковала населенный пункт Фриденсдорф и выбила из него немцев, но гитлеровцы контратаковали. И снова, в который раз, пришли на помощь самоходчики подполковника Мельникова. Самоходки били по фашистским танкам прямой наводкой, проламывали бортовую броню, сбивали башни, повергая врага в ужас меткостью стрельбы и мощностью орудий. В этом бою экипажи самоходок старших сержантов Кибизова, Третьякова и Гармидера уничтожили три «тигра», четыре средних танка, несколько орудий. Командиру

полка подполковнику Мельникову и сержанту Кибизову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Утром 18 апреля бригада начала наступление на Янсфельде и к вечеру овладела населенным пунктом. На следующее утро завязали бои за Мюнхеберг. Но городок пришлось обойти с юга. Ломая сопротивление врага, «Революционная Монголия» продвигалась к фашистской столице.

Наступило 19 апреля — четвертый день боев. В 17 часов после артиллерийской подготовки 44-я гвардейская танковая бригада «Революционная Монголия» ворвалась в Шенфельде. Танковая рота под командованием старшего лейтенанта Зевакова была атакована танками, штурмовыми орудиями и батальоном пехоты противника. С ходу развернув роту в боевой порядок, Зеваков метким выстрелом подбил вражеский танк. Открыли огонь и остальные тридцатьчетверки.

Умело и дерзко действовали танкисты. Гвардейцы раздавили две фашистские противотанковые пушки, уничтожили четыре штурмовых орудия и до двухсот гитлеровцев.

21 апреля ночью 11-й гвардейский танковый корпус прорвал отсечный оборонительный рубеж врага в районе Кагеля. Решающую роль в этом сыграла «Революционная Монголия». Танковая рота старшего лейтенанта Бахмарова стремительной атакой захватила мост у Тасдорфа.

Однако тут же был получен приказ командира корпуса полковника Бабаджаняна — бригаде повернуть на Берлин. Эта весть вызвала огромное воодушевление у воинов бригады и приданных ей самоходных и зенитных артиллерийских подразделений. На коротких митингах бойцы и командиры поклялись выполнить поставленную боевую задачу.

С удесятеренными силами гвардейцы нанесли удар западнее Рюдерсдорфа и прорвались к каналу в этом районе, затем переправились на противоположный берег и утром 22 апреля, сломив яростное сопротивление гитлеровцев, подошли к восточной окраине Берлина.

Вести наступление в огромном городе было делом очень сложным. Для танкистов трудности возрастали еще и потому, что отстали тылы, в ход пошло горючее из за-

пасных бачков и канистр. Мало оставалось и снарядов — половина боекомплекта. Экипажи несколько суток не смыкали глаз.

Навстречу танкистам противник непрерывно подбрасывал свои резервы. Войскам буквально приходилось «прогрызать» вражескую оборону. Повсюду баррикады с «сюрпризом»: двойной деревянный сруб, засыпанный битым камнем, слева направо перекрывает две трети улицы. Такой же сруб через несколько метров перекрывает улицу на две трети справа налево. Мостовые нафаршированы минами, множество фаустников. Но фаустников отлично выметают наши автоматчики: строчат по подвальным оконцам, поливают огнем подозрительные места. Сколько танков спасли десантники, скольким экипажам сберегли жизни!

Танкисты тоже настороже и всегда готовы прийти на помощь друзьям-десантникам. Орудие заряжено фугасно-осколочным снарядом, новый диск вставлен в спаренный с пушкой пулемет: башенный стрелок бьет по затаившимся фаустникам, а автоматчики на броне довершают дело.

По улице проехать невозможно, танки сворачивают во дворы, таранят стены. Трещат автоматы десантников, а из развалин несмело тянут нацепленные на палку носовые платки фольксштурмовцы. Гвардейцы продвигаются вперед. Город горит, с серого неба сыплется подмоченный дождем пепел.

Короткая весенняя ночь, небо подсвечено отблеском пожаров. Теперь можно отдохнуть часок, осмотреть машины, а на рассвете снова в бой. Ожесточенные схватки вспыхивают за перекрестки, за каждый дом. Сотни орудий и минометов не прекращают своей разрушительной работы.

Ночью 23 апреля бригада вышла к Шпрее. Штаб корпуса получил первую радиограмму об успехах гвардейцев. Начальник политотдела бригады «Революционная Монголия» подполковник Помазнев сообщал: «В 8.30 взводом младшего лейтенанта Аверьянова Константина Владимировича, кандидата в члены партии, командиром танка младшим лейтенантом Бектимировым Федором Юрьевичем, членом ВЛКСМ, которые первыми вошли в Берлин, водружено знамя над зданием штаба фольксштурма».

Однако следующее известие, полученное позднее, встревожило штаб: бригада вырвалась вперед и оказалась отрезанной от корпуса, попав в окружение. Гитлеровцы яростно контратаковали со всех сторон.

Главные силы корпуса устремились на помощь «Революционной Монголии». Тем временем ее воины мужественно отражали натиск противника. Все его попытки сжать кольцо окружения разбивались о стойкость и выдержку гвардейцев. В этих тяжелых боях Гусаковский, как всегда, спокойно и уверенно руководил боевыми действиями. Комбриг умело организовал взаимодействие танкистов, автоматчиков, артиллеристов. Вскоре при поддержке двух частей корпуса кольцо окружения было прорвано.

По приказу командира корпуса «Революционная Монголия» с приданным 399-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком подполковника Кобрина перегруппировалась в районе Уленхорста и пошла вперед.

Гвардейцы-самоходчики Кобрина сражались плечом к плечу с танкистами бригады. Полк прошел большой боевой путь. За боевые успехи он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени, получил почетное наименование Проскуровский. С величайшей отвагой и мастерством действовал полк и в Берлинской операции.

Самоходные установки — их называли в бригаде уважительно — «пушки с высшим образованием», наносили мощные удары по врагу: крушили доты, уничтожали огневые точки, срывали башни с хваленых фашистских «тигров», останавливали их одним снарядом. Артиллеристы славились исключительной меткостью, «пушки с высшим образованием» наводили на врага ужас.

Мощные ИСУ-122, ИСУ-152 надежно прикрывали наши танки. Экипаж лейтенанта Скибы в районе Карлсхорста уничтожил четыре фашистских танка, семь полевых орудий и до роты гитлеровцев. Раненный в голову, лейтенант Скиба не покинул поле боя, отказался эвакуироваться в медсанбат:

— Пока бьется сердце, установку не оставлю, буду драться до полного разгрома врага.

Так же самоотверженно сражался весь личный состав полка.

Авангардный танковый батальон капитана Деркача с десантом автоматчиков устремился к каналу. По данным разведки, мост через канал гитлеровцы не взорвали. Автоматчикам капитана Юдина предстояло расчистить путь танкам.

Сразу же вспыхнула ожесточенная схватка. За развалинами домов засели фаустники. Бойцы старшего сержанта Кузьмина вступили с ними в бой. Гвардейцы действовали решительно. Группа младшего лейтенанта Савицкого, преодолев развалины, вышла в тыл вражеской батарее. В фашистских артиллеристов полетели гранаты.

Бригада с ходу переправилась через канал, за ней последовали другие части и подразделения корпуса. Танки и самоходно-артиллерийские установки выступали в тесном взаимодействии со штурмовыми отрядами. В состав штурмовой группы чаще всего входили стрелковая и танковая роты, батареи самоходных установок, их прикрывали 76-миллиметровые орудия, взвод станковых пулеметов, взвод или рота противотанковых ружей и саперный взвод.

Утром 25 апреля на вражеские позиции снова обрушился огонь тысячи орудий, минометов, реактивных установок, наносили удар полторы тысячи самолетов. В это же утро воины бригады «Революционная Монголия» узнали, что войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились западнее Берлина и тем самым не только полностью окружили оборонявшуюся здесь группировку, но и рассекли ее на две части.

Сопротивление противника возросло, когда 11-й гвардейский танковый корпус нанес удар в направлении Потсдамского вокзала. Почти все ведущие к нему улицы были перегорожены баррикадами из толстых бревен, наваленных один на другой трамвайных вагонов, автобусов, груд камня. А за ними — автоматчики, команды фаустников, которые вели огонь из окон зданий.

В тяжелых боях бригада несла потери, каждый метр отвоеванной у врага земли был полит кровью советских воинов. В бою на Везирштрассе тяжело ранило начальника политотдела бригады подполковника Помазнева. Он всегда бывал в самых опасных местах, ободряя бойцов, увлекал их за собой. В этот же день гвардейцы узнали, что тяжелое ранение получил полковник Гусаковский,

дважды Герой Советского Союза. Командование бригадой принял его заместитель подполковник Стысин.

В городе продолжались упорные бои. Впереди широкая полоса серо-стальной воды канала. Мост уцелел, но перекрыт баррикадой и заминирован. На понтонах танки переправились на другой берег, двинулись по Вейксельштрассе и остановились — улица завалена обломками рухнувших зданий.

В районе Блюхерплатц наткнулись на минные поля. Пока саперы снимали мины, автоматчики-десантники кричали друг другу:

— Слушай, а где-то здесь Тиргартен! Зверинец!

— Интересно, зверей эвакуировали?

Проходы проделаны, и танки снова пошли вперед, десантники прижались к башне, выставив автоматы.

В этот день взяли семь кварталов. Назавтра — девять. Потом последовал приказ повернуть на северо-запад.

— Значит, Гитлера не поймаем,— заметил пожилой сапер.

— Другим достанется,— успокоил его автоматчик.

— Другим, другим... Гитлер — хрен с ним, рейхстаг бы захватить.

Последнюю боевую задачу бригада «Революционная Монголия» выполнила 1 мая. Ей было приказано овладеть западной частью Тиргартена, но для этого нужно было сначала переправиться через канал Ландвер, теперь уже восточнее зоологического сада. Завязался бой за мост через канал, но немцы сумели поднять его на воздух в самый последний момент. Под огнем противника саперы восстановили мост. Бригада ворвалась в юго-западную часть Тиргартена и выбила отряд противника, оборонявшего этот участок. Утром гитлеровцы выкинули белый флаг. Так закончилось для солдат и офицеров «Революционной Монголии» грандиознейшее сражение за Берлин.

Вся страна 9 мая праздновала День Победы. В бригаде состоялся парад. В стройных шеренгах стояли танкисты, самоходчики, пехотинцы, артиллеристы, саперы, связисты. На гимнастерках и комбинезонах — ордена, медали. Здесь же стояли танки с рубцами-вмятинами на броне, завершившие свой победный поход в поверженном Берлине.

В этот торжественный, незабываемый день бойцы и

командиры горячо поздравляли друг друга с победой, вспоминали минувшие бои и товарищей, отдавших свою жизнь за Родину. Победа была завоевана дорогой ценой. Останки многих воинов лежат ныне в братских могилах в Трептов-парке. Здесь же установлен памятник советским воинам-освободителям — величественная скульптура солдата с ребенком на руках.

История создания бригады — это замечательный пример нерушимого братства двух народов: советского и монгольского. Бойцы и командиры бригады с честью пронесли гвардейское и монгольское знамена до Берлина.

Боевой путь 44-й гвардейской танковой бригады «Революционная Монголия» — это частица истории Советских Вооруженных Сил.

Не перечислить всех подвигов, совершенных воинами-танкистами. Отчизна удостоила своих верных сынов многих наград: высокое звание Героя Советского Союза было присвоено шестнадцати бойцам и командирам бригады, а ее командир полковник И. И. Гусаковский стал дважды Героем.

Всего в бригаде было награждено советскими, монгольскими, польскими орденами и медалями 7088 человек.

За образцовое выполнение заданий командования, за мужество и героизм, проявленные личным составом в боях за Родину, 44-я гвардейская Бердичевская танковая бригада «Революционная Монголия» награждена орденами: Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого II степени, Суворова II степени, Кутузова II степени.

Вся история развития танковых войск, как и всей Советской Армии, неразрывно связана с деятельностью Коммунистической партии Советского Союза по укреплению обороноспособности нашей Родины.

Итоги Великой Отечественной войны Советского Союза убедительнейшим образом показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии.

БОЕВАЯ ДРУЖБА — НАВЕЧНО!

Многотрудные годы Великой Отечественной войны стали достоянием истории, но никогда не сотрутся в памяти людей героические дела советского народа. Время посеребрило головы ветеранов войны, многих уже нет в живых. Молодые воины приняли эстафету отцов и дедов.

Более тридцати лет прошло с памятного майского дня, многое изменилось в нашей жизни, но 44-я гвардейская бригада «Революционная Монголия» жива. Ныне она именуется гвардейским танковым Бердичевским ордена Ленина, Краснознаменным, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, орденов Монгольской Народной Республики Сухэ-Батора и Боевого Красного Знамени полком имени Сухэ-Батора.

Полк несет боевую вахту за рубежом, далеко на Западе, но связи с братским монгольским народом не потерял. Напротив, они еще более расширились и окрепли.

Сразу же после победоносного окончания Великой Отечественной войны командование бригады рапортовало правительству МНР:

«Монгольская Народная Республика
г. Улан-Батор
Премьер-министру и Главкому, Герою и Маршалу МНР
товарищу Чойбалсану

В связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и в связи с блестящими победами мы считаем своим особенно приятным долгом выразить Вам и в Вашем лице всему дружественному нам монгольскому народу, вложившему свои силы в борьбу против нацизма, самые горячие поздравления и приветствия.

Торжество советского народа — это торжество всего передового человечества, ибо наш народ грудью встал на защиту мировой цивилизации и великих идеалов свободы и прогресса и отстоял их от фашистских варваров. Кровью своих лучших сынов, ценой неисчислимых лишений и страданий наш народ отвоевал не только свою свободу и счастье, но также свободу и независимость многих других народов. Вечна будет память о тех, кто отдал свою жизнь за это великое дело...

К концу этой битвы наша Родина пришла еще более могучим и сильным государством, народы нашей страны сплотились вокруг ленинской партии, а Красная Армия овеяла свои знамена историческими победами, полным разгромом фашистских полчищ.

Наша гвардейская бригада внесла свою лепту в дело разгрома гитлеровских хваленых полчищ. На протяжении всех боевых действий бригада всегда была передовым соединением Красной Армии и за отличное выполнение приказов вышестоящего командования, за героизм и мужество личного состава награждена семью орденами и закончила свой победоносный путь в центре фашистского логова — в городе Берлине.

Командир гвардейской танковой Бердичевской, ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, Боевого Красного Знамени МНР бригады «Революционная Монголия» дважды Герой Советского Союза гвардии полковник Гусаковский

Начальник политотдела бригады гвардии полковник Помазнев.»

Вскоре была получена ответная телеграмма:

«Москва, Наркомат обороны СССР
Командиру гвардейской танковой Бердичевской,
ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова,
Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды,
Боевого Красного Знамени
МНР бригады «Революционная Монголия»

Дважды Герою Советского Союза
гвардии полковнику Гусаковскому
Начальнику политотдела бригады
гвардии полковнику Помазневу

От себя лично и от имени всего монгольского народа сердечно благодарю Вас и в Вашем лице весь личный

состав танковой бригады «Революционная Монголия» за Ваши теплые поздравления и приветствия в связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии.

В свою очередь поздравляю Вас и в Вашем лице весь личный состав танковой бригады с победой над черными силами фашизма. Главная заслуга в этой исторической победе принадлежит героической Красной Армии.

Монгольский народ разделяет радость этой победы со своим искренним другом — советским народом и заявляет, что так же, как и в дни великих испытаний, он будет прилагать все свои усилия к тому, чтобы оказать посильную помощь советскому народу по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства в бывших оккупированных районах.

Восхищаясь боевыми делами танковой бригады «Революционная Монголия», завершившей свой победоносный путь в центре фашистского логова — в городе Берлине, я от себя лично и от имени монгольского народа выражаю пожелание видеть Вас своими гостями в день 24-й годовщины Монгольской Народной Республики — 11 июля 1945 года.

Слава героической Красной Армии!

Премьер-министр, Герой и Маршал МНР Чойбалсан, г. Улан-Батор.»

С разных концов нашей необъятной страны приходят в часть письма. Пишут ветераны, бывшие танкисты, автоматчики, связисты, медицинские работники — солдаты, сержанты, офицеры запаса. Приезжают в полк и те, кто в огневые годы водил гвардейцев в атаки, руководил боевыми действиями. Бывший командир бригады дважды Герой Советского Союза, ныне генерал армии Иосиф Ираклиевич Гусаковский, бывший командир 11-го гвардейского танкового корпуса Герой Советского Союза генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман.

Ветераны встречаются с молодыми солдатами, офицерами, бывают на учениях, присутствуют на повседневных занятиях. Они покидают полк исполненные радости и гордости — сыны, идущие дорогой отцов, отлично несут службу.

Приезжают в полк и гости из далекой Монголии. 22 февраля 1964 года монгольская делегация вручила

части Красное знамя ЦК МНРП и Совета Министров МНР. Эта встреча явилась началом нового этапа дружественных связей гвардейцев-танкистов с монгольскими трудящимися.

В том же году к Дню танкистов был опубликован Указ Президиума Великого народного хурала о награждении танковой части «Революционная Монголия» высшей наградой МНР — орденом Сухэ-Батора.

Вскоре Постановлением Совета Министров СССР 44-му гвардейскому танковому полку было присвоено имя Сухэ-Батора.

11 октября 1964 года в полк прибыла партийно-правительственная делегация МНР, возглавляемая Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров республики Ю. Цеденбалом.

Надолго запомнился гвардейцам этот праздничный день — торжественное построение, церемония вручения награды.

«Мы, члены партийно-правительственной делегации МНР,— записал товарищ Цеденбал в историческом формуляре части,— с искренней радостью посетили прославленную в боях танковую часть «Революционная Монголия», стоящую на страже мира. Мы восхищаемся успехами личного состава в боевой и политической учебе, образцовым порядком всюду. От души желаем вам дальнейших успехов в вашей благородной миссии. Слава вам, гвардейцы-танкисты!

Да здравствует нерушимая монголо-советская дружба!

Цеденбал. 11.10.64г.»

И года не прошло, а в полку снова встречали дорогих гостей. На празднование 20-летия Победы приехал Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Самбу. Гвардейцы тепло принимали у себя высокого гостя.

В юбилейном 1967 году в Монгольскую Народную Республику выезжала делегация из танкового полка. Возглавлял ее И. И. Гусаковский. В составе ее входили фронтовики-ветераны полковники Г. С. Петровский и В. С. Юдин, Герой Советского Союза подполковник С. Н. Каршинов и другие. Монгольские друзья исключи-

тельно заботливо встретили гвардейцев. Делегация посетила несколько промышленных предприятий, танкисты встречались с монгольскими трудящимися, побывали на теплоэлектроцентрали в городе Дархане, беседовали с рабочими обувного комбината в Улан-Баторе. Делегация была принята Председателем Президиума Великого народного хурала. Во время приема И. И. Гусаковский вручил товарищу Самбу макет танка «Революционная Монголия», сделанный военнослужащими полка. Товарищ Самбу передал в подарок танкистам портрет Сухэ-Батора. Сердечной была встреча гвардейцев с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР товарищем Цеденбалом.

Монгольские друзья внимательно следили за боевой жизнью полка, интересовались успехами танкистов. В часть приезжали из далекой Монголии артисты, художники, кинооператоры. Все они принимали деятельное участие в подготовке к празднованию 50-летия Октября.

Талантливый монгольский художник Гомбосурэн написал панно на сюжеты из боевой жизни полка. Оно состоит из нескольких картин, лучшая из которых запечатлела исторический момент — вручение партийно-правительственной делегацией МНР, возглавляемой маршалом Чойбалсаном, бригаде танковой колонны «Революционная Монголия».

Участники художественной самодеятельности на праздничных концертах исполняют песни монгольских композиторов «Восход солнца», «Красное знамя» и другие, танцевальная группа не раз награждалась аплодисментами за исполнение народных танцев братской страны.

В центре военного городка установлен памятник герою монгольского народа Сухэ-Батору. Торжественное открытие памятника превратилось в массовый митинг монголо-советской дружбы. На митинге выступил командир танка «Революционная Монголия» Сергей Добров.

В грозные годы Великой Отечественной войны танки с монгольскими именами на броне прошли славный путь борьбы и побед. В бригаде был танк, носящий имя вождя монгольского народа маршала Чойбалсана. Немало славных подвигов вписал его героический экипаж в боевую историю части. Много лет стояла эта тридцатьчетверка на почетном месте в танковом парке. Как символ

советско-монгольской дружбы, которая закалилась и окрепла в годы Отечественной войны, те надписи, которые горели на броне в грозные годы, красуются на танках и сейчас. Точно такой же танк установлен на центральной площади Улан-Батора.

Молодые солдаты-танкисты гордятся своей частью, подвигами и славой отцов. Овладевая сложной техникой, воины борются за переходящий вымпел — маленький красный флажок, на котором золотом вышит герб МНР. Этот вымпел получает тот экипаж, который добьется самых высоких показателей в боевой и политической подготовке.

В 1969 году в часть приехала партийно-правительственная делегация МНР, возглавляемая Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики товарищем Ю. Цеденбалом. Танкисты стояли в строю против памятника Сухэ-Батору. Три красных знамени развевал легкий ветер: боевое гвардейское Знамя части, памятное Знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР и Почетное Красное знамя ЦК МНРП и Совета Министров МНР.

Приняв рапорт командира полка, товарищ Цеденбал обошел замерший строй, поздоровался с танкистами, а потом с сопровождавшими его лицами поднялся на трибуну. Начался митинг, после которого гвардейцы прошли мимо трибуны торжественным маршем, приветствуя высоких гостей. Статные, с отличной выправкой воины, проходившие безукоризненно стройными рядами, приветствовали друзей из братской страны, утверждая дружбу народов, рожденную Октябрем, проверенную и испытанную в горниле войны.

Все последующие годы танкисты-гвардейцы поддерживали тесный контакт со своими монгольскими друзьями, чередовался обмен делегациями. В ознаменование 30-летия со дня вручения советским танкистам танковой колонны «Революционная Монголия» в МНР прибыла делегация воинов полка: подполковник В. А. Филатов, командир отличного танкового батальона подполковник В. Ф. Страхов, командир танка «Революционная Монголия» сержант М. М. Змиевский и командир танковой роты капитан И. А. Ткач.

В морозные январские дни 1973 года посланцы полка были согреты в МНР теплом дружеских сердец, радушием братского народа.

В эти же дни в полку гостила монгольская партийно-правительственная делегация во главе с заведующим отделом ЦК МНРП товарищем Батаа и заместителем министра обороны МНР генерал-полковником Цог.

В части был проведен торжественный митинг, высоким гостям продемонстрировали боевую технику и провели показательные учения.

4 апреля 1974 года в полк приехал министр обороны МНР генерал армии Б. Дорж. Он посетил музей боевой славы, побывал в подразделениях, беседовал с членами танковых экипажей. Группа воинов полка была награждена правительственными наградами МНР. В числе награжденных командир полка полковник А. П. Мухин, подполковник Н. И. Карпухин, подполковник В. В. Подколзин, заместитель командира полка по политчасти подполковник В. А. Филатов, заместитель командира полка по техчасти подполковник С. А. Цымбалюк, майоры Н. Н. Гуков, В. Н. Воробьев, старшина Т. Н. Тепляков, командиры танковых рот лейтенанты братья В. А. и Ю. А. Котельниковы...

В те дни, когда заканчивалась работа над этой книгой, на страницах газет рассказывалось о визите в Монгольскую Народную Республику советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым для участия в торжествах по случаю 50-летия III съезда МНРП и полувекового юбилея провозглашения МНР. 22 ноября 1974 года Политбюро ЦК МНРП вынесло постановление о присвоении товарищу Л. И. Брежневу звания Почетного гражданина республики.

Крупным вкладом в дело дальнейшего углубления советско-монгольских отношений, укрепления единства социалистических стран и упрочения мира и безопасности на Дальнем Востоке явился Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между МНР и СССР, подписанный в 1966 году во время визита в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Выражая чувства всенародного уважения и глубокой признательности трудящихся МНР к ленинской Коммунистической партии Советского Союза, правительству и народам СССР, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежнему за постоянную, подлинно интернационалистскую заботу о счастье и процветании монгольского народа, за многогранную помощь и поддержку в строительстве социализма, Политбюро ЦК МНРП постановило: присвоить Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу звание «Почетный гражданин Монгольской Народной Республики» с вручением ему «Золотой звезды Почетного гражданина МНР».

В ответной речи Л. И. Брежнев сказал:

«Летопись нашей дружбы насчитывает много славных страниц. Но, как и прежде, всем нам особенно дорого воспоминание об исторической встрече Владимира Ильича Ленина с Сухэ-Батором, бесстрашным вождем монгольской революции...

Советские люди помогают своим монгольским братьям строить новую жизнь. В свою очередь и монгольские товарищи помогают нам. И ведь эта помощь не от избытка. Мы бескорыстно делимся друг с другом тем, в чем нуждаемся и сами. Именно так поступали советские люди, поддерживая монгольский народ еще в первые, трудные годы Советской власти.

Так поступали и монгольские друзья. Особенно почувствовал это наш народ в пору тяжелых испытаний, в годы Великой Отечественной войны. Вот красноречивый факт. В 1943 году, в разгар ожесточенных боев с фашистскими захватчиками, на фронт прибыла монгольская делегация во главе с маршалом Чойбалсаном. Она передала Советской Армии колонну танков, созданную на средства, собранные монгольскими трудящимися. Такое, товарищи, не забывается!»

Действительно! Такое никогда не забудет наш народ, наши Вооруженные Силы. Боевое содружество, скрепленное кровью народов-побратимов, останется в веках.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Кириллович Попель

БРИГАДА «РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОНГОЛИЯ»

Документальная повесть

Зав. редакцией **Г. М. Некрасов.** Редактор **В. Н. Курбатов.** Художник **Ю. И. Сотников.** Художественный редактор **Г. Л. Ушаков.** Технический редактор **С. А. Бирюкова.** Корректор **И. С. Судзиловская**

ИБ № 224

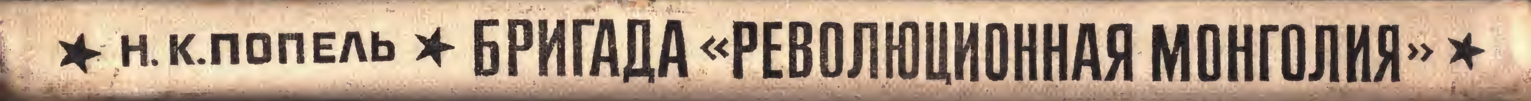
Г-91783. Сдано в набор 16/XI 1976 г. Подписано в печать 26/IV 1977 г. Изд. № 3/574. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Тираж 100 000 экз. Цена 78 коп. Усл. п. л. 9,66. Уч.-изд. л. 9,31. Зак. 3738.
Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР, 107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Минск, Красная, 23.

78 коп.

★ Н. К. ПОПЕЛЬ ★ БРИГАДА «РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОНГОЛИЯ» ★